

В Ъ С Т Н И К Ъ
Е В Р О П Ы,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михайломъ Катеновскимъ.

Ч А С Т Ъ XXIV.

М О С К В А, 1805.

Въ Университетской Типографіи,
у Любія, Гарія и Полова.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, укреж-
деннаго для Округа Императорскаго Москов-
скаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

Н О Я Б Р Ъ 1805.

№ 21.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Юлій - Романъ.

Юлій - Романъ , славнѣйшій ученикъ Рафаэля, любезнѣйшій своему учителю, былъ одинъ изъ первокласныхъ Живописцевъ Италіянскихъ. Онъ особенно отличился обиліемъ мыслей и жаромъ. Его Генті не вмѣщался въ пространствѣ узкой холстины, въ обыкновенныхъ кабинетахъ; нѣтъ! ему надобны были обширныя стѣны, пышные, огромные чертоги. Юлій - Романъ имѣлъ болѣе воображенія, нежели чувствительности, болѣе силы, нежели нѣжности; его выраженія рождались въ головѣ, не въ сердцѣ; отъ того онъ болѣе изумляетъ, менѣе трогаетъ. Онъ во всемъ величественъ, и часно достигаетъ до *высшренности* (sublime); подъ симъ словомъ

разумѣю не ту совершенную выспренность, копорая состоитъ въ соединеніи величія и простоты, но порывы пылкой головы, приводящіе въ восторгъ множествомъ не-несбычайныхъ предметовъ, быстро одинъ за другимъ слѣдующихъ, — предметовъ, никогда невиданныхъ, но на копорые всегда смотрѣть хочется.

Будучи искусенъ въ рисовкѣ, великъ въ изобрѣшеніи, Юлій - Романъ, кажется, особенно занимался сими двумя главными часпями и не радѣлъ о прочихъ; краски его слабы; онъ рѣдко обращалъ вниманіе на гармонію и на точную посипепенность въ ошпѣнкахъ. Не смотря на то, его произведенія, копорыя часно кажутся не совсѣмъ докончанными, нравятся величественною смѣлостію не менѣе картинъ, совершенно отдѣланныхъ.

Онъ долго работалъ съ Рафаэлемъ, долго писалъ по его рисовкѣ, и столько привыкъ ко спилу сего великаго Художника, что во многомъ походитъ на него, а тѣмъ самымъ теряетъ свою оригинальность. Гдѣ онъ ближе бывалъ къ своему учителю, тамъ далѣе самъ отъ себя.

По смерти Рафаэля, Юлій - Романъ остался подъ руководствомъ своего собственнаго Генія, и пошелъ совсѣмъ по другой дорогѣ. Онъ прилѣжно разсматри-

валъ столбы Траяна, Антонины и Феодосія; по симъ памятникамъ образовалъ вкусъ свой въ начертаніи воинской одежды, опспушивъ нѣсколько опъ проспоны древяго спиля. Бывъ самъ Поэтомъ и другомъ знаменитѣйшихъ Италіянскихъ Поэтовъ, онъ оставилъ въ своихъ картинахъ слѣды вкуса тогдашней Литпературы; желая предспавить Грековъ или Римлянъ, всегда изображалъ ихъ Рыцарями временъ новѣйшихъ. Ни одинъ Живописецъ не можетъ похвалиться такимъ множествомъ Героевъ Аріостовыхъ и тѣхъ, которыхъ попомъ воспѣлъ Тассъ въ своей Поэмѣ. Войны Гомеровы у него походятъ не на Аясовъ, Діомедовъ, Ахилловъ, но на Танкредовъ, Годефроа, Рено, Роландовъ, Мандрикардовъ, Арганшовъ; походятъ на ужасныхъ Мавровъ, на чудесныхъ Рыцарей. Онъ показываетъ намъ копья и мечи, славныя своими ударами; изображаетъ коней, споль же необыкновенныхъ, какъ и всадники. Между женщинами, написанными его кистию, вы видите неуспрашимыхъ Брадамантъ, мужественныхъ Клориндъ; но не найдете въ нихъ ни прекрасной Бризеиды, ни нѣжной Иенгеніи, ни вѣрной Андрوماхи.

Кто рожденъ съ великою способностію къ одному Искусству, споль иногда можешъ

успѣтъ почти во всѣхъ прочихъ; знаменитый Живописецъ Юлій - Романъ былъ вмѣстѣ и славнымъ Зодчимъ. Прекрасныя громады, зданія, сооруженныя по начертаніямъ величественнымъ, новымъ, иногда страннымъ, даютъ ему отличное мѣсто между Зодчими. Онъ построилъ въ Римѣ многія обширныя зданія; но въ Маншуѣ, куда привлекла его собственная слава, онъ, какъ Живописецъ и Зодчій, показалъ таланты свои во всемъ блескѣ. Маншуа наполнена произведеніями трудовъ его, посвященныхъ на пользу и украшеніе сего города. Однимъ изъ важнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ памятниковъ его Искусства есть дворецъ Т., украшенный богатыми картинами. Тутъ огромныя стѣны прорублены и обрушены его смѣлою кистью; тутъ видна вся чудесность Искусства; тутъ онъ показалъ обширную ученость свою и богатство Генія; на стѣнахъ Юлій - Романъ для изумленія людей собралъ все, что ни есть необыкновеннаго въ Натурѣ и въ воображеніи; тутъ онъ представляеть людямъ все великое, что ни удалось имъ видѣть, и все то, о чемъ пылкія головы мечтали въ продолженіе многихъ столѣтій.

Въ Аполлоновой галлерей хранятся его бумажные рисунки въ чернѣ, назначен-

ные служить образцами для украшенія комнатъ; въ нихъ виденъ весь талантъ Художника, великія мысли, искусная, выразительная, ученая рисовка. Содержаніе прекраснѣйшихъ картинъ сихъ по большей части взято изъ Исторіи Сципіоновой жизни; у него Римляне не похожи на древнихъ Республиканцевъ; Картагенцы наружноспію своею подходятъ ближе къ Африканцамъ, современникамъ Художника, нежели къ Героямъ Пуническимъ: но тѣ и другіе ужасають своимъ видомъ, грознымъ и воинственнымъ. Два изъ упомянутыхъ рисунковъ принадлежали къ собранію картинъ, извѣстному подъ именемъ *Плоды войны*, и представляють живой образъ несчастій, сопряженныхъ съ войною. Тутъ видны гордыя фигуры, свирѣпыя черты на лицахъ людей едва просвѣщенныхъ, возмужавшихъ въ подвигахъ бранныхъ; видны крѣпость здоровыхъ спариковъ, мужественная, неизнѣженная красота женъ и дѣтей.

Надобно признаться, что Юлій - Романъ — которой по видимому всегда выходилъ за границы умѣренности, и не только изображаетъ людей обыкновенныхъ — можетъ бытъ, одинъ только умѣлъ представить Напуру народовъ полудикихъ. Онъ переноситъ насъ въ нѣдра семействъ сихъ

людей, страшныхъ для сосѣдовъ; переносишь насъ на поле кровавыхъ битвъ, и показываешь намъ исполиновъ, почитаемыхъ баснословными отъ націй изнѣженныхъ, лишившихся крѣпости первобытной. Въ самомъ дѣлѣ, люди, съ младенчества привыкшіе къ ранамъ, безпрестанно занимавшіеся войною, полагавшіе честь и славу свою въ побѣдѣ, почитавшіе неустрашимость единственною добродѣтелію, — люди, которыхъ жены приносили за собою въ приданое коней и оружіе, сражались и умирали подлѣ мужей своихъ — такіе, говорю, люди походятъ ли на нынѣшнихъ жителей Европы, безъ сомнѣнія споль же храбрыхъ, но ослабѣвшихъ отъ роскоши, изнѣженныхъ Искусствами? Самыя лучшія дерева садовъ нашихъ имѣютъ ли сходство съ угрюмою елью, съ древнимъ дубомъ, распускающимися на горахъ непроходимыхъ, — съ сими гигантами, которыхъ корни омываются прозрачными ручьями, а высокіе верхи въ облакахъ скрываются?

Юлій - Романъ, любезный Музамъ и людямъ полезный, достойно заслуживаетъ громкую славу свою, которую пріобрѣлъ въ просвѣщенной Европѣ удивительнымъ множествомъ картинъ, изобилующихъ разительными красотами. Онъ есть такой Художникъ, котораго произведенія должно

чаще показываешь молодымъ Живописцамъ испорическимъ, не для подражанія имъ, но чтобы воспламенить юное воображеніе. Поэты равнымъ образомъ съ пользою могутъ смотрѣть на его картины, возбуждающія глубокую задумчивость, которая, какъ извѣстно, есть пища высокой Поэзіи.

Онъ имѣлъ счастіе въ молодости своей пользоваться дружбою Рафаэля; конецъ жизни его ознаменованъ дружескою связью съ Маркизомъ Манпуанскимъ и съ Кардиналомъ Гонзагомъ. Юлій-Романъ принадлежитъ къ малому числу тѣхъ Архисповъ, которые славою своею разпростирали славу Государей, сплично уважавшихъ великіе таланты.

Телссонъ.

II.

Объ источникѣ Воклюзскомъ и жизни Петрарковой.

Воклюзъ, Петраркъ, Лаура! — имена, которыхъ не могутъ произнести равнодушно любители красавицъ и Поэзіи, не могутъ произнести безъ чувства благоговѣйнаго. Воклюзской испочникъ и долина милы для друга Природы, какъ мѣста романтическія, живописныя; но тамъ Патри-

архъ Италианскаго Спихотворства воспѣвалъ Лауру въ безсмертныхъ своихъ пѣсняхъ — вотъ причина, для которой описанія очаровательнаго Воклюза и жизни людей, прославившихъ мѣсто сіе, всегда будутъ пріятны для Чипателлей.

Въ книгѣ, недавно вышедшей въ свѣтъ на Французскомъ языкѣ, подъ названіемъ: *Petrarque à Vaucluse, prince de la Poésie lyrique Italienne, Orateur et Philosophe le plus renommé de son siècle et cet.*, содержатся подробныя извѣстія объ источникѣ Воклюзскомъ, о Петраркѣ и о Лаурѣ. Дадимъ понятіе Чипателлямъ нашимъ о сей книгѣ.

Она раздѣляется на двѣ части. Въ первой помѣщено описаніе Воклюзской долины, дороги, ведущей къ долинѣ, чудеснаго источника, вытекающаго будио бы изъ подземнаго моря, фиговаго дерева, которое въ Петрарково время осѣняло пещеру, и по сходству своему съ Египетскимъ Ниломъромъ кажется отъ Напурь назначеннымъ служить мѣрою прибавленія и уменьшенія воды въ источникѣ.

Мѣстоположенія смѣющіяся, величественныя и грозныя, разнообразятъ очаровательную картину, и доказываютъ, что не напрасно стекаются туда посѣпители со всѣхъ сторонъ. „Путешественники — говоритъ Авторъ книги — съ крайнею

нестерпѣливостію спрашиваютъ у жителей, которые на вспрѣчу имъ попадаются, гдѣ отыскать можно слѣды Петрарка и Лауры. Судя по живому участию вопрошающихъ, вы подумаете, что Петраркѣ и Лаура еще живутъ на свѣтѣ, и что путешествіе предпринято единственно для того, чтобы познакомиться съ ними. . . . Съ какою заботливостію стараются узнать о мѣстѣ, на которомъ стоялъ домъ безсмертнаго Поэта! разспрашиваютъ о малѣйшихъ подробностяхъ развалинъ, о пещерахъ, въ которыхъ раздавались его любовные вздохи; прислушиваются къ эху, которое повпорядо его Сонеты.“ — Авторъ заключаетъ первую Часть прекрасною пѣснею къ Воклюзскому источнику, извѣсною почти на всѣхъ языкахъ:

Chaire, fraîche e dohi acque & set.

пѣснею, о которой говоритъ Мурапори: „Когда ее читаю, чувствую какое-то сладостное томленіе, котораго названія не умѣю, и котораго никогда со мною не случилось при чтеніи другаго стихотворенія.“

Вторая Часть короче знакомитъ Читателя съ Героемъ. Авторъ описываетъ всѣ эпохи жизни его, почерпая матерію изъ собственныхъ писемъ Петрарковыхъ, хранящихся въ разныхъ библіотекахъ, изъ напечатанныхъ его сочиненій, и изъ дру-

гихъ достовѣрныхъ источниковъ. Сей знаменитый Импаліанецъ родился 1304 года Юля 19 го дня въ Арещо, куда отецъ его удалился, бывъ принужденъ выѣхать изъ Флоренціи. По прошествіи нѣкотораго времени, семейство его переселилось въ Авиньонъ, Папскую столицу; юнсей Петраркъ первые годы молодости своей провелъ въ семь городѣ, а оканчивалъ науки въ школѣ Карпенпрасской, въ Монспелле и въ Болоніи. Подобно Овидію, бывъ увлекаемъ стремленіемъ своего Генія, онъ отказался отъ сухой науки Законовѣдѣнія, къ которой отецъ назначалъ его, и съ пламенною ревностію предался Спихотворству. Отецъ принужденъ былъ уступить склонности сына. Подобно Овидію, Петраркъ по большей части читалъ одни стихи, и стихи любовные; его не мзя упрекать нарушеніемъ благоприсойности, которой не наблюдалъ Поэтъ Римскій. Кресцембейнъ справедливо говоритъ о немъ: „Петраркъ умѣлъ къ обществу трехъ Грацій присоединить четвертую, а именно благоприсойность.“

Лаура родилась 1308 го года; она была дочь Кавалера Олиберна, Синдика Авиньонскаго, и въ 1345 мѣ году вышла за мужъ за Гюга Сада. Главное обстоятельство въ жизни Поэта есть его свиданіе

съ Лаурою въ Авиньйонской церкви Св. Клары 6 го Апрѣля 1527 го года, въ спра- сную пятницу. Ему тогда было онѣ роду 25 года, Лаурѣ 18. При семъ случаѣ онѣ въ первой разѣ почувствовалъ страсть, копорая сдѣлала безсмертнымъ его имя, страсть, по вдохновенію копорой онѣ — какъ самъ признается — сочинилъ большую часть неподражаемыхъ своихъ Пѣсней. Па- мять сего свиданія предана попомству въ Пѣснѣ, начинающейся слѣдующими словами:

*Era il giorno che al sol si scolarago
Per la pietà di suo fattar, i gai.*

(Былъ день, въ которой лучи солнца, благо- говѣя предъ Творцемъ своимъ, поблѣднѣли.)

Не должно думать, буди по сія любовь была не иное что, какъ игра Поэзіи; нѣтъ, всѣ его сочиненія, и въ стихахъ и въ прозѣ, доказываютъ противное. Не должно также думать, что любовь его была только Плапоническая, хотя и извѣстно, что Лаура умѣла держать своего любезнаго въ тѣсныхъ границахъ. Ей пріятно было почипать себя предметомъ справи зна- мениатаго Мужа; не смотря на то, добрая слава ея осталась неповрежденною. Въ наше время покажется спраннымъ, что человекъ, избравшій духовное званіе и принадлежавшій церкви, признавался пе-

редъ дѣлымъ свѣтомъ въ споль нѣжной, пламенной спрасши.

Другой важнѣйшій случай въ жизни Петрарковой естъ тріумфъ, копорымъ почтили его въ Капитоліѣ, и уваженіе, копорое торжественнымъ образомъ изъявлено было его великимъ дарованіямъ и славѣ. Въ то самое время, когда Сенатъ Римскій приглашалъ его пріѣхать въ Римъ для полученія вѣнца Піипическаго, Парижскій Университетъ сдѣлалъ ему такое же предложеніе. Петраркъ предпочелъ древнюю столицу мѣра Парижу; торжественный обрядъ совершился 8 го Апрѣля 1341 го года, въ день Пасхи. Гюи Ареццо, одноземецъ Петрарка, оспавилъ намъ описаніе сего доспамятнаго произшествія. Думаая, что нашимъ Чинапелямъ будетъ пріятно узнать, какимъ образомъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ спдавали уваженіе талантамъ, и какія тогда наблюдаемы были обыкновенія при споль важномъ случаѣ, сокращенно выписываемъ извѣспіе изъ сочиненія Гюи Ареццо:

„Праздникъ начался торжественнымъ опправленіемъ Божіей службы. Послѣ обѣденнаго спола, копорой былъ данъ въ чертогахъ Колонны, совершенно облаченіе Тріумфатора. Все имѣло смыслъ аллегорическій. Разноцвѣтные пухли на ногахъ —

•динѣ багряный, другой фїолетовый —
 имѣли свое значеніе Молодая дѣвушка,
 босая, съ разпущенными волосами, опоя-
 санная повязкою изъ медвѣжей кожи,
 держащая въ рукѣ зажженую свѣчу,
 несла шлейфъ его плащя — она предста-
 вляла *Глулостъ* Пепраркѣ възсѣлъ на
 колесницу, украшенную золошою парчею;
 въ рукахъ его была большая лира изъ
 слоновой кости Венера, почти нагая,
 и при Градіи сидѣли на колесницѣ съ Поэ-
 томъ. . . . Бахусъ сидѣлъ на дышлѣ. . . .
Терлѣніе держало коней за повода; передъ
 нимъ шла крестьянка съ хлыстомъ, кото-
 рая гнала молодаго челоуѣка, хорошо
 одѣпаго, намащеннаго благоуханіями; онъ
 зѣвалъ и выпягивался съ видомъ неради-
 вымъ. Дѣвушка означала *напряженіе*, а
 юноша *праздность*.“ Пропустимъ описаніе
 другихъ аллегорій и упомянемъ о чертѣ,
 яснѣе изображающей характеръ того вре-
 мени. „Послѣ ужина — говоритъ Гюи
 Арццо — Пепраркѣ, для увеселенія
 присушествовавшихъ Госпожѣ, танцовалъ
 прекрасный и выразительный танецъ
 Маврскій, имѣя на рукахъ и ногахъ ма-
 ленькіе колокольчики; это по тогдашнему
 времени означало самую тонкую вѣжли-
 вость, какую — только вѣнчаный Поэтъ
 могъ оказати обществу.“

Истина историческая заставляет насъ упомянуть, что Петраркъ, при всей любви своей къ Лаурѣ, былъ ей не всегда вѣренъ. Онъ имѣлъ отъ тайной связи сына и дочь. Первой умеръ въ дѣтствѣ; вторая вышла за Франциска Броссано, Миланскаго дворянина, копорой въ акшахъ и въ написи, поставленной имъ надъ гробомъ Поэта, наименовалъ себя его зятемъ.

Петраркъ до конца жизни своей наслаждался всѣми выгодами блестящей славы. Многіе Папы, одинъ послѣ другаго сряду, оказывали ему отличное уваженіе, хотя Поэтъ не щадилъ Римскаго Двора въ своихъ сочиненіяхъ; многіе Государи Европейскіе наперерывъ одинъ передъ другимъ старались имѣть его при себѣ: Петраркъ предпочиталъ свободу, учебныя занятія и Воклюзское уединеніе пышности придворной. Иногда онъ оспаивалъ на время сіе любимое мѣсто, но тайное побужденіе опять привлекало его къ источнику Воклюзскому.

Департаментъ Воклюзскій недавно воздвигъ памятникъ въ честь безсмертнаго Поэта. Изящныя науки обязаны благодарить Сочинителя книги, изъ которой выписаны сіи извѣстія о Поэтѣ; онъ воздвигъ ему другой, столь же почтенный, памятникъ, копорымъ каждый мо-

жетъ любоваться, не посѣщая Воклюзской долины. Я говорю о Аббатѣ Арнавонѣ, Каноникѣ Парижскомъ. Онъ родился въ Лвиньонѣ, и былъ прежде Пріоромъ Воклюзскимъ, слѣдственно жилъ въ странѣ, прославленной знаменитымъ Поэтомъ. Никлю лучше его не могъ собрать преданій, носящихся между жителями. Извѣстно, что Г. Арнавонъ имѣетъ подлинныя изображенія Петрарка и Лауры, которыя конечно интересны для каждаго, если не по свѣжести красокъ, по крайней мѣрѣ по своей точности. Жаль, что Г. Аббатъ Арнавонъ не приложилъ при своемъ сочиненіи копій съ портретовъ. Онъ можетъ издашь ихъ при претей Части, которой любители чпенія неперпѣливо ожидаютъ, судя по достоинству двухъ первыхъ.

(Извѣ Фр. См.)

III.

Анекдотъ изъ Шведской Исторіи.

Герцогъ Роганъ напечаталъ 1666 го года въ Кельнѣ книгу подъ названіемъ : „Intérêts et maximes des Princes et des états Souverains“, которую теперь найти весьма трудно, и въ которой помѣщенъ слѣдующій досто-

памятный анекдотъ , относящійся до Шведской Исторіи. Ни Далвиъ , ни Пуффендорфъ , ни Ламьеръ , ниже другой кто нибудь — сколько я знать могу — ничего объ немъ не упоминающъ.

Сигизмундъ III, какъ извѣстно, былъ въ одно время Королемъ Шведскимъ и Польскимъ. Онъ такъ полюбилъ новое свое Королевство, что вмѣсто Стокгольма назначилъ Варшаву мѣстомъ своего пребыванія. По силѣ договора, заключеннаго между имъ и Шведскими Чинами, ему дозволено было четыре года жить въ Варшавѣ, а пятой непременно въ Стокгольмѣ. Спустя нѣсколько времени онъ занялся важными дѣлами, по случаю войны съ Россіянами, Турками и Татарами. Сіи общошешесва удержали его въ Польшѣ долѣе, нежели дозволялось ему жить въ ней по законамъ Шведскимъ.

Пятнадцать лѣтъ Сигизмундъ провелъ въ Королевствѣ наследственнаго, не видя Шведскихъ своихъ подданныхъ, которые явно роптали на отсутствіе Государя.

Иезуиты, снискавшіе всю довѣренность его, и управлявшіе имъ почти самовласно, пр совѣповали ему послать въ Стокгольмъ вмѣсто себя Сенатъ, которому была бы ввѣрена полная, неограниченная мочь управлять Королевствомъ, и

которой состоялъ бы только изъ однихъ Иезуитовъ. Король послушался совѣта, наименовалъ Сенаторовъ и приказалъ готовишь для нихъ полномочія. Между тѣмъ, пока Сенаторы собирались въ Данцигъ, чѣобы опшуда плышь въ Швецію, Сигизмундъ отправилъ въ Стокгольмъ повелѣніе, по содержанію котораго Чины должныствовали приняшь Сенатъ, и оказывашь ему почтеніе, какъ самому Государю.

Карлъ, дядя Королевской, Принцы и Прелаты опредѣлили сдѣланъ блистательнѣйшійя приготовленія для встрѣчи. Между тѣмъ Карлъ, созвавъ своихъ приближенныхъ, представилъ имъ, сколь поспѣдно какъ для него, такъ для Принцевъ и вельможъ Королевства, бышь подѣ управленіемъ Поповъ, которые прѣѣхали въ Швецію для того единственно, чѣобы ввести Капюлическую вѣру. Всѣ приняли его сторону. Архіепископъ Упсальскій, первый Чиновникъ Королевства, вставъ съ мѣста, сказалъ: „Когда Сигизмундъ презираетъ насъ и не хочетъ уже бышь Королемъ нашимъ, то и мы уничтожаемъ свои обязанности. Онъ отказался отъ своей власти, поручивъ ее Иезуитамъ, изъ которыхъ Сенатъ составленъ. Мы еще не признали ихъ въ новомъ достоинствѣ; освобождаю васъ отъ подданства и

всѣхъ обязанностей, которыя вы присягою на себя возложили.“ — Архіепископъ Ботннскій, обнявъ Герцога Карла, произнесъ: „Я не знаю другаго Короля, кромѣ тебя; избавь насъ отъ ненавистнаго Сената!“ Всѣ присунствующіе послѣдовали его примѣру.

Положено хранить въ тайнѣ опредѣленіе. Для принятія Сената изготовленъ великолѣпный фейерверкъ. Корабль, на которомъ приплыли Іезуиты, споялъ на рейдѣ, близъ Спокгольма. Герцогъ Карлъ самъ поѣхалъ на встрѣчу Сенаторамъ, съ шѣмъ, чіобы торжественно ввести ихъ въ городъ. Онъ выбралъ для сего ночное время, будіо для того, чіобы съ приспани лучше можно было видѣть пошѣшныя огни.

Такимъ образомъ онъ отправился на рейду, сопровождаемый многими кораблями. Подѣлывши ближе къ кораблю, на которомъ Сенатъ находился, приказалъ палишь по немъ изъ пушекъ, и пустилъ его на дно моря; ни одинъ человекъ не спасся отъ пошопленія. — Карлъ возвратился въ Спокгольмъ съ тріумфомъ, велѣлъ въ церкви пѣнь: *Тебе Бога хвалимъ*, и попировалъ съ друзьями своими на счетъ приготовленій, сдѣланныхъ для угощенія духовнаго Сената.

Тезуишы , находившіеся въ Стокгольмѣ и тщетно ожидавшіе прибытія своихъ собратій , не прежде полуночи узнали о случившемся несчастномъ произшествіи. Они спарались возмутишь народъ прошивъ Карла — но безъ успѣха. Сигизмундъ два года послѣ того велъ войну несчастную ; дядя его воцарился въ Швеціи подъ именемъ Карла IX.

Шредеръ.

IV.

Дань удивленія великимъ людямъ.

Долгое время спустя послѣ смерти Шакеспира, продавали съ публичнаго торгу соломенный стулъ, на которомъ Поэтъ сиживалъ. Оипъ усердія покупателей цѣна возрасла до чрезвычайности; по единодушному согласію положено разрубить стулъ на мѣлкія части, чѣобы всѣмъ доставить равное удовольствіе. Парикъ Жанъ - Жака Руссо имѣлъ почно ту же участь послѣ его смерти. Человѣкъ хочешь непременно обладать видимымъ знакомъ Генія невидимаго, которой на него дѣйствовалъ и еще дѣйствуетъ. На семь правилъ законодателя политическіе и изобрѣтатели Рели-

гій утвердили свои поспановленія. Человѣкъ, склонный ко благочестію, принимая какое - нибудь исповѣданіе — положимъ самое лучшее — всегда готовъ внасъ въ суевѣріе. Онъ хочетъ не только успокоить умъ свой, но еще удовлетворить чувствамъ; ему нужны обряды, пышность, зрѣлища, слова. Невидимый кумиръ требуетъ видимыхъ знаковъ почтенія.

Не смотря на то, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ великіе люди были угнетаемы, поносимы, изгоняемы изъ отечества и даже умерщвляемы. Семисполкъ, избавившій Грецію отъ ига варваровъ, самъ былъ выгнанъ изъ спасеннаго имъ отечества, и какъ бездомный странникъ кончилъ жизнь свою между варварами, нѣкогда имъ побѣжденными. Мильпіадъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ мужей древней Греціи, умеръ въ темницѣ. Фокіонъ, мудрый Фокіонъ, выпустилъ послѣдній вздохъ въ объятіяхъ палача. Сократъ осужденъ испить смертную чашу. Гракхи, отважные защитники Римскаго народа, умерщвлены въ самомъ Римѣ отъ того самаго народа, котораго права защищали. Слѣблль, но мудрый и добродѣтельный, Иоганъ Гуссъ кончилъ жизнь свою на крестѣ. Генрихъ IV палъ отъ руки злодѣя. Сколько можно бы насчитать великихъ мужей

невинно пострадавшихъ! Такимъ образомъ
человѣчество и Христіянская Церковь
должны искать святыхъ своихъ Угодни-
ковъ въ списокъ мучениковъ.

Между тѣмъ, утѣшительно для
сердца видѣть и быть увѣреннымъ, что
черезъ эшафоны и коспры лежишь дорога
къ обожанію, и что поносная смерть ве-
дешъ къ безсмертной славѣ. Публичная
признапельность тѣмъ опличаенся отъ
публичнаго правосудія, что послѣднее въ
описуспвіи преступника *вѣшаетъ* его
изображеніе, напрошивъ того первая *вѣ-*
шаетъ особу великаго мужа, чтобы послѣ
кланялись его образу.

Рѣдко заслуга получаетъ должную
награду. Основатели великихъ Имперій,
новыхъ Религій, новыхъ сектъ фило-
софическихъ, обыкновенно во всю жизнь
сперили съ своими противниками. Усплія,
препятства, лишеніе удовольствій, даже
многія нужды обыкновенно сокращаютъ
жизнь ихъ, такъ что плодами подъятыхъ
трудовъ по большей части наслаждаются
не они сами, но ихъ преемники. Не ча-
сто ли были примѣры, что воины, способ-
ствовавшіе одержанію блестящей побѣды,
не пользовались почестями триумфа, по-
тому что пали на сраженіи?

Въ наши времена поступаютъ благо-
разумнѣе и справедливѣе, а особливо въ
Германіи, гдѣ съ давняго времени никто
изъ великихъ Мужей не умираетъ насиль-
ственной смертію — хотя многие изъ нихъ
лишились жизни отъ голода и нужды.
Не заслужилиль памятниковъ Лессингъ и
Лейбницъ (*)? Скажутъ правду, имъ па-
мятники не нужны: ихъ сочиненія швер-
же мѣди и мрамора.

Люди просвѣщенные съ удовольствіемъ
видѣли, какое почтеніе оказано памяти
Клопштока и Канта, — двухъ великихъ
Мужей, которыхъ Германія потеряла въ
одно время.

Мнѣнія Ученыхъ о Кантовой Филосо-
фіи весьма различны; но все согласно ду-
маютъ объ его характерѣ. Пускай его
Теорію Метафизики и Морали считаютъ
химерическою, пускай языкъ его называ-
ютъ темнымъ; однакожъ не лзя не согла-
ситься, что умъ его былъ ясенъ, на мѣ-

(*) Авторъ сей піесы, Французъ, кажется
не обстоятельно знаетъ о происшествіяхъ,
въ Германіи случившихся. Онъ не знаетъ,
на примѣръ, что Винкельманъ умеръ смер-
тію насильственной, и что Лейбницу въ
Ганноверѣ, а Лессингу въ Вольфенбуittelъ
воздвигнуты памятники. *Арх.*

ренія чисты, нравы просты и непорочны. Съ неутомимою бодростію онъ во всю жизнь свою искалъ истины; ибо конечно попребна бодрость тому, кѣмъ нападаешь на закоренѣлыя предразсудки, и ополчаешься терпѣніемъ противъ хулы и презрѣнія. Граждане всѣхъ сосноянїи уважали Канпа до конца его жизни. Именишѣйшіе жители Кенигсберга наперерывъ одинъ передъ другимъ старались украсить погребальный обрядъ знаками, свидѣтельствующими ихъ сѣшваніе и почтеніе ко славѣ Философа. Народъ спекался со всѣхъ сторонъ къ его могилѣ благоговѣть передъ тлѣнными остатками, какъ передъ святынею. Когда продавались пожитки его, за вещи самыя маловажныя плавили несравненно болѣе, нежели чего онъ споиля. Волосы, копорыхъ весьма не много оставалось на головѣ покойника, были отрѣзаны отъ мертваго тѣла, и употреблены на кольца; спустя нѣсколько дней колець сихъ сполько размножилось, что очень трудно было разпознать подлинныя отъ поддѣланныхъ. Спарую шляпу, копорую Философъ надѣвалъ по ушрамъ, и копорая служила ему пятьдесятъ лѣтъ, разорвали на мѣлкія части. Одинъ иносѣранецъ заплашилъ червонецъ за лоскутокъ бумаги,

на которомъ рукою Канта написано было нѣсколько строчекъ.

Многимъ это кажется дѣломъ смѣшнымъ, ребяческимъ. Но можно поручиться, что послѣ смерти сихъ людей и парики, которые они носили, и бумага, на которой писали, едва ли будутъ имѣть какую -нибудь цѣну.

(Изъ Мин. Арх.)

V.

Нѣчто о зданіяхъ Готическихъ.

Свойство Готической Архитектуры состоитъ въ удивительной легкости, въ чрезмерной разборчивости, въ излишествахъ украшеній, а особливо въ высотѣ сводовъ, утвержденныхъ на столбахъ очень тонкихъ. Смотря на сіи зданія, въ которыхъ не соблюдень размѣръ Греческой Архитектуры, можно думать, что онѣ весьма не прочны; однакожъ онѣ многіе вѣки стоятъ неподвижно.

Почти всѣ большія церкви во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, въ Испаніи и въ Италіи, построенныя въ промежутокъ времени, начиная ошъ двенадца-

шаго столѣтїя до возрожденїя наукъ, имѣють на себѣ печать вкуса Гошическаго.

Построенїе сихъ величественныхъ зданїй стояло небольшаго иждивенїя. Многолюдныя общеспва каменщииковъ строили церкви по обѣщанїю. Сїи люди, надѣясь отъ Неба награды за труды свои, съ женами и дѣтьми приходили къ Епископамъ, и предлагали имъ желанїе свое строитъ священныя зданїя. вмѣсто плащы, они требовали только самыхъ нужныхъ вещей для жилища, пропитанїя и одежды, будучи увѣрены, что, окончивъ работу, немедленно найдутъ для себя другое дѣло; случалось не рѣдко, что прежде окончанїя работы сбызгались впередъ приниматься за новое построенїе. Люди зажиточные вмѣняли себѣ въ честь носить камни и другїя матерїалы. Тогда строили не по нынѣшнему. вмѣсто подмостковъ, по которымъ ходяшъ каменщики, вмѣсто машинъ для поднятїя камней, внутри и снаружи спѣнъ дѣлались насыпи, которыя вмѣстѣ со зданїемъ возраспали. Камни встаскиваемы были вверхъ по легкой наклонности. Я видѣлъ многїя записки церковныя, а особливо въ Амьенѣ, и достоверно знаю, что въ старину строили такимъ образомъ.

Сшроеиіе кафедральной Парижской церкви — великолѣпнѣйшаго памятника Готической Архитектуры — начало 1160 го года въ царствованіе Лудовика VII, при Епископѣ Мавриціѣ Сюлли, а окончано черезъ сто лѣтъ.

Дезодоръ.

VI.

Извѣстіе о Тиртеѣ.

Тиршей, одинъ изъ древнѣйшихъ Греческихъ Поэтовъ, родился въ Аѣинахъ, гдѣ нѣсколько времени занимался воспитаніемъ юношества. Во вторую Мессенскую войну онъ прославился военными пѣснями. Спаршанцы, державшіе въ осадѣ Мессену, претерпѣли многія пораженія и пришли отъ того въ крайнее уныніе. Дельфійскій Оракуль велѣлъ имъ изпросить у Аѣинянъ мужа, копорой помогъ бы имъ своими совѣтами и наспавленіями. Тиршей прибылъ въ станъ Лакедемонскій. Не смотря на то, успѣхъ оружія не соотвѣпствоваль желанію Спаршанцевъ, которые, опять бывъ побѣждены нѣсколько разъ, уже готовы были снять осаду и бѣжать въ Спаршу. Поэтъ ободрилъ побѣжденных,

воспѣвъ передъ ними военныя пѣсни свои, которыя дышали любовью къ отечеству и презрѣніемъ смерти. Спартанцы съ яростию ударили на Мессенянъ и увѣнчали войну блестящею побѣдою. Тиршей въ награду получилъ право гражданства — отличіе, которое Лакедемоняне весьма высоко цѣнили. Изъ сочиненій Тиршеевыхъ оспались намъ только слѣдующія пѣсни. Суидасъ свидѣтельствуесть, что онъ написалъ еще правила нравоучительныя, нѣсколько Элегій и пять книгъ военныхъ пѣсней.

VII.

Тиртеевы Оды.

*Tyrtæus mares animos in Martia bella
Versibus exacuit. — Horat.*

I.

Не тотъ достоинъ вѣчной славы,
Не тотъ наследникъ громкихъ хвалъ,
Кто первымъ былъ среди забавы,
И въ ратныхъ играхъ побѣждалъ; —

*

Пусть силой, крѣпостию дивной
Онъ превзойдетъ Циклоповъ всѣхъ; —
Пусть будетъ быстръ, какъ вѣтръ пустынной,
И упрединъ Борей бѣгъ; —

*

Пусть прелестью лица и станомъ
 Въ Титонъ зависть онъ родитъ ;
 Целопса саномъ превышая ,
 Мидаса златомъ удивитъ ; —

*

Пусть онъ , гремя среди Совѣта ,
 Въ рѣчахъ Адраста посрамлялъ :
 Владѣтель всѣхъ сокровищъ свѣта ,
 Великъ — но предъ Героемъ малъ.

*

Онъ малъ , когда не пламенѣетъ
 Завидной страстью встрѣтить смерть ,
 Въ глаза врагу смотрѣть не смѣетъ ,
 И не сѣвши злодѣя стереть ! —

*

~~Онъ малъ ! — Лишь мужество почтенно ;
 Неугасимой огонь сердецъ
 Есть благо смертныхъ совершенно ,
 Цвѣтущей юности вѣнецъ !~~

*

Герой въ ряду дружины ратной ,
 Трясущій грозно конемъ ,
 Есть даръ отъ Неба благодатной
 Ошечеству , народамъ всѣмъ !

*

Стоитъ ! — онъ бѣгство презираетъ ,
 Забывъ о жизни , помнитъ честь ; —
 Въ кипящемъ сердцѣ , вопрошаетъ :
 Гдѣ страхъ ? — куда погибель несть ? —

*

„Сюда! — (зоветъ друзей - героев)
 „Сюда! — намъ стыдно, ранъ не знать!
 „Пойдемъ! . . .“ Врубились въ нѣдра строевъ —
 И всколебалась смутна рать! —

*

Бѣгутъ враги, — онъ въ слѣдъ, какъ пламень;
 Онъ правитъ вихремъ битвъ крушыхъ; —
 На замыслъ — быстръ, а въ бурѣ — камень,
 Неупомимъ въ трудахъ своихъ,

*

Онъ кончитъ жизнь въ жару сраженья,
 Среди смятенныхъ страхомъ силъ! — — —
 Погасъ, — и надъ страной рожденья
 Блескъ новой славы засвѣшилъ! —

*

Его доспѣхи, щитъ багряной,
 Противу копій, стрѣлъ оплотъ,
 И грудь, покрыта кровью рдяной,
 Все въ ранахъ, въ лаврахъ все цвѣтѣтъ.

*

Повсюду слезы, стонъ, смущенье;
 Ликъ старцевъ, юношей, мужей
 Его свершаютъ погребенье;
 Вездѣ гласятъ: онъ другъ людей!

*

Вовкѣ свята его могила,
 И честию родъ его расшетъ!
 Его души геройской сила
 Въ потомствѣ снова оживетъ!

*

Онъ живъ : его всякъ видитъ , слышитъ ;
 Онъ образъ славы среди насъ ! —
 И смерть надъ нимъ безсмертьемъ дышетъ ;
 Ему гремитъ хваленій гласъ !

*

Но если , Небомъ предводимой ,
 Герой смерть люту побѣдитъ ,
 Смерть вѣчну , еонъ непробудимой ,
 И въ лаврахъ бишвы возблеспитъ :

*

Тогда любовь его срѣтаетъ ,
 Хвала и старцевъ и молодыхъ ;
 И въ западъ жизни утѣшаетъ ,
 И въ часъ послѣдній дней златыхъ . —

*

Почтенъ гражданъ своихъ въ собраньѣ ,
 Всегда великъ , ошъ всѣхъ любимъ , —
 Предупреждается желанье ,
 И все покорствуемъ предъ нимъ .

*

Грядетъ — всѣ вождя окружаютъ ,
 Всякъ ищетъ взорами его ;
 Ему всѣ мѣсто уступаютъ ;
 Онъ радость общества всего ! —

*

Кто здѣсь, кто хочетъ съ нимъ сравниться? —
 Кто хочетъ славы и вѣнцовъ ? —
 На брань ! шуда , гдѣ смерть ярился ,
 Слѣши , лещи , рази враговъ ! . . .

II.

Отколѣ нѣга, сонѣ? — Когда
 Явимѣ лице врагамѣ? —
 Бѣгите, скройтесь отѣ стыда:
 Собратѣ смѣется вамѣ! —

*

Вамѣ мирѣ мечтался на земли! —
 Герои, зрите вкрупѣ:
 Война! война! — шумитѣ вдали
 Опустошенья духѣ! —

*

Кѣ мечамѣ, друзья! — щипы впередѣ
 Противѣ свистящихѣ стрѣлъ! —
 Спаршанецѣ даромѣ не умретѣ!
 Пойдемѣ! — нашѣ рокѣ приспѣлъ.

*

Какѣ славно! — какѣ прекрасна честь,
 За женѣ, за милыхѣ чадѣ
 На бранѣ кипяще сердце несть,
 И погибашѣ спократѣ!

*

Коль Парки осудили насѣ,
 Въ кровавой прахѣ падемѣ!
 Поднимемѣ мечѣ въ послѣдній разѣ,
 Отмщенныя умремѣ! —

*

Да вооружитѣ подѣ щипомѣ
 Геройствомѣ ваша грудь;
 Упейтесь храбрости виномѣ,
 Стремитѣсь въ славной пушѣ!

*

Чершы назначенной судьбой
 Никто не перейдетъ! —
 Отъ племени боговъ Герой!
 Въ свою чреду падешъ!

*

Какъ часто робкой, битвѣ боясь,
 Не слышавъ свиста стрѣль,
 На миртахъ встрѣтилъ грозный час!
 Когда забавы пѣль! —

*

Онъ умеръ! — не понесъ съ собой
 Любви и слезъ людей. —
 Достоинъ слезъ одинъ герой,
 Опъятый отъ друзей! —

*

Отдай намъ счастья залогъ,
 О смерть, отдай его! —
 Онъ слава наша! онъ нашъ богъ
 Въ дни вѣка своего! —

*

Героевъ многихъ многій трудъ
 Одинъ онъ совершилъ;
 Въ часъ бури далъ совѣтъ и судъ,
 Покровомъ нашимъ былъ!

III.

Не выль попомки Геркулеса ? —
 Побѣдъ любимые сыны ? —
 Надъ вами взоръ и дламя Зевеса ! —
 Вамъ опданъ жребій злой войны ! —

*

Чего, Герои, вамъ спрaшншься ? —
 Толпы презрѣнныя враговъ ? —
 Къ щнщамъ ! — шуда, гдѣ смерть ярнщся,
 Стремнщесь въ славный пущь опщовъ ! —

*

Или вамъ жизнь еще прнщшна ? —
 Или средъ бѣдъ, напасшей всѣхъ
 Еще вамъ правда непонщшна,
 Что смерть надежнѣй, чѣмъ побѣгъ ? —

*

Вбщайте, что мы пошеряли,
 Тогда, какъ грудю одной
 Пошли, сразнлись, бой вбщчали,
 И славу прнщесли домой ?

*

Такъ ! — робкой лишь при первомъ шагѣ
 Теряетъ силы, крѣпость вдругъ,
 Мбщаетъ ближняго опвагъ,
 Безмолвенъ, блѣденъ, слѣпъ и глухъ !

*

О сщгдъ ! о зрѣлщще презрѣнно !
 Онъ тамъ, спенящъ, едва дышнщъ ;
 Въ хребтѣ кровавомъ мечъ вонзенной,
 Внщся по песку, влачнщъ !

*

Онъ пораженъ, въ бѣгу обратномъ . . .
 Ахъ! такъ ли дѣйствуетъ Герой! —
 Не быстрой, не хладенъ въ дѣлѣ ратномъ,
 Живущій славою одной,

*

Идетъ безстрашною стопою! —
 Покрыты грудь и рамена
 Щитомъ огромнымъ, какъ стѣною;
 Душа опечесствомъ полна. —

*

Идетъ, прошивныхъ соглядаетъ, —
 И вѣренъ стрѣлѣ его полетѣ! —
 Пернатой шлемъ его сіяетъ,
 Какъ знамя гордое побѣдѣ! —

*

Учись! — какъ являться въ полѣ:
 Онъ любитъ, онъ готовъ карать,
 И гдѣ опасность битвы болѣ,
 Его не нужно тамъ искашь.

*

Не ждетъ враговъ, онъ ихъ срѣщаетъ,
 Не спросишь робко, сколько силъ;
 Когда опечество взываетъ: —
 Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ! —

*

Смѣшались строи: — первый въ сбѣхъ,
 Рука съ рукой, со грудью грудь;
 Свирѣпъ, неистовъ, быстропеченъ,
 Творитъ себѣ изъ труповъ пупъ! —

*

То стрѣлы отъ него стремятся ,
 То поражаетъ онъ мечемъ ;
 Враги и тамъ , и здѣсь шолпятся :
 Онъ къ нимъ , какъ смерть , всегда лицомъ .

*

И ты , дружина легкихъ воевъ ,
 И ты нашъ подвигъ раздѣляй ;
 Стремись , стремись впереди героевъ ,
 И камни тяжкіе бросай .

*

Не пожалѣйте копій меткихъ ,
 Не пожалѣйте испытанъ ! —
 Лишь о твердыню броней крѣпкихъ
 Копья не жалко изломать ! —

IV.

Почтимъ великаго душой ,

Кто , мечь подъявъ , идетъ
 На брань за братій , какъ герой ,
 И первой въ прахъ падетъ !

*

Воззрише ! — Жалкой шрусъ бѣжитъ
 Родныхъ своихъ полей ,
 И тамъ для хлѣба жизнь влачитъ
 У чуждыхъ онъ дверей !

*

Отецъ и мать влекутся въ слѣдъ,
 И дряхлосшь и недугъ;
 Жена, любви его предметъ,
 И малы чада вокругъ! —

✱

Презрѣньемъ встрѣшитъ каждый взглядъ
 Его въ пуши скорбей;
 Всякъ, молча, оттолкнетъ назадъ
 Просящаго снѣдей! —

✱

Онъ состарѣетъ прежде лѣтъ,
 Оспавя дѣтямъ срамъ;
 Печаль и скорбь за нимъ идетъ
 Какъ тѣнь, по всѣмъ мѣстамъ!

✱

Измученъ, изнуренъ въ бѣдахъ,
 Отъ всѣхъ людей забытъ,
 Онъ все погубитъ, все и — ахъ!
 Погубитъ самой стыдъ! —

✱

Друзья! — къ опечеству любовь,
 Се пища нашихъ дней! —
 Ему служишь! — ему всю кровь
 За женъ и за дѣшей! —

✱

Стѣснимся, станемъ вьрадъ, пойдёмъ!
 Пусть блѣдный, хладный страхъ,
 Пусть обратится къ намъ лицомъ:
 Освѣтимъ злой призракъ! —

✱

Нѣтъ! нѣтъ! не кровь, но пламя въ насъ,
 Но честь одна печетъ! —
 Кому ужасенъ смертный часъ,
 Коль слава насъ ведетъ! —

✱

Какъ! — Старцамъ ли сбдымъ,
 Дрожащимъ на жезлахъ,
 Прилично бишься здѣсь однимъ,
 А намъ сидѣть въ стѣнахъ! —

✱

О стыдъ! — старикъ, лишенный силъ,
 Гроза своихъ враговъ,
 Рукой изсохшей мечъ схватилъ
 Въ глазахъ своихъ сыновъ, —

✱

Разитъ, падетъ! — Когда въ пыли
 Героя кровь кипитъ,
 Тогда молодой, дрожа вдали,
 Окаменѣлъ стоимъ!

✱

Герой, кончая смертью брани,
 Дѣтей напрасно ждетъ;
 Вздохнувъ, оледенѣвшу длань
 Къ кипящей ранѣ жметъ.

✱

Какое зрѣлище! — о срамъ!
 Я отвращаю взоръ. —
 О юноши! — спѣшите: намъ
 Наука — сей позоръ! —

✱

Вы — честь мужей, вы прелесть женъ,
 Когда вашъ вѣкъ цвѣтешъ! —
 Герой прославленъ, вознесенъ,
 Когда въ бою падешъ! —

✱

Вѣщайте: кто со мной? — кому
 Мнѣ лавры уступить? —
 Кто хочетъ ратныхъ бурь въ шуму
 Со мною смерть вкусить?

Мрзлкв.

VIII.

Письмо къ Издателю.

Скажите, гдѣ приносить жалобу на людей, которые, пользуясь любопытствомъ читающей Публики, занимающъ или хотятъ занимать ее книгами, служащими болѣе къ изпребленію, нежели къ очищенію вкуса? Кажется, это принадлежитъ къ вѣдомству Господъ Журналистовъ; кажется, ихъ дѣло осперегать и Авторамъ и читателей. По несчастію, у насъ подъ словомъ Крипика разумѣется брань на сочинителей и переводчиковъ; отъ того Издатели Журналовъ почти совсѣмъ не мѣшаются въ разсмотрѣніе новыхъ книгъ, боясь, чпобы не прослыть охотниками до

ссоры. Повѣрьте, эта прусость совсѣмъ не у мѣста. Для чего почти всѣ иностранные Журналисты, не исключая Издашелей Гамбургскаго *Политическаго Журнала*, занимаясь впрочемъ другими предметами, помѣщая и рецензіи въ своихъ изданіяхъ? Не уже ли можно думать, будто всѣ они умышленно хотятъ ссориться съ Писателями? Испинный любитель Словесности, Авпоръ съ талантомъ предпочнетъ пользу существенную мнимой, и останется благодарнымъ безпристрастному разсмапривателю, если сей найдетъ погрѣшности въ его книгѣ.

*L'amitié conseille et censure,
Indifference approuve tout.*

Не спорю, что нѣкоторые педанты, назвавши черное бѣлымъ, изъ уваженія къ высокому своему сану въ состояніи *inguis et rostris* защищаютъ однажды сказанное; они готовы написать золотыми буквами на всѣхъ перекресткахъ слѣдующіе стихи Ламотовы, и ссылаются на нихъ, какъ на Уложеніе:

*Les égards nous sont dûs à tous que nous sommes
Et tout amour-propre a ses droits.*

*Il faut ménager tous les hommes,
En fait d'orgueil tous les hommes sont Rois.*
№ 21. 6

Я теперь не намеренъ сочинять полнаго трактата о пользѣ Критики; хочу только сказать, что опорожненіе Господъ Журналистовъ дорого стоить нашему карману. Любопытство побудило къ грѣхопадению праотца Адама; и мы, слабые потомки его, алчемъ познанія добра и зла. Едва ли змѣй, соблазвившій Еву, умѣлъ говорить такъ краснорѣчиво, какъ нынѣ пишутъ объявленія о книгахъ вновь выходящихъ. Читая великолѣпную похвалу какому-нибудь ученому продукту, какъ удержаться, какъ не послать въ книжную лавку? Не виню разчепистыхъ книгопродавцовъ, которые, чтобы поскорѣе сбыть съ рукъ товаръ свой, призываютъ на помощь всѣ хитрости Логикки и Репорикки; не виню, ибо для купца капиталъ есть по же, что для воина жезлъ Фельдмаршальскій, что для Поэта вѣнецъ лавровый; но не одобряю предосудительной застѣнчивости людей, которые по должности своей обязаны изкоренять злоупотребленія сего рода. Сколько я ни люблю читать сочиненія остроумнаго Коцебу, но никогда не купилъ бы такой книги (1), гдѣ

(1) Возпоминація, оставшіяся о Парижѣ въ 1804 мѣ году Г. Коцебу. Переводъ съ Нѣмецкаго. Часть Первая. Спб.

на первой страницѣ написано: „Бѣглымъ моимъ замѣчаніямъ не полагаю я иной цѣны, какъ ту (2), что самъ ихъ сдѣлалъ. Это собственныя мои взгляды (3), и чужаго я не повторялъ. Гдѣ дѣлаю сужденіе, тамъ могу ошибиться, но я всегда судилъ по моему увѣренію (4). Можетъ быть, упрекнетъ мнѣ кто, что я иныхъ слишкомъ хвалилъ, тому слѣдуетъ мнѣ отвѣчать (5): что Цензура вымарала у меня то и другое (6); изъ того явствовало, что и самый леспный пріемъ не въ состояніи

(2) Германизмъ!

(3) Вместо: наблюденія или замѣчанія.

(4) Вместо: увѣренности.

(5) Кто долженъ отвѣчать? Тотъ, кто упрекнетъ, или кто пишетъ?

(6) Слишкомъ хвалилъ, вотъ одно; а другое что? — Г. Переводчикъ подъ страницей прилагаетъ замѣчаніе, что Нѣмецкая - де Цензура вымарала, разсмащивавшая оригиналъ. Мы и безъ того знаемъ, что Россійская Цензура не обязана отвѣчать за книги, печатаемыя за границей, и что въ тѣхъ, которыя читаешь, она не вымарываетъ, или не должна вымарывать ничего; это запрещается 16 ю сташею Устава.

былъ подкупить и превратить моего сужденія. . . Далѣе не знаю я ничего ска-
зашь, пока приливъ и отливъ времени сдѣ-
лаетъ измѣненіе въ видахъ, и пройдетъ
опасность, быть подъ путею каменнаго
дождя.“

Такъ переведено предувѣдомленіе Г-на
Коцебу! Оспавляю вамъ заключить о до-
стоинствѣ перевода цѣлой книги. Повшо-
ряю, если бы замѣчанія сіи нашелъ я въ
Журналѣ, то не разкуривалъ бы теперь
своей трубки *Возломинаніями Г-на Коцебу
о Парижѣ.*

Представьте себѣ негодованіе провин-
ціальнаго жишеля, копорой, прочитавши
въ газетахъ о продажѣ книги, подъ назва-
ніемъ: *Жизнь, свойства, военныя и поли-
щитескія дѣянія 1) Россійскаго Императора
ПАВЛА I, 2) Генералъ - Фельдмаршала,
Князя Потемкина - Таврическаго, и 3) Канц-
лера Князя Безбородки*, и думая, что за
60 копѣекъ получишь книжку по крайней
мѣрѣ въ шесть листовъ въ большую осму-
шку, выписываетъ Біографіи прехъ славныхъ
Особъ, и получаетъ маленькую двухъ -
листовую петрадку, копорую можно бы
вмѣстить въ одинъ листъ, и копорая сто-
итъ съ провозомъ изъ Петербурга не бо-
лѣе десяти копѣекъ. Надобно ли смот-
рѣшь сквозь пальцы на это, когда Авторъ,

обѣщавшись разсказать военныя и политическія дѣянія ПАВЛА I, самое важнѣйшее событіе въ Его царствованіи вмѣщаетъ въ чепырехъ строкахъ, и говоритъ полюшко, что „Онъ соединился съ другими Державами для произведенія войны съ Франціею, противъ которой и послалъ многочисленную армію подъ начальствомъ Фельдмаршала Суворова, которой прошедъ овладѣлъ Италіею“? Надобно ли позволять, чтобы въ жизни Князя Попемкина писали, что (1) „устчивость и ловкость его немедленно разположили Императрицу въ его пользу“? Или что (2) „онъ ощутилъ ненависть Орловыхъ, и за нанесенныя огорченія отъ оныхъ Императрица утѣшила его чиномъ военнаго Совѣтника“? Или, что „онъ (3) подалъ мысль Государынѣ положить основаніе Херсону, которой и получилъ оное“? Жизнь Князя Безбородка вмѣщена въ двадцати трехъ строкахъ.

Если вы увѣрены, что вкусъ есть слово безъ значенія, какъ нынѣ думающъ его Антагонисмы, и что наблюденіе чистоты въ слогъ и разборчивость въ сло-

(1) Стран. 10.

(2) Тамъ же.

(3) Тамъ же.

вахъ сушь пустыя зашѣи, какъ проповѣ-
дуютъ новыя Циники — то Кришика ва-
ша намъ и никому не нужна. Но если
признаете съ законодателями Эспешики,
что вкусъ есть чувство красоты, копо-
рая имѣетъ свою Теорію, свои правила;
если соглашаетесь съ мнѣніемъ Боало, ко-
торой опъ Писателя непременно требуетъ
числаго языка, сказавши въ своей Пі-
ишикѣ:

*Surtout qu'en vos écrits la langue révéree
Dans vos plus grands excés vous soit toujours sacrée.*
и далѣе:

*Sans la langue, en un mot, l'Auteur le plus divin
Est toujours, quici qu'il fasse, un méchant écrivain,*

по изъ уваженія къ языку Ломоносова,
защищайте его, или по крайней мѣрѣ. . .
предохраняйте насъ опъ лишнихъ издер-
жекъ.

Вашъ Читатель.

IX.

С л ѣ с в.

Одинъ забавникъ въ письмѣ къ своему
пріятелю, упомянувъ о Черепссловіи, при-
бавляетъ слѣдующее довольно остроумное

разсужденіе : „Система Доктора Галля есть вещь весьма непріятная , а особливо если многіе примутъ его ученіе. Еще ничего не видя , Галлевы послѣдователи осмѣливаются пристально смотрѣть на головы порядочныхъ людей , и даже имѣютъ дерзость просить дозволенія ощупывать черепы. Но какъ не всякой увѣренъ , какія впадины и выпуклости на головѣ его находяшся , то всего лучше было бы завести фабрику для заготовленія искусственныхъ череповъ , разумѣется , украшенныхъ всѣми выпуклостями , которыя по новой Системѣ означаютъ добрыя качества. Надѣвши на голову такой черепъ ; подъ парикомъ à la Titus , можно быть совершенно спокойнымъ , и даже въ случаѣ нужды , увѣрять каждаго въ своихъ талантахъ и добродѣтеляхъ , ссылаясь на неоспоримое свидѣтельство законовъ Черепословія.“

*

Стефанъ Роземанъ , живущій въ Вѣнѣ ; издаетъ на *Латинскомъ* языкѣ ученую и политическую Газету , подъ названіемъ : *Европа*. Профессоръ Белнай издаетъ такую же Газету въ Презбургѣ. Надобно знать , что въ Венгріи Латинской языкъ употребляется въ судилищахъ и вообще въ разговорахъ между лучшими людьми ;

нѣкогда въ Польшѣ на немѣ писали всѣ бумаги, до общежитія относящіяся, и говорили въ знатнѣйшихъ домахъ. — Къ достопамятностямъ нашего времени принадлежитъ объявленная въ Дессау подписка на Журналъ, подъ названіемъ: *Сулмитъ*, которой назначается для разпространенія знаній и гражданскаго общежитія *между Евреями*, и которой издавать будутъ ученые Евреи и Христіане.

Печальныя торжества по случаю смерти Шиллера отправлены были съ великою пышностію на театрахъ: Франкфуртскомъ, Кенигсбергскомъ, Гамбургскомъ и Бреславскомъ — Во Франкфуртѣ входъ открытъ былъ безденежно для зрителей, которые почти всѣ явились въ черномъ платьѣ. — Теперь оказалось несправедливымъ извѣстіе, будто послѣднее Шиллерово рукописное сочиненіе была Трагедія *Аттила*. Поэтъ передъ кончиною своею занимался сочиненіемъ Трагедіи *Лже-Димитрій*, и обработалъ нѣсколько явленій, которыя происходятъ на Польскомъ Сеймѣ. Намъ Русскимъ остается сожалѣть, что смерть не дозволила знаменитому Трагику докончить пѣсу, которая по своему содержанію конечно была бы

для насъ занимательнѣе прочихъ его твореній.

*

Въ Вирцбургѣ явился одинъ безполковой человекъ, называющійся Бакалавромъ Θεологїи, но въ самомъ дѣлѣ, какъ думаемъ, перекрещенный Жидъ, воспитанный въ Моравскомъ брашпвѣ. Онъ издалъ въ свѣтъ по подпискѣ книгу: *Иуда Искарїотскій сочинитель пасквилей*, въ которой доказываетъ, что вся Исторія оспраданїи Христа Спасителя есть не что иное, какъ иносказаніе, и что преступленіе Иуды состояло въ написанїи сатиры на своего Учителья, за тридцать серебряниковъ!! Сполъ нелѣпое предположеніе онъ основываетъ на этимологическомъ — еще болѣе нелѣпомъ — произведенїи нѣкоторыхъ словъ Нѣмецкихъ. Богословы Вирцбургскіе не хотѣли слушать глупаго пустомеля, и послали его въ Гепингенъ, для того, чтобы славной Эйхторнъ поспрудился разспроившійся мозгъ его привести въ порядокъ.

*

Путешествіе Г-на Сарычева по Ледовитому Океану и по Сибири, напечатанное въ прошломъ году въ Петербургѣ, уже переведено на Нѣмецкой языкъ, и вышло въ свѣтъ въ Лейпцигѣ; при немъ приложе-

ны Географическая карта и многіе рисунки. Галльскія Ученыя Вѣдомости отдають справедливую похвалу Сочиницелю, и почишають книгу его одною изъ лучшихъ въ своемъ родѣ. Г. Сарычевъ нѣсколько лѣтъ сряду боролся съ Природою, подвергался безпокойствамъ и опасностямъ, желая доставить соотечественникамъ своимъ нужныя извѣстія. Книга сія можетъ назваться *полезною*, въ обширномъ значеніи сего слова; объ ней не лѣзя сказать ни того, что наши книгопродавцы пишутъ въ объявленіяхъ о Новѣйшемъ Пѣсельникѣ, ниже того, чемъ отличаются творенія знамениаго Дюкре - Дюмениля; и такъ не мудрено, что мы до сихъ поръ подлинно еще не знаемъ, продается ли она въ здѣшнихъ книжныхъ лавкахъ.

*

Вотъ списокъ извѣстнѣйшихъ Французскихъ Философовъ, которые съ успѣхомъ занимаются опвлеченными предметами: *Дестю Траси*, Издапель Идеологій; *Кабанисъ*, которой вновь издалъ сочиненіе: *Объ отношеніи теловѣка моральнаго къ физическому*; *Ла - Роминаеръ*, Издапель парадоксовъ Кондильяковыхъ; *Преео*, Сочинитель *Опыта умозрительной Философій*; *Дежерандо*, Сочинитель *Исторіи Философій*; славный *Виллерсъ*, недавно полу-

чившій награжденіе отъ Института за сочиненную имъ книгу: о *Вліянїи Лютерової реформи*, переведенную уже на многія языки; *Шара*, *Сенаторъ*, и *Сень-Мартень*.

*

Г-жа *Гаконъ Дюфуръ*, Членъ многихъ Обществъ Земледѣлія, въ недавно изданной книгѣ своей, о томъ, какъ нужно просвѣщать женщинъ, доказываетъ, что женщина должна все знать. Г-жа *Дюфуръ* хочеть, чшобы молодая Дама попеременно читала *Монпаня* и *Сельское домоводство*, *Мабли* и *Объ искусствѣ вязать чулки*, *Фенелона* и *Городскую повариху*. Рецензенты замѣчаютъ, что Автора, писавшаго о *Политикѣ*, на примѣръ *Мабли*, можно считать лишнимъ въ женской библіотекѣ. Впрочемъ Г-жа *Гаконъ Дюфуръ* пишетъ легко, со вкусомъ, и дѣлаетъ весьма основательныя замѣчанія.

*

Въ нынѣшнемъ году вышла въ свѣтъ новая *Французская Исторія*, сочиненная Г-мъ *Анкетилемъ*. Авторъ признается, что матеріялы свои почерпалъ не изъ самыхъ испочниковъ; слѣдственно въ книгѣ его не должно искать ничего новаго. Онъ старался писать ясно, пріятно, со вкусомъ, и сдѣлалъ Исторію свою занимательнѣе *Мезереевой* и *Дантелевой*. вмѣсто

образчика предложимъ нашимъ Читателямъ краткую выписку о началѣ Ученыхъ Обществъ во Франціи.

„До 1524го года во Франціи знали только Схоластическую Богословію, которую преподавали въ Университетахъ. Ученые Общества совсѣмъ не занимались изящными Науками. Семеро Тулузскихъ жителей, уносясь отъ такого однообразія, иногда собирались на открытомъ воздухѣ передъ воротами Тулузскими; они вздумали писать посланія Прованскими стихами къ отсутствующимъ землякамъ своимъ, для приглашенія ихъ въ свое собраніе, и обыкновенно подписывались такъ: *веселое общество семи Трубадуровъ*. Каждому Поэту за стихи, признанные отъ общества лучшими, обѣщана была въ награду золотая фіялка. Первое засѣданіе открыто 1524го года; *Арно Видаль* изъ Каспельнодари получилъ награжденіе и шипло *Доктора веселаго общества*. — Когда общество сдѣлалось многочисленнѣе, въ то время сочинили Спашушы, подъ названіемъ *Законы любви*. Вновь принимаемый Членъ долженъ былъ проходить степени. Получившій первую награду и выдержавшій испытаніе, возводимъ былъ въ достоинство Кандидата, потомъ въ достоинство Доктора; онъ долженъ

ствовалъ давать обѣщаніе, что ежегодно
будетъ являться въ общее собраніе, по
случаю раздачи награжденій. Когда садъ
общества разоренъ былъ войною, тогда
Члены перешли въ Тулузскую рапушу, и
назвали общество свое *Коллегією Реторики*.
Въ послѣдствіи времени, кромѣ золотой
фіалки, награждали розою и другими цвѣ-
тами. Одна Тулузская Дама, по имени
Клеменція Изора, передъ своею смертію
опказала денежную сумму въ пользу об-
щества, и шѣмъ прославилась. Только Ла-
тинскія Оды, Элегіи, Гимны и другія
спихотворныя пѣсы были принимаемы;
всѣ онѣ должны ствовали заключать въ
себѣ хвалу Богу, Богоматери, или Свя-
тымъ; ибо странное *веселое общество* доз-
воляло только любить Бога и любить
женщинъ. Вотъ начало Академій, кото-
рыя возникли почти черезъ пять столѣ-
тій послѣ царствованія Карла Великаго.“

(Изъ Фран. Журн.)

ПОЛИТИКА.

I.

Историческія извѣстія о нынѣшнемъ состояніи торговли и мореплаванія по Черному Морю ().*

Спустя три мѣсяца послѣ подписанія Амьенскаго пракипата, 25 Іюня 1802 года заключенъ миръ въ Парижѣ между Франціею и Турецкою Имперіею на весьма выгодныхъ условіяхъ для Французской торговли въ Левантѣ и по Черному Морю.

(*) Сокращенной опрывокъ изъ новой Французской книги : *Историческій опытъ о торговлѣ и мореплаваніи по черному Морю.* Авторъ долго жилъ въ Константинополѣ, занимаясь торговыми дѣлами, потомъ поселился въ Херсонѣ. Онъ лично былъ извѣстенъ Дворамъ Петербургскому и Парижскому. ЕКАТЕРИНА Великая пожаловала ему многія привиллегіи, а Французское Правительство, по особливой довѣренности, въ 1783 мѣ году послало къ нему изъ Тулона въ Херсонъ пять перевозныхъ судовъ подъ Россійскимъ флагомъ. Прибавимъ, что при заключеніи торговаго пракипата между

Когда сей договоръ сдѣлался извѣстнымъ, Англичане, Пруссаки, Испанцы, Неаполипанцы, Голландцы, Рагузане и Республиканцы Ионійскіе, одни послѣ другихъ, старались получить, и получили такую же свободу плаванья по Черному морю. Однакожь Испанцамъ, Неаполипанцамъ и Голландцамъ Порта не дозволила пользоваться всѣми выгодами, предсказанными Россіянамъ, Австрійцамъ и Французамъ — и въ особенності правомъ имѣть своихъ Консуловъ и торговыхъ Коммиссаровъ, которыхъ Франція послала какъ въ города Турецкія: Гераклею, Синопу, Требизондъ, Варну и Галацъ, такъ и въ Россійскія: Херсонъ и Одессу. Всѣ сии торговые Коммиссары въ концѣ 1802 года съ Маршаломъ Брюномъ прѣехали въ Константинополь, откуда уже отправившись въ мѣста назначенныя. Но какъ Французскія суда приходять въ Кафу и Таганрогъ, и число ихъ со дня на день возрастаетъ; то можно надѣяться, что и въ сии города присланы будутъ Французскіе торговые Коммиссары.

Россією и Францією въ 1787 мѣ году отъ Автора были требованы многія объясненія; столько уважали его опытность. Въ упомянутомъ сочиненіи вездѣ видны знанія и основательность въ наблюденіяхъ.

Еще до прибытія Посла Брюна въ Конспаншинополь, Г. Рюффень, Французскій Повѣренный въ дѣлахъ, имѣлъ случай порадоваться, когда, освободясь изъ семейнаго замка, по прибытіи перваго купеческаго судна, въ силу договора получилъ Фирманъ о свободѣ мореплаванія, столь давно имъ желаннаго; надобно знать, что Г. Рюффень былъ Генеральнымъ Консуломъ въ Крыму при Ташарскомъ Ханѣ, и что еще въ 1769 мѣ году онъ проѣзжалъ со славнымъ Гиреемъ - Ханомъ черезъ Ново - Сербію и Бессарабію — нѣ самыя Провинціи, въ коихъ послѣ основаны Херсонъ и Одесса.

Для купцовъ и хозяевъ корабельныхъ, съ давняго времени занимающихся торговыми оборотами въ городахъ при Средиземномъ морѣ, ничто столько не казалось выгоднымъ, какъ мореплаваніе по Черному морю, дозволенное многимъ народамъ. Война вездѣ опорожнила хлѣбныя магазины, и Италія не имѣла уже большихъ запасовъ, какъ было въ прежнее время. Сія страна не только теперь не изобилуетъ хлѣбомъ, но и для своихъ нуждъ получаетъ его изъ чужихъ краевъ. А какъ пристани Черноморскія по справедливости почищаются богатыми источниками хлѣбныхъ запасовъ, то въ 1803 мѣ

году со всѣхъ сторонъ поплыли къ нимъ корабли за хлѣбомъ. Большая часть нагружена была балластомъ, поному чпо хозяева опасались поперяпъ время.

Необыкновенно было движеніе, къ которому подала поводъ сія торговля по своей новости, по прибыточнымъ видамъ и по недосшатку въ хлѣбѣ; досповѣрныя таблицы показываютъ, чпо число кораблей разныхъ націй, въ продолженіе 1805 го года приплывшихъ въ приспани Чернаго моря, приспирается до 900, изъ которыхъ 500 были въ Одессѣ, 200 въ Таганрогѣ, а прочіе въ Кафѣ, Козловѣ, Севастополѣ и Херсонѣ. Изъ сихъ 900 кораблей въ томъ же году 815 отправились въ обратной путь по большей части съ хлѣбомъ, котораго количество вообще сославляетъ 300,000 килсповъ Турецкою мѣрою, или 74,700 Амстердамскихъ ласповъ, или 1,418,700 Парижскихъ сепьеровъ.

По вѣрнѣйшему списку сіи 815 кораблей были слѣдующихъ націй: 421 Австрійскихъ, 329 Россійскихъ, 18 Рагузанскихъ, 16 Іонійскихъ, 15 Французскихъ, 7 Англійскихъ, 6 Идріотическихъ и 3 Испанскихъ. Изъ нихъ опплыло: 186 въ Тріестъ, 144 въ Мессину, 105 въ Кефалонію, 72 въ Генуу, 57 въ Ливорну, 26 въ Корфу, 24 въ Барцеллону, 19 въ

Марсель, 10 въ Неаполь, 8 въ Мальту, 7 въ Чесму, 4 въ Заниъ, а 155 по причинъ всенныхъ общояшельствъ не объявивъ своего назначенія.

Помощству будетъ казаться нехорошимъ, что послѣ десятилѣтней войны миръ продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, и война между Французами и Англичанами снова загорѣлась еще съ большею силою. Если бы Франція предвидѣла столь близкой разрывъ, то конечно не отправила бы экспедиціи въ Сен - Доминго. Французскіе купцы и хозяева кораблей, полагаясь на прочность Люневильскаго прахтата, поспѣшили употребить деньги свои и суда на разные торговые обороты во всѣхъ частяхъ Свѣта.

Увѣренность въ прочности мира столь общою была въ Европѣ, что я, имѣя въ Конспантинополѣ конпору, не замедлилъ возстановить другую въ Херсонѣ, заведенную мною въ семъ городѣ 1782 го года, и пошлѣ уничтоженную. Я предпочелъ Херсонъ Одессѣ, гдѣ учредилъ только Фактора. Разстояніе между сими городами просирается не болѣе 180 пи верстъ, или 45 пи миль Французскихъ; въ одни сутки можно прѣхать изъ Херсона въ Одессу. Первому я отдалъ преимущество, потому что въ немъ дешевле дрова, съсп-

ные припасы, наемъ домовъ и магазиновъ; что въ немъ климатъ здоровѣе, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣланы полезныя перемѣны; а особливо, что Россійскія произведенія, которыя здѣсь складываются, покупать можно съ большею выгодною. Сіи товары доставляются въ Одессу на судахъ плоскодонныхъ, и продаются гораздо дороже по причинѣ опаснаго и убыточнаго перевоза; слѣдственно лучше покупать ихъ въ самомъ Херсонѣ. Изъ сего явствуется потребность въ таможенѣ для вывозимыхъ товаровъ, которую здѣсь спроятъ.

Таможня для ввозимыхъ товаровъ снята въ Херсонѣ съ тѣхъ поръ, какъ лазаретъ переведенъ въ Одессу. Корабли выдерживаютъ карантинъ уже не въ Глубокой и не въ Херсонѣ, но въ Одессѣ, гдѣ выгружаются товары, которые, по заплачѣ за нихъ пошлины, отправляются въ Херсонъ, а самые корабли не прежде могутъ плыть въ сей городъ, какъ по выдержаніи карантина.

Разсмапривая Херсонъ съ другой стороны, должно заключить, что онъ назначенъ быть одною изъ чепырехъ первостепенныхъ пристаней на Черномъ морѣ. Въ немъ есть верфь единственная для построенія военныхъ кораблей, и весьма хорошая для судовъ купеческихъ. Сими пре-

имуще ствами городъ обязанъ близкимъ разспо яніемъ отъ обласпей, изъ копорыхъ привозятся корабельныя пошребности, и дешевому доставленію ихъ по рѣкѣ Днѣпру. Спроеніе военныхъ кораблей привлекаетъ въ городъ многихъ работниковъ, и доставляетъ имъ пропитаніе. Число жителей, съ войсками морскими и сухопутными, копорыя всегда здѣсь находящіяся, простирается отъ 20000 до 25000 человекъ.

На обширныхъ и плодоносныхъ равнинахъ вокругъ Херсона хлѣбъ и огородныя овощи распутъ въ изобиліи; на нихъ пасущяся многочисленныя стада овецъ и скота рогапаго, копорыхъ сало и шерсть отпускаютъ за границу.

Въ Херсонѣ бываетъ двѣ ярмарки, одна въ Маѣ, другая въ Сентябрѣ; изъ внуупренней Россіи прѣзжаютъ купцы съ своими поварами, и мѣняютъ ихъ на заграничныя произведенія. Впрочемъ ярмарки сіи не слишкомъ важны; однакожъ могутъ сдѣлаться такими, потому что болѣе Россійскихъ купцовъ прѣзжаетъ въ Херсонъ, нежели въ Одессу.

Въ окрестностяхъ Херсона засѣваютъ поля на зиму и весною; озимой хлѣбъ предпочитается. Осенью выгоднѣе покупать его, нежели въ другое время года.

Жипели Херсона, у которыхъ еслѣ недвижимое имѣніе, могутъ строить корабли, или покупать ихъ, и посылать въ море подъ Россійскимъ флагомъ; напротивъ того безпомѣстные должны представить за себя поручителей, если хотѣть пользоваться сими выгодами.

Англія теперь послала своего Консула въ сей городъ, и въ то же время завела здѣсь купеческую контору. Австрія также имѣетъ въ немъ своего Консула, а Франція Коммиссара.

Сказано выше, что лазареты и пашажныя ввозимыхъ товаровъ переведены изъ Херсона. Къ сему обстоятельству, невыгодному для торговли, прибавить еще должно мѣль въ рѣкѣ Днѣпрѣ, останавливающую плаваніе такихъ кораблей, которые идутъ въ водѣ глубже шести футовъ.

Не лзя ли, для удобнѣйшаго, менѣе убыточнаго вывоза произведеній внутренней Россіи, кромѣ Одессы учредить другую пристань? Купцы и корабельщики давно уже признали Глубокую весьма выгодною для сего дѣла; но причины, мнѣ неизвѣстныя, препятствовали до сихъ поръ произвести въ дѣйство предположеніе, которое конечно можетъ имѣть запруднительности при исполненіи.

Императрица ЕКАТЕРИНА II обратила особенное вниманіе свое на приморской городъ Кожабей, и удержала его за собою. Сей городъ лежишь въ Бессарабіи между Бугомъ и Днѣспремъ, ошь Очакова въ девяти миляхъ, на западной споронѣ.

Приспань Кожабейскую можно почитать обыкновенною рейдою, но весьма безопасною, а особливо, когда докончаны будутъ работы, надъ копорыми нынѣ трудятся, и копорыя должны служить кораблямъ защипою отъ восшсчнаго вѣпра. Въ ней помѣщается болѣе шести сотъ судовъ купеческихъ. Въ жестокую спужу 1803 го года, она была льдомъ покрыта.

Въ Кожабеѣ климашъ умеренный. Въ 1796 мѣ году городъ сей названъ Одессою. Въ немъ учреждены лазарешъ и таможня.

Приспань, или лучше, рейда Одесская, образуешъ собою заливъ; городъ, построенный на возвышеніи, со спороны моря представляешъ видъ амфитеатра. Одесса расположена по весьма хорошему начертанію; улицы въ ней широки и длинны, однакожь не вымощены: пыль и грязь ошь множества ѣдущихъ повозокъ бываюшь нестерпимы. Рейда защищается спдѣленною крѣпостію. Для сбереженія кораблей отъ зимней непогоды заложена площадка, близъ копорой спроятъ нынѣ лазарешъ.

Одесса имѣетъ весьма выгодное положеніе для торговли Бессарабіи и обласпей, новоприсоединенныхъ отъ Польши. Провинціи, доставшіяся Австріи и Пруссіи, также могутъ присылать сюда свои произведенія, и вымѣнивать ихъ на товары заграничные. Однакожъ, чіпобы разпрс-спранить сію торговлю, и привести ее въ цвѣтущее состояніе, пребудетъся отъ упо-мянутыхъ двухъ Державъ благоразумнаго содѣйсвія и спосѣвствіеванія намѣреніямъ **ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА.**

Сей **МОНАРХЪ** сдѣлалъ полезныя разпоряженія для успѣховъ Одесской торго-вли. По примѣру Великой **ЕКАТЕРИНЫ**, **ОНЪ** въ 1803мъ году уменьшилъ четвер-пою часпью пошлины, прошивъ общаго тарифа, со ввозимыхъ и вывозимыхъ това-ровъ, во всѣхъ портахъ Чернаго моря. Для разпросраненія транзитнаго шорга, **ОНЪ** въ 4й день Марпа 1804го года, издалъ **Указъ**, по содержанію котораго всѣ чуже-спранные товары, привозимые на кораб-ляхъ въ Одессу, равнымъ образомъ и изъ другихъ городовъ Россійскихъ доставляе-мые, должны бытъ на заставахъ погранич-ныхъ пропускаемы безъ пошлинъ въ Мол-давію, Авспрію и Пруссію. Впорымъ **Указомъ**, въ томъ же день подписаннымъ, повелѣно выспроить въ Одессѣ анбары для

складки поваровъ , которыхъ ввозъ дозволяется общими постановленіями. Сіи повары могутъ лежать полтора года безъ заплашы пошлины, копорая, вмѣстѣ съ деньгами за наемъ анбаровъ , вносится уже въ то время, когда найдутся покупатели. Сіе облегченіе тѣмъ важнѣе , что купцы не малую часть капиталовъ своихъ должны употреблять на заплашу пошлинъ.

Для выгоды торговли недоставало въ Одессѣ наличныхъ денегъ , отъ чего при размѣнѣ ассигнацій вкрались многія злоупотребленія. **ИМПЕРАТОРЪ** учредилъ банкъ для выдачи наличныхъ денегъ за ассигнаціи.

Чтобы предохранить городъ отъ моровой заразы , копорой гнѣздо , какъ думаютъ , находится въ Конспаншинополѣ , въ Одессѣ выстроены лазаретъ; всѣ приходящіе изъ Турецкіи корабли, хотя бы они только на самое короткое время останавливались въ пристаняхъ сей Имперіи, должны выдерживать карантинъ отъ 35 до 45 дней. Между тѣмъ прѣхавшіе могутъ выгружать всѣ свои повары, снова нагружать корабли другими, и даже отправляться въ обратную пушь , не имѣвъ съ городомъ непосредственнаго сообщенія. Мѣры сіи, весьма выгодныя для торговли, столь благоразумны и осторожны, что

предѣлы Государства не были еще подвержены никакой опасности.

Весною можно съ выгодною продавать въ семь городъ заграничные товары, которые отправляются въ бывшія Польскія провинціи; однакожь въ 1803мъ году привезено было ихъ такое множество, что нѣкоторые цѣлой годъ лежали на мѣстѣ, не бывъ проданными. Ввозъ горячаго вина строго запрещается; на ромъ наложена большая пошлина.

Польской хлѣбъ составляетъ главнѣйшую отрасль торговли въ Одессѣ. Въ 1803мъ году было имъ нагружено ошъ пяти до шести сотъ судовъ купеческихъ. До сихъ поръ изъ Польши и изъ Россіи не много было доставляемо сала, коноплей, льну, воску, шерсти, попашу, заячьяго мѣху и другихъ товаровъ, такъ что вывозъ сихъ произведеній былъ совершенно не важенъ.

Въ 1804мъ году, Англійскіе корабли два раза приплывали изъ Мальшы въ Одессу, и покупали провизію для своего гарнизона. Равнымъ образомъ нѣсколько Испанскихъ судовъ приплывало изъ Магона для закупки хлѣба.

Обозы изъ Польши приходятъ лѣтомъ, начиная ошъ Мая мѣсяца до Августа. Иногда въ одинъ день прѣзжаетъ

пять сотъ , семь сотъ , даже тысяча повозокъ , запряженныхъ волами. Въ такомъ случаѣ бываетъ оцупителенъ недостатокъ въ водѣ для скотины , копорую водятъ поить въ мѣста ондаленныя , попому что городскіе колодези едва достапочно снабжаютъ жителей. Равнымъ образомъ городъ нуждается въ дровахъ , копорыя отъ того весьма дороги. Почти то же можно сказать о наймѣ квартиръ и о сѣбствныхъ припасахъ.

Въ Одессѣ рѣдко удается нанимать корабли для перевозки товаровъ ; сіе обстоятельство заспавляетъ купцовъ помышлять о томъ въ пристаняхъ Средиземнаго моря , гдѣ нагружаютъ товары. Въ Ноябрь и Декабрь плаваніе по сему морю бываетъ опасно ; отъ того корабельщики дожидаются весны въ пристаняхъ , и поднимаютъ якоря не прежде , какъ въ началѣ Марта.

Жители Одессы , которые имѣютъ помѣстья , или же предспавляютъ за себя поручителей , подобно Херсонцамъ , могутъ снаряжать корабли , и оппускать ихъ въ море подъ Россійскимъ флагомъ.

Между Одессою и Херсономъ лежатъ города Очаковъ и Николаевъ. Первой нынѣ совсѣмъ не важенъ , попому что суда , мимо плывущія , опасназливаются только на

время въ его пристани. Николаевъ лежишь при соединеніи Ингула съ Бугомъ ; его населеніе простирается до 15000 жителей. Торговля сего города состоитъ въ хлѣбѣ , конторой отпускается на судахъ по рѣкѣ Бугу.

Въ Крыму, Козловъ и Кафа (Феодосія) суть пристани, болѣе другихъ посѣщаемыя мореходцами. Ахтіяръ, или Севастополь, есть мѣсто соединенія всего Черноморскаго военнаго флота ; купеческія суда могутъ приставать къ нему только для починки, или для безопасности во время бури. Въ сей пристани одни Императорскіе корабли выдерживаютъ карантинъ.

Козловъ снабжаетъ Наполію, Ромелію и Конспанинополь хлѣбомъ, масломъ, саломъ, солью, а особливо шерстью. Жаль только, что корабли не могутъ здѣсь быть въ безопасности отъ южнаго вѣтра; ибо рейда ничѣмъ не закрыта. Изъ Малороссіи привозятъ въ Козловъ много хлѣба на повозкахъ, которыя обыкновенно накладываютъ здѣсь солью.

Судя по распоряженіямъ Правительства, сдѣланнымъ въ пользу Кафы, должно думать, что оно намѣрено оживить здѣшнюю торговлю. Въ Кафѣ учреждены лазаретъ и таможня для ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. Купеческіе ко-

рабли, плывущіе въ Крымскія пристани, должны здѣсь выдерживать карантинъ. Хлѣбъ и шерсть соспавляютъ въ Кафѣ главную торговлю; воскъ, сало, масло и заячьи мѣха опускаются въ маломъ количествѣ. Привозъ товаровъ изъ Южной Европы до сихъ поръ еще не важенъ; черезъ три, или четыре года торговля сего города можетъ укрѣпиться — если не помѣшаютъ военныя обспоятельства.

Татанрогъ есть важной торговой городъ по своему положенію на краю Азовскаго моря, по связямъ своимъ съ Москвою и Астраханью, по водяному сообщенію съ Дономъ и по сосѣдству съ Волгою.

Въ Татанрогѣ можно покупать тѣ же товары, какіе въ Херсонѣ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ: конопля, сало, парусину, лошадиные волосы, табакъ, кожи, хлѣбъ, мѣха, и проч.; вещи, которыя вездѣ сыскать можно; но въ Татанрогѣ болѣе, нежели въ Херсонѣ, рыбаго клею, икры и желѣза. Икра, которой чрезвычайное количество опускается въ Италію и Турецію, привозится въ Татанрогѣ изъ городовъ, лежащихъ на Дону, Волгѣ и Уралѣ, — рѣкахъ, изобилующихъ осепрами. Желѣзо доставляется изъ рудниковъ Сибирскихъ; въ Казани имѣютъ наружаютъ барки, которыя отправляютъ Волгою до

Сареппы и другихъ мѣстъ ближайшихъ къ Дону. Опшуда перевозяшъ желѣзо сухимъ путемъ на берега Дона, опспоящаго опъ Волги въ чепырехъ миляхъ, снова нагружаюпъ имъ суда, и такимъ образомъ доставляюпъ въ Таганрогъ. Со времени заключеннаго мира въ 1774 мѣ году почпи вся икра и желѣзо, привезенныя въ Конспаншинополь, шли изъ Таганрога; кромѣ сихъ важнѣйшихъ вещей, Таганрогъ оппускаетъ еще масло, рыбій клей, и проч.

Мачповой и спроевой лѣсѣ, выпускаемый въ изобиліи изъ Казанской Губерніи въ Санктпетербургъ для спроенія кораблей военныхъ и купеческихъ, могъ бы черезъ Таганрогъ найти себѣ дорогу за границу; но въ арсеналахъ предпочишающся Украинскія и Липовскія мачпы, потому Казанской лѣсѣ не уважается. Для разспространенія сего торга надлежало бы Казанскія дерева пригонять площадями къ Кафѣ, попому что для перевозки ихъ поспребны корабли большіе, которые на Азовскомъ морѣ не могутъ плавать.

Медленное доставленіе водою не препятспвовало бы лѣсной торговлѣ. Одна трудность вспрѣтилась бы при перевозѣ на колесахъ опъ Волги къ Дону. При семъ не лѣзя не пожалѣпъ, что обстоятельство спва помѣщали Великому ПЕТРУ докон-

чишь каналъ , копорой долженъ былъ соединить обѣ рѣки. Можно понять , какъ оживилась , какъ распространилась бы торговля Таганрогская , еслибъ планъ сей произведенъ былъ въ дѣйство ; тогда Европа и Туреція возобновили бы старинную торговлю свою съ Персіею и Индіею , торговлю , копорая отправляется нынѣ окольными пушями ; тогда Россійскій Дворъ , для открытія ближайшей дороги торговымъ связямъ , дозволилъ бы черезъ свою Имперію безпошлинно провозить богатства Азіискія.

(*Продолженіе влредь.*)

II.

Извѣстія и замѣтанія.

Г. Талейранъ читалъ въ полномъ собраніи Сената начертаніе о взаимномъ поведеніи Франціи и Австріи со времени заключенія Люневильскаго мира. Онъ увѣряетъ , что Бонапарте свято хранилъ всѣ статьи трактата ; доказываетъ , что движенія Французскихъ войскъ въ Италіи были не что иное , какъ *военные обряды* , копорые никого не должны смущали безпокойствъ ; утверждаетъ , что Бонапарте всегда хотѣлъ

возстановить трактатъ Амьенскій, и хранишь его съ такою святосію, съ какою сохраненъ Люневильскій; жалуется, что долги Венеціянскіе не заплачены; — что поданные Наполеоновы не получили удовольворенія, — что въ Швабіи и на границахъ Швейцарскихъ Австрійскій Дворъ занялъ мѣста, и тѣмъ заставилъ Францію опасаться. Онъ клевететъ на Австрію, будто сія Держава давно уже скрывала непріязненныя свои намѣренія, пока приготовилась явно дѣйствовать. Онъ увѣряетъ, будто Бонапарте совершенно не зналъ, какія препорученія имѣлъ Г. Новосильцовъ; говоритъ о вспушленіи войска Австрійскаго въ Баварію, какъ о непріятельскомъ дѣйствіи противъ Франціи; угрожаетъ Англичанамъ мщеніемъ за то, что Государства твердой земли взяли ихъ сторону, и въ заключеніе всего увѣряетъ, что Бонапарте положитъ оружіе не прежде, какъ получитъ совершенное удовольвореніе. — Реньйо де Сенпъ Анжелъ представилъ Сенату проэктъ опредѣленія о наборѣ 80,000 рекрутъ въ 1806 мѣ году. — Достойно примѣчанія, что во Франціи снова учреждается народная гвардія. Всѣ жители, имѣющіе отъ роду отъ двадцати до шестидесяти лѣтъ, могутъ записываться въ сію гвардію. Она должна соспоятъ не

изъ баталіоновъ , но изъ когортъ ; каждая когорта заключаешъ въ себѣ 10 ротъ : 1 гренадерскую , 1 егерскую и 8 мушкетерскихъ. Наполеонъ пожалуетъ офицерами такихъ гражданъ , которые въ соспояніи на свой счетъ сдѣлашъ для себя мундиры и экипажи. Нѣсколько когортъ составляютъ Легіонъ. Главное назначеніе народной гвардіи есть защищать границы Франціи , пошому что Бонапарте намѣренъ вывести всѣ войска пропивъ союзниковъ. Сей человекъ , обѣщавши легковѣрнымъ рабамъ своимъ приковать Европу къ своей колесницѣ , и выслушавъ нѣсколько раболѣпныхъ привѣтствій отъ наемныхъ Орашоровъ , отправился въ Германію. Изъ Спразбурга онъ прислалъ въ свой Сенатъ уведомленіе , что Іосифъ Бонапарте уполномоченъ управлять Сенатомъ въ его (Наполеоново) отсутствіе. Въ Мониперѣ напечатано , что Наполеонъ съ главною своею квартирою переѣхалъ уже въ Шпунгардъ , и что войско переправилось черезъ рѣку Неккаръ. — Главная квартира Австрійскаго войска теперь находится въ Ульмѣ — слѣдовательно разспояніе между Французами и Австрійцами весьма невелико. Въ Гамбургѣ получено уже извѣстіе изъ Регенсбурга о *катастрофическихъ дѣйствіяхъ* Писшунъ изъ сего города , что подлв Нейбургъ

га было сраженіе. О числѣ убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ надлежитъ въ скорости ожидать обстоятельнаго увѣдомленія.

Любопытно знать теперь, какъ принято Берлинскимъ Дворомъ извѣстие о неистовствахъ Французскаго войска. Пруссія объявила себя неуправляемою. Кажется, такое разположеніе сколько непріятно было для союзниковъ, сколько выгодно для Г-на Бонапарте. Не смотря на то, онъ по особливымъ своимъ расчетамъ призналъ нужнымъ раздражить Фридриха Вильгельма. Въ первыхъ числахъ Октября Французы заняли нѣсколько селеній въ Липпахъ, области, принадлежащей Королю Прусскому. Мѣстное начальство написало о семъ происшествіи въ Вирцбургъ къ Маршалу Бернадоту, и напомнило ему о неуправленіи Прусскихъ Провинцій во Франконіи. Маршалъ торжественно обѣщався, что ни одинъ Французскій солдатъ не ступитъ на Прусскую землю. Между тѣмъ въ окрестностяхъ Уффенгейма занимали квартиры для 20,000 солдатъ Бернадотовой дивизіи; скоро потомъ 4000 передоваго войска подъ начальствомъ Генерала Келлермана вошло въ Сихперсгаузенъ, а за ними и прочее войско, не уважая никакихъ предспавленій,

сдѣланныхъ со стороны пограничнаго Начальника. Маршалъ Бернадотъ разположился въ Уффенгеймѣ, а дивизія его заняла окрестности сего города. Прусской Генералъ - Маіоръ Тауенцинъ и Камеральной Президентъ Шукманъ снова объявили свое неудовольствіе противъ самовольства Французовъ; но Маршалъ сослался на то, что ему дано повелѣніе идти въ Эйхштадтъ черезъ Аинпахскую область. Въ Берлинъ послана эскадра съ донесеніемъ о семъ странномъ происшествіи. Скажемъ вславу, что теперь вся Прусская армія готова дѣйствовать. По увѣренію публичныхъ листковъ, со времени семилѣтней войны этого не было. Въ продолженіе войны за Баварское наслѣдство часть гарнизоновъ оснадалась неподвижною: даже въ революціонную войну, когда Прусская армія сражалась на Рейнѣ, только двѣ ея части были поставлены на военную ногу.

Войско Баварское, Виртембергское и Баденское соединилось съ Французскимъ. Баварцы составляютъ правое крыло Французской, такъ называемой великой арміи, въ Германіи. Ихъ считается до 26,000 человекъ. — Бернадотъ начальствуетъ надъ отдѣленіемъ, состоящимъ изъ корпуса, бывшаго въ Ганноверѣ, изъ войска Баварскаго и изъ соединеннаго корпуса

Галло - Батавскаго , командуемаго Генераломъ Мармономъ. Сіе отдѣленіе называется первымъ корпусомъ великой арміи, кою число полагають до 180,000 человекъ. — Въ Вѣнской придворной газетѣ напечатано слѣдующее: „84,000 Человекъ Императорскаго Королевскаго войска разположено между Ульмомъ и Меммингеномъ недалеко отъ Иллера, и по обѣимъ сторонамъ Дуная. Сія армія особливо страшна своею конницею многочисленною , кою разпространить на обширныхъ равнинахъ Швабскихъ. Полагають , что къ 11 му Октябрю она соединится съ первою Россійскою арміею , командуемою Генераломъ Кутузовымъ , и возрастетъ до 140,000 человекъ ; около 30 го числа тогожъ мѣсяца ожидаютъ прибытія вѣроятно Россійской арміи , состоящей изъ 58,000 подъ начальствомъ Генераловъ Михельсона и Графа Буксгевдена ; слѣдственно силы Императорскія умножатся въ Германіи до 200,000 человекъ. Сюда не входятъ въ счетъ многочисленныя запасныя войска и Тирольская армія.“ По всему кажется, что Французы стараются обойти Австрійское войско въ верхней Швабіи , чтобы воспрепятствовать ему соединиться съ приближающимися Россіянами ; однакожъ Австрійцы заняли весьма хорошія позиціи.

Изъ Вѣны пишутъ , что первое отдѣленіе Россійскаго войска уже вступило въ Австрію , и въ первыхъ числахъ Октябрю переправилось черезъ Дунай въ двухъ пунктахъ. 16,000 Повозокъ наряжено для поспѣшнѣйшаго соединенія войска сего съ Австрійцами. Въ Вѣнѣ съ часу на часъ ожидаютъ прибышійя Генерала Кутузова.

Надъ Французскимъ войскомъ въ Италиі , изъ 85,000 человекъ состоящимъ , начальствоуеиъ Массена. Эрцгерцогъ Карлъ прибылъ въ главную квартиру свою въ Падуу , и оидалъ слѣдующій приказъ , достоинный примѣчанія : „Слѣшу возвѣстивъ войску , что я опять принялъ надъ нимъ начальство. Воспоминаніе о прежнихъ подвигахъ , подвигахъ , славныхъ для оружія Его Величества Императора , увѣряетъ меня , что въ случаѣ начавшя войны , я найду въ солдатахъ ту же твердость , ту же неуспраиимость , ту же храбрость . ту же приверженность ко мнѣ и довѣренность , которыя нѣкогда увѣнчали славою дни мои и споспѣшествовали къ одержанію блестящихъ побѣдъ , знаменитыхъ для войска , полезныхъ для опечества. Не сомнѣваюсь , что войско помнитъ еще любовь , которую я изъявлялъ ему при всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни , раздѣляя съ нимъ и счастье и несчастье.

Совѣтшую всѣмъ начальникамъ большихъ и малыхъ отдѣленій поселянъ въ солдатахъ воинскія добродѣтели: чинопочитаніе, терпѣніе, послушаніе и воздержность. Любопытныя умствователи, желающіе все знать, наблюдающіе во всемъ однѣ только свои выгоды, приспраспные къ разорительнымъ играмъ, пьянству и другимъ порокамъ, унижающимъ челоуѣчество — суть язва въ ополченіяхъ, которую изпреблять должно, и за которую отъ начальниковъ потребу опчета.“

*

Иностранныя вѣдомости наполнены отзывами, служащими къ чести нашихъ соотечественниковъ. Вездѣ удивляюпся имъ и завидуюпъ Государству, охраняемому такими героями. Корпусъ Графа Толстаго, не давно приплывшій на корабляхъ въ Шведскую Померанію, въ короткое время уже пріобрѣлъ всеобщую любовь и довѣренность отъ жителей. — Изъ Бринна, что въ Моравіи, пишутъ слѣдующее отъ 1 го Октября: „Вчера прошла чрезъ здѣшній городъ первая колонна Россійско - Императорскаго войска, предводимая Княземъ Багратиономъ. Вся она состоитъ изъ прекрасныхъ людей; въ войскѣ наблюдается спрочайшій порядокъ. Особенное вниманіе здѣшнихъ жителей

обратилъ на себя 6й егерской полкъ, надъ копорымъ начальствуетъ Генераль-Маіоръ Уланіусъ. Всѣ удивлялись порядку, искусству Офицеровъ, красивому наряду и бодрости молодыхъ воиновъ, не смотря на то, что они почти двѣ недѣли и въ дурную погоду шли безъ отдыха. Шефъ сего полку, упомянутый Генераль-Маіоръ Уланіусъ, мужъ почтеннѣйшій, по случаю пребылъ здѣсь полторы сушки; въ это время онъ обходился со всѣми весьма вѣжливо, одѣлалъ бѣдныхъ милоспынею, и человеколюбивымъ характеромъ своимъ пріобрѣлъ общую любовь и почтеніе.

*

Евгеній Богарне, по любви къ Италіянскимъ своимъ подданнымъ и по увѣренности во взаимной ихъ любви къ своей особѣ, призналъ нужнымъ учредить въ Миланѣ особое судилище (родъ Тайной Канцеляріи) для государственныхъ преступниковъ, то есть, такихъ людей, которые ненавидящъ новыхъ своихъ власпелиновъ и гнушаются ими. Сіе судилище составлено изъ семи Членовъ; оно не дастъ никому отчета въ своемъ поведеніи.

*

Въ Италіи опасаются высадки Русскихъ изъ Корфу. Во Французскомъ войскѣ,

находящемся въ Неаполитанскомъ Королевствѣ , господствуетъ сильное движеніе.

✱

Достойна замѣчанія присяга Генерала Міоллиса , начальствующаго въ Мантуѣ. Онъ торжественно поклялся , что всеми способами будетъ защищать крѣпость, ввѣренную ему отъ Наполеона ; что скорѣе пожертвуетъ своею жизнью , нежели поспѣшишь овладѣться непріятелемъ ; что станеть опклоняшь всѣ условія сдачи и приметъ только такія , какія приличны военнопленнымъ , то есть , выдетъ изъ крѣпости безъ оружія и безъ знаменъ ; что не иначе сдастъ крѣпость , какъ въ то время , когда совершенно неостанеть воды и хлѣба ; что сдастся тогда только , когда непріятели овладѣють внѣшними укрѣпленіями и сдѣлають въ стѣнѣ проломъ ; наконецъ что сдастся тогда только , когда не останеться никакой возможности защищаться.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

Н О Я Б Р Ъ 1 8 0 5.

№ 22.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Нурмагала (*).

(Восточная повѣсть соч. Г-жи Жанлисъ.)

Султанъ Козру, сынъ Жеангира, Могольскаго Императора, былъ храбръ, уменъ, добродѣтеленъ, но имѣлъ спраси неукротимыя и характеръ высокомѣрный, копо-

(*) Сочинительница увѣдомляетъ, что сіе происшествіе дѣйствишельно описано въ Путешествіи Тавернье, которой привезъ въ Европу золотыя монеты, доказывающія истину его повѣствованія. Г-жа Жанлисъ прибавила ошъ себя подробности, относящіяся до Принца Козру; но сіе лицо не есть вымышленное. Козру въ самомъ дѣлѣ поднималъ оружіе пропавъ ошда,

рой рѣдко въ удѣлѣ достаеся дѣтямъ Азійскихъ Деспотовъ, воспитываемымъ въ страхѣ и зависимости. Опважнось показалась въ немъ еще въ самомъ дѣтствѣ, и полюбилась Жеангиру. Сей Государь, будучи отъ природы чувствительнымъ и добрымъ, ласкалъ своего сына, но не смѣлъ любить его со всею нѣжностію родительскою; иногда изъявлялъ недовѣрчивость къ нему, и принималъ осторожныя мѣры, которыя жестоко терзали гордую душу юнаго Козру; отъ того любовь Императора сколько дѣйствовала на Принца, сколько благосклонность Государя можетъ дѣйствовать на придворнаго честолюбца. Сердце родительское неизмѣнно; кто можетъ въ немъ сомнѣваться? кто не полагается на него съ полною довѣренностію? Но любимцы Азійскихъ Государей сколько же ревнивы, какъ любовники; они всегда недовѣрчивы, всегда опасаются переменны, и часто сомнѣваются въ самыхъ клятвахъ о нѣжной привязанности. Козру отличился на рашномъ полѣ, сражаясь подъ начальствомъ отца своего и храбра-

и былъ врагомъ прекрасной Нурмагалы. Жеангиръ, супругъ ея, былъ дѣдъ славнаго Оренгъ - Зеба, которой царствовалъ во время путешествій Тавернье.

го Абкара, Персидскаго Генерала; бывшаго въ службѣ Моголовой. По окончаніи славной войны, Козру просилъ себѣ Губернаторскаго мѣста въ Провинціи; прозьба его не уважена; Губернаторство ошдано просному подданному, которой не имѣлъ никакого права на сіе опличіе. Досада и негодованіе молодаго Принца были чрезмѣрны. Абкаръ, столько же недовольный, раздражалъ въ немъ честолюбіе. Составилась паршія. Козру принялъ рѣшительное намѣреніе сдѣлаться независимымъ, не думая впрочемъ о низложеніи Могола. Шекуръ, первый Министръ Жеангира, открылъ заговоръ, и донесъ о немъ Государю. Абкаръ и Принцъ были взяты подъ стражу. Императоръ, даровавъ прощеніе своему сыну, осудилъ Абкара, и велѣлъ ему черезъ три дни повѣшиться къ смерти. Абкаръ имѣлъ одну только дочь, которая, бывъ отъ роду пятнадцати лѣтъ, помрачала всѣхъ красотою, знала многіе языки, любила чтеніе, и опличалась талантами. Она имѣла всѣ качества, которыми пріобрѣтается общаая привязанность: просноту и пріятность въ обхожденіи, умъ живой и проницательной, характеръ терпѣливой и рѣшительной; сверхъ того получила отъ Напуры даръ, превосходящій всѣ прочіе: душу чувствительную

и благородную. Узнавъ о несчастіи своего отца, нѣжная дочь поспѣшно накинула на себя покрывало, въ первой разѣ въ жизнь вышла изъ дому-родительскаго, провожаемая вѣрною невольницею, и отправилась въ чертоги перваго Министра. Не сказывая о своемъ имени, она просила дозволенія говорить съ нимъ, и была впущена въ кабинетъ вельможи. Тамъ, снявъ съ ~~головы~~ покрывало: „Шекуръ! — сказала она — я пришла доставить тебѣ способъ сдѣлать благородное дѣло. Я дочь Абкара; хочу предсказать предъ Жеангира, и ходатайствовать у него за несчастнаго моего родителя. Ты непріятель его; нѣтъ нужды! будь великодушенъ, и укажи мнѣ дорогу къ подножію Императорскаго престола.“ Молодая, пятнадцатилѣтняя дѣвушка безъ сомнѣнія не знала, чію симъ необычнымъ поступкомъ достигнетъ своей цѣли; со всѣмъ простодушіемъ молодости и неопытности она полагалась только на чувствительность Шекура, надѣялась тронуть сердце сараго вельможи, и погасить въ немъ на сей случай искры спаринной вражды.

Изумленный Шекуръ пристально смотрѣлъ на красавицу, которая въ спольюныхъ лѣтахъ уже открывала великую душу. . . Если опкажу ей — думаль Ми-

вистрѣ — она найдетъ другой способъ войти во дворецъ; а Государь нашъ еще не старъ, и любитъ женщинъ. . . . Сіи разсужденія заспавили Шекура рѣшиться на великодушной поступокъ. „Хорошо — отвѣчалъ онъ — охотно поведу тебя къ Государю, и вмѣстѣ съ тобою стану просить его. . . .“ Милая дочь Абкарова, исполненная чувствомъ благодарности, накинула на себя покрывало и пошла за Шекуромъ. Представши предъ лице Жеангира, она упала на колѣна и съ просящимъ краснорѣчіемъ молила его даровать жизнь своему родителю. Разпроганный Императоръ поднимаетъ красавицу, смотритъ на нее примѣчательно, потомъ говоритъ: „Можно ли отказать тебѣ? Абкаръ отецъ твой — прощаю его, и позволяю ему уѣхать въ Персію со всѣмъ богатствомъ; пребуду только, чтобы изъ благодарности онъ оставилъ при мнѣ дочь свою. Остаешься въ моихъ чертогахъ; отецъ твой завтра отправится; сего дня вечеромъ ты должна съ нимъ проспиться.“

Дочь Абкарова залилась слезами и опять упала къ ногамъ Жеангира, которой немедленно приказалъ отвести ее въ сераль. Послѣ смерти матери Принца Козру, Императоръ не имѣлъ болѣе супру-

ти, и обѣщався ни одной женщинѣ не давать сего высокаго шипла. Однакожъ онъ сполько плѣнился красою и прелестями дочери Абкаровой, что въ тотъ же день назвалъ ее *Нурмагалю*, или *свѣтлою серала*. Сіе названіе много обѣщало; новая любимица тотчасъ почувствовала, что оно дало ей такія права, копорыхъ не имѣли ея соперницы.

На другой день въ сералѣ приговоренъ былъ праздникъ для Жеангира. Нурмагала явилась во всемъ блескѣ, приличномъ ея имени. Она обратила на себя вниманіе не однѣми прелестями, но и талантами; Императоръ увидѣлъ искусство ея въ танцованьи, услышалъ ея пѣніе и игру на люпнѣ — и страстно въ нее влюбился. Вечеру пошли гулять въ садъ; Жеангиръ отвелъ Нурмагалу отъ подругъ ея, и посадилъ на деревяннѣйшей лавкѣ. „Какъ приспало къ тебѣ новое названіе! сказалъ онъ любимицѣ: ты одна здѣсь блистаешь; ты помрачаешь прелести всѣхъ моихъ красавицъ; я никого кромѣ тебя не вижу! . . .“ Нурмагала вздохнула, качая головою; подняла глаза къ небу, устремила ихъ на свѣтлой мѣсяцъ, котораго всѣ лучи, казалось, собрались на прелестномъ лицѣ ея, и пономъ ошвѣчала: „Государь! взгляни на свѣшило

небесное ; посмотри на его крошкое, величественное сіяніе , занятое опъ солнца . . . Не отличило ли оно опъ звѣздъ , едва свѣпящихся ? ” — Скажи , милая Нурмагала ! ахъ ! скажи ; какого желаешь отличія ? — „Есть , Государь , отличие знаменитое и высокое ; оно столько любезно моему сердцу , что нѣтъ вещи въ свѣтѣ , которая могла бы замѣнить его ” . . . — Что такое ? — „Название супруги перваго Монарха въ мірѣ .“

Признаніе столь нечаянное и чистосердечное , изумило Жеангира . Не долго помолчавъ , онъ сказалъ : „Какъ , Нурмагала ! ты еще во цвѣтѣ юности , и такъ честолюбива ! . . . “ Государь ! отвѣчала прелестная : помысли о моемъ воспитаніи ; помысли , что , будучи единственною дочерью человека , возведеннаго тобою на высокую степень достоинства , я никогда не готовилась занимать мѣсто въ сералѣ , въ толпѣ невольницъ . Конечно , я не надѣялась удостоиться твоего вниманія ; но всегда была увѣрена , что получу руку того , кому отдамъ свое сердце . Почитаю себя счастливою , находясь въ твоихъ повелѣніяхъ ; но смѣю донести тебѣ , Государь ! что прежде несчастнаго приключенія съ оцемъ моимъ , я не позволяю-

вала бы состоянію, для котораго нынѣ судьба меня назначила.”

Сія рѣчь еще болѣе изумила Императора, не привыкшаго слушать языкъ свободы и чистосердечія. Любовь и досада боролись въ душѣ его; чувствуя впечатлѣніе, столь необыкновенное, онъ не зналъ, строгость или ласковость ему надлежало обнаружить. „И шакъ — сказалъ онъ: — тебѣ прошивно нынѣшнее твое состояніе?“ — Нѣтъ, Государь! потому что люблю тебя. Но еслибъ я не чувствовала своего униженія, то не была бы достойною получить то, чего желаю. — „Знаешь ли, Нурмагала, что я отрекся женишься на дочери Обладателя Персіи?“ — Отрекся по тому, что не зналъ ее; развѣ я менѣе Персидской Принцессы, если удостоилась быть любима тобою? Какой санъ можешь равняться съ твоею любовью? — Разпроганный Жеангиръ перервалъ разговоръ, и удалился.

Оставшись наединѣ, онъ началъ размышлять о словахъ любимицы, и ужаснулся. Ему въ первой еще разъ въ жизни удалось видѣть женщину, благовоспитанную и умную; онъ подумалъ, что такое существо должно быть весьма опасно; не смотря на то, какимъ образомъ перестать любить Нурмагалу?

Отдашься во власть идолу, не имѣющему общаго смысла, весьма напурально; это не вредитъ ни достоинству чистнаго чловѣка, ни славѣ Монарха: но обожай умную женщину! какой стыдъ! какая опасность! Такая женщина иногда вздумаетъ подавать добрые совѣты; можно предполагать, что она будетъ высокомерна, властолобива, нагла, проницательна, коварна... Воинъ мнѣніе, всѣми принятое въ Азіи!

Не даромъ одинъ Государь (*) побоялся жениться на прекрасной Икасси, услышавъ отъ нее отпѣніе остроумной. Можетъ быть, Жеангиру извѣстно было сіе происшествіе. Какъ бы то ни было, не смотря на любовь свою къ прекрасной Нурмагалѣ, онъ рѣшился обуздать ея честолюбіе и унизить ея гордость; открылъ планъ свой Шекуру, рассказалъ ему разговоръ съ Нурмагалою, и требовалъ совѣта. Министръ ясно видѣлъ, что Государь обожалъ Нурмагалу, и что она могла получить все желаемое — видѣлъ и остерегся говорить противъ любимицы, которую только для того хотѣли унизить, что удивлялись ея совершенствамъ. Шекуръ

(*) Императоръ Теофилъ. См. Исторію Визант.

не одобрялъ Жеангирова намѣренія; Государь насмивалъ. „Я не хочу — сказалъ онъ — открышь ей, что имѣешь неограниченную власть надъ моимъ сердцемъ: она могла бы употребить во зло мою слабость. Мнѣ хочется безъ всякаго насилія, даже съ видомъ великодушія принудить ее отказаться отъ своихъ требованій, и довольствоваться нынѣшнимъ состоянiемъ.

Шекуръ не отвѣчалъ ни слова. Императоръ написалъ къ Нурмагалъ слѣдующую записку:

„Ты сказала, что не довольна нынѣшнимъ своимъ состоянiемъ. Я не тиранъ; не смотря на то, что нахожу удовольствiе быть съ тобою вмѣстѣ, отдаю жребiй твоей въ собственное твое распоряженiе. Ты свободна, Нурмагала; если хочешь отправиться къ своему родителю, отъ тебя зависитъ назначить время отъѣзда. Мои благодаренiя послѣдующъ за тобою; отрядъ моихъ воиновъ проводитъ тебя въ Персiю.“

Императоръ прочиталъ въ слухъ записку, будучи весьма доволенъ своимъ вымысломъ. „Ты вѣрно угадываешь — сказалъ онъ Министру — что Нурмагала не рѣшится ѣхать. По воспочнымъ обычаямъ, ей не лъзя будетъ помышлять

о замужствѣ, проведши два дни въ сералѣ; сверхъ того, гдѣ найдетъ она такое великолѣпіе? Она любитъ меня, слѣдственно не захочетъ со мною разстаться; въ такомъ случаѣ могу заспавить ее отказавшись отъ требованій, или по крайней мѣрѣ она сама не станетъ упоминать о нихъ.”

Жеангирѣ послалъ вмѣстѣ съ запискою богатые подарки; черезъ полчаса получилъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

„Гордость моя, Государь! не можетъ быть предметомъ нареканія для души, столь великой, какъ твоя; хочу сохранить сіе драгоценное свойство: позволю мнѣ хопя чувствами до тебя возноситься... Отъ тебя зависѣло бы сказать, чію я нужна для своего счастья — и послушная невольница навсегда осталась бы съ тобою. Такая честь удовлетворила бы и сердце мое и гордость; безъ нее шло супружеской для меня ничего не значило... Но ты предлагаешь мнѣ удалиться навсегда, не объявивъ, что тебѣ жаль разстаться со мною... Завтра ѣду.

„Государь! благоволи принять обратно богатые свои подарки; они для меня не нужны. Что мнѣ дѣлать съ блестящими нарядами? кому захочу нравиться, раз-

„спавшись съ тобою? . . . Благодарность и
„печаль повсюду послѣдуютъ за мною“

Жеангирь совсѣмъ не ожидалъ сего
отвѣта, коимъ разстрогалъ его сердце и
привелъ въ замѣшательство разсудокъ.

„Что дѣлать, Шекуръ? Нѣтъ, не опущу
ее; признаюсь, что не могу жить безъ
Нурмагалы . . . Но какъ теперь удержанъ
ее, не обнаруживъ своей слабости? Если
объявлю ей всю истину мою, то она
вѣрно захочетъ быть моею супругою . . .“ —

Какая же другая женщина достойна сего
высокаго шипла? — „Что ты говоришь,
Шекуръ!“ — Государь! самое лучшее,
достойное тебя средство удержать здѣсь
тутъ, которая пребудетъ одной только
любви твоей, если — возвеси ее на пре-
столъ Императорскій.“

Жеангирь не отвѣчалъ на слова; но
вольность Шекурова не показалась ему про-
тивною; догадливой Министръ зналъ, съ
какой стороны польстить своему Госу-
дарю. Онъ служилъ Нурмагалѣ ревностно,
потому что она уже и прежде была одол-
жена имъ, и что сама она чувствовала
всю важность его одолженія; сверхъ того
Козру былъ непріятель Шекура, а бракъ
сей совершенно лишилъ бы Принца доброты
и могущества. Наконецъ, Жеангирь обо-
жалъ Нурмагалу, слѣдственно не мудрено

было предусмотрено, что Государь женится на ней рано или поздно; ускорить же сие важное событие значило утвердить навсегда благосклонность Монарха къ Министру, копорой даль совѣтъ столь полезной.

Императоръ провелъ остатокъ дня, не выдавшись съ Нурмагалою, копорой велѣлъ объявить, что она можетъ поповишься къ отъѣзду, и требовать нужное количество носилокъ. Нурмагала съ прискорбнымъ изумленіемъ услышала сию вѣсть, но гордость запрещала ей жаловаться. Она отвѣчала присланному, что не имѣетъ нужды въ многочисленной свитѣ, и прибавила, что на другой день на разсвѣтѣ уѣдетъ.

Въ самомъ дѣлѣ печальная Нурмагала на другой день рано одѣлась въ простое кисейное платье, накинула большое Кашемирское покрывало; взявъ съ собою одну невольницу, вышла изъ сераля въ шесть часовъ по утра, сѣла на носилки и отправилась въ дорогу. Надлежало перейти нѣсколько дворовъ, чтобы очутиться внѣ замка; тушь она уже не въ силахъ была удержаться отъ слезъ. . . „Какой стыдъ! сказала Нурмагала: какое презрѣніе! . . . Жестокой отсылаетъ меня. . . ни слова не отвѣчалъ на письмо мое, исполненное

нѣжной покорности! . . . Какая обида! . . . чѣмъ я заслужила ее? . . .“ Нурмагала плакала и рвалась отъ досады, между тѣмъ какъ носильщики быстро шли по улицамъ Делійскимъ. Нурмагала велѣла идти медленнѣе, но ей съ грубоспїю отвѣчали, что исполняютъ волю Государя. „Боже мой! вскричала рыдающая любимица: ему хочется, чтобы я какъ можно скорѣе отсюда удалилась! . . .“

Спустя полчаса носилки остановились; Нурмагалѣ сказано было, что нужно сдѣлать нѣкоторыя поправки; просили ее выйти и подождать, пока починка будетъ окончана. Одинъ изъ невольниковъ предложилъ ей выйти въ большую Парту, стоявшую подлѣ самой дороги; Нурмагала согласилась. Прошедши первыя двери, она съ изумленіемъ увидѣла многочисленную толпу собравшагося народа, и еще болѣе изумилась, когда, вступивъ во внутренность храма, увидѣла зажженные свѣщильники, и самаго Императора великолѣпно одѣтаго, окруженнаго Придворными и шлохранителями. Дрожащая Нурмагала прислонилась къ столбу. . . . Жангиръ подходитъ къ ней, беретъ ее за руку, и говоритъ: „приблизься; все готово для совершенія обряда, которой соединитъ насъ навѣки. . .“ При сихъ словахъ, Нурмагала,

едва не лишаеь чувствъ отъ внезапнаго изумленія и радости, преклонила колѣно передъ Императоромъ, которой поднялъ ее, и возлагая на голову ея алмазную корону, произнесъ громко: „Нурмагала, дочь Абкарова, да будетъ моею супругою!..“

Счастливая Нурмагала получила руку Жеангира. По окончаніи обряда, Императоръ возсѣлъ на пышномъ престолѣ, воздвигнутомъ среди капища; Султанша заняла мѣсто на парчевыхъ подушкахъ у подножія престола; попомъ при звукѣ трубномъ и народныхъ восклицаніяхъ вышла изъ храма, сѣла въ драгоценныя носилки, и была опнесена во дворецъ, въ сопровожденіи свиты, блестящей и многочисленной.

Принца Козру не было при совершеніи обряда. Услышавъ о семъ происшествіи, онъ не скрылъ своего негодованія, о которомъ Шекуръ немедленно увѣдомилъ Султаншу. Сіе обстоятельство не огорчило Нурмагалы; души благородныя иногда оскорбляются въ несчастіи, но въ минушу пріумфа онъ болѣе расположенъ ко снисхожденію. Шекуру весьма непріятно было видѣть Нурмагалу великодушною, даже готовою ходатайствовать за Принца передъ Императоромъ; онъ скрылъ страхъ свой

и припворился, будто охотно раздѣляется
ея чувства.

Въ Государствѣ Моголовомъ женщины
гораздо свободнѣе, нежели въ Турціи; онѣ
въ присутствіи мужей своихъ иногда при-
нимаютъ у себя коропкихъ пріятелей
семейства. Нурмагала жила не въ сералѣ,
но въ особомъ домѣ; имѣла множество
тѣлохранителей и невольниковъ; ей ока-
зывались все почести, приличныя сану
Императрицы. Шекуръ былъ спаръ;
Нурмагала, помня, что ему обязана жиз-
нію родителея и счастіемъ своимъ, выпро-
сила дозволеніе принимать его у себя въ
домѣ, но не осмѣливалась просить подоб-
наго исключенія вразсужденіи Принца Ко-
зру, по причинѣ его молодости. Однакожъ
ей весьма хотѣлось познакомиться съ
нимъ, и дать ему полезной совѣщъ о томъ,
какъ онъ долженъ вести себя противъ
Императора. Единственный сынъ Жеан-
тира не могъ быть чуждымъ ея сердцу;
сверхъ того, она часто слыхала отъ Го-
сударя похвальныя ошзвы о храброспи
Принца Козру и объ отличныхъ каче-
ствахъ души его. Ей неизвѣстно было;
что Принцъ уже знаетъ по слуху объ ея
достоинствахъ. Абкаръ еще прежде не-
счастливаго происшествія далъ замѣнить
молодому Принцу желаніе выдать за него

дочь свою; это подало поводъ Козру развѣдать о дочери Абкаровой, и узнавъ, что она прекраснѣйшая дѣвица въ Имперіи; его воображеніе возпламенилось, и онъ влюбился въ красавицу, никогда не выдавши ее. Въ такой землѣ, гдѣ женщина почитается божествомъ тайнспвейнымъ и невидимымъ, одна молва о доспоинствахъ ея можетъ вдохнуть любовь въ сердце мужчины. Козру просилъ у Абкара дочери его за себя въ замужство наканунѣ того дня, когда ихъ взяли подѣспражу. . . Узнавши потомъ, что Нурмагала находится въ сералѣ, Козру былъ неутѣшенъ отъ горести, которая наконецъ еще болѣе усилилась, когда его любезная сдѣлалась сурругою Императора. Онъ не могъ слушать, когда говорили объ умѣ, красотѣ и прелестяхъ Нурмагалы; не могъ скрывать чрезмѣрной своей досады; жестоко сердился на Нурмагалу, думая, что она знала о любви его и объ условіи съ Абкаромъ. Гордость и любовь заставляли его почитать постыдною невѣрностію дѣло, на которое рѣшилась нѣжная дочь для сохраненія жизни своего родителя, и на которое она должна была бы рѣшиться даже и тогда, когда сердце ея чувствовало бы склонность къ Принцу. Но Нурмагала совсѣмъ не знала о намѣреніяхъ Абкара, которой

иногда опъзывался съ похвалою о Принцѣ въ ея присутствіи, но ничего не говорилъ о замужствѣ. Наконецъ Козру изъяснился; Абкаръ готовился объявить дочери свою волю, и въ то самое время взять подъ супружу.

Нурмагала извиняла первыя движенія Принцовой досады; но услышавъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, что онъ вездѣ говорилъ о ней съ чувствомъ негодованія, начала оскорбляться. Такая несправедливость возмутила душу ея. Пользуясь всею довѣренностію Государя, она никогда не употребляла ее во зло. Нурмагала скупчала праздностію, но и не терпѣла пронырства: вопшъ, въ чемъ состояла главная невыгода для любимицы. Обладая самою властною сердцемъ Жеангира, она почти совсѣмъ не имѣла вліянія на дѣла государственныхныя; иногда останавливала ихъ теченіе строгимъ наблюденіемъ справедливости, которая, какъ извѣстно, часто бываетъ вредною для желаемого успѣха. Нурмагала просила, безъ околичностей и приготовленій, выслушивала отказы съ равнодушіемъ: сими средствами можно только пріобрѣсти почтеніе при Дворахъ; но онѣ не даютъ возможности дѣйствовать по желанію. Шекуръ часто представлялъ Султаншѣ, чшо, умѣя пришло-

ряшья, жертвуя иногда своими забавами, она легко получила бы власть безпредѣльную. „Дорого стоило бы мнѣ пріобрѣтеніе такой власпи — былъ опвѣтъ Нурмагалы: надлежало бы перемѣнить свой характеръ, отказаться опъ любимыхъ упражненій, и для чего? чшобы за всѣ пожертвованія, за всѣ усилія — имѣть въ своихъ рукахъ власть, принадлежащую другому. Впрочемъ, чувствую, какъ несносно бесполезно стягивать землю, и не оставивъ по себѣ слѣда въ мірѣ Чшобы шрудиться для славы, надобно имѣть характеръ швердой, неутомимой, кошораго въ удѣлъ я не получила опъ Природы; чшобы прославить имя свое, надлежитъ опличиться знаменитымъ подвигомъ, для кошораго силъ во мнѣ не достанетъ.“

Подобныя размышленія огорчали Султаншу, и родили въ ней мысль поискать способа прославиться, не мѣшаясь въ дѣла государственныхныя, и не перемѣняя образа своей жизни. Чшожъ могла она сдѣлать? поспроить больницы, воздвигнуть капища? Но другія Государыни спроили больницы, воздвигали капища. Нурмагала, кромѣ сихъ человеклюбивыхъ подвиговъ, хотѣла опличиться еще какимъ-нибудь новымъ и блестящимъ. Наконецъ, послѣ долговременныхъ, глубокихъ размышленій,

она выдумала спранный планъ, которой требовалъ многихъ приготовленій, и которой она положила непременно исполнить, тѣмъ охотнѣе, что для того требовалось только: значная денежная сумма, преданность нѣкоторыхъ людей и храненіе тайны. Она продала большую часть своихъ драгоценностей, и сдѣлала повѣреннымъ Шекура, которой служилъ ей со всѣмъ усердіемъ.

Уже три года Нурмагала неограниченно господствовала надъ сердцемъ Жеангира, какъ Шекуръ, жестоко ненавидѣвшій Козру, узналъ, что сей Принцъ влюбился въ дочь Фазелькана, богатѣйшаго вельможи въ Моголовой Имперіи, неприимимаго врага Министра. Онъ рѣшился воспользоваться симъ открытіемъ и погубить Козру. Въ семъ намѣреніи, не упоминая о новой страсти Принца, онъ объявилъ Султаншѣ, что желаетъ съ нимъ помириться и выдать за него дочь свою Зораиду, прекраснѣйшую дѣвицу въ Дели. Султанша, которая знала и любила Зораиду, одобрила планъ сей, и взяла на себя попеченіе стараться объ успѣхѣ; она съ жаромъ ходатайствовала у Императора въ пользу Министра. Государь обѣщался склонить Принца и дать приданое за Зорайдою; въ самомъ дѣлѣ, онъ предло-

жилъ о женишбѣ своему сыну, которой не только не согласился исполнить волю Жеангира, но объявилъ еще, что никогда не женится на дочери челоѣка ненавистнаго, и что любитъ Симу, дочь Фазелькана. Императоръ, оскорбленный симъ отвѣтомъ, не скрылъ своего негодованія; однакожь, спустя немного, опять принялъ видъ благосклонный и настоялъ въ своемъ прѣбываніи, превознося красоту Зораиды. „Государь! — съ живостію отвѣчалъ Козру — одна Сима будетъ моею супругою, а Зораиду не соглашусь имѣть ниже невольницею, хотябъ она красою равнялась съ Нурмагалою.“ Раздраженный Жеангиръ съ неудовольствіемъ отпустилъ Принца. Черезъ полчаса Фазельканъ взялъ подъ стражу. Козру, боясь также лишиться свободы, поспѣшно оставилъ Дели, и скрылся въ домъ одного поселянина, не далеко отъ столицы на берегу рѣки Гемны.

Жеангиръ уведомилъ Султаншу о разговорѣ съ Принцомъ, и желая сдѣлать ее участницею въ чувствѣ своего негодованія, не забылъ объявить ей отвѣтъ Козру, которой сказалъ, что не хочетъ имѣть Зораиды ниже своею невольницею, хотя бы она красою не уступала Нурмагалѣ. Султанша покраснѣла, но скрыла досаду всю подъ наружностію при-

нужденной улыбки. Въ тотъ же вечеръ она дала великолѣпный праздникъ для Императора, и не пощадила никакихъ усилийъ блеснуть своими дарованіями и прелестями. Жеангиръ былъ восхищенъ отъ любви и удивленія, и въ минушю воспорга яризнался, что ни въ чемъ не откажетъ Нурмагалъ. „Если такъ — подхватила Сулпанша — обещаешься ли оказатъ мнѣ милость, о которой просить буду?“ — Клянусь въ томъ. — „Слово твое священно.“ — Скажи, любезная Нурмагала! скажи, чего желаешь, и будь увѣрена, что все получишь. — „Я не сомнѣваюсь въ томъ, но чувствую какое-то замѣшательство.“ — Какое? отъ чего? — „Прозьба моя покажется необычайною.“ — Нѣтъ нужды. — „Женщина, осчастливленная твоимъ предпочтеніемъ, женщина, спростно любимая тобою, должна имѣть жребій отличный . . . ты удоспоилъ меня титломъ супруги своей; хочу имя сіе сдѣлать безсмертнымъ . . . хочу прославить твои благодѣянія; любовь и благодарность поселяютъ во мнѣ честолубіе.“ — Но развѣ ты не Сулпанша? что еще могу для себя сдѣлать? — „То, чему до сихъ поръ не было примѣра, и не будетъ. . .“ — Нурмагала! я не понимаю тебя; чего ты желаешь?“ — Безпредѣльной

власти на двадцать четыре часа.“ —
 Какъ! — „Успуи мнѣ пресполъ свой
 только на одни сутки. . . .“ — На что
 это? развѣ ты не царствуешь вмѣстѣ со
 мною? — „Мой санъ помраченъ блескомъ
 твоего величества. . . . Дозволь мнѣ только
 одни сутки быть независимою на твоемъ
 пресполѣ не опасайся вверить мнѣ
 власть самодержавную. Ахъ! могу ли упо-
 требить ее во зло! оправдаю любовь твою,
 выборъ твой. . . .“ — Опдатъ бразды пра-
 вленія Имперіею въ руки осмнадцатилѣт-
 ней женщины! . . . — „Но оказалъ ли бы
 ты мнѣ сію милость, когда имѣла бы я
 сорокъ лѣтъ отъ роду! . . . Тогда я не
 была бы твоею любима, слѣдственно не
 могла бы пребывать сего опличія. Моло-
 достъ; Государь! есть время торжества и
 славы для нашего пола.“ — А опыт-
 ность? . . . — „Твои примѣры послужатъ
 мнѣ вмѣсто опыта.“ — Какихъ важ-
 ныхъ ошибокъ не можно сдѣлать на про-
 нѣ и въ одни сутки! — „Такъ, въ комъ
 нѣтъ ума и души благородной. . . .“ —
 Если бы не война съ Персіею, продолжаю-
 щаяся уже около года, я менѣе опасался
 бы. Въ сполъ трудныхъ обстоятельствъ
 можетъ ли женщина быть довольно остро-
 жною, и не сдѣлать ошибки, пагубной
 для Государства? — „Одни сутки мо-

жестъ.“ — Нурмагала! при такомъ честолюбїи охотно ли ты сойдешь съ престола, сидѣвъ на немъ такъ не долго? — „Не завидую престолу, но ищущу славы. Царствовать нѣсколько часовъ и любить всю жизнь Не блаженна ли такая участь?“ — Не перемѣню даннаго слова. Нурмагала! любовь произнесла безразсудной обѣтъ, и должна исполнить его Завтра на разсвѣтъ будетъ возвѣщено моимъ подданнымъ, — что Жеангиръ сложилъ съ себя бремя правленія на двадцать четыре часа, и что въ продолженіе сего времени Нурмагала будетъ неограниченною Монархиней. — Обрадованная Султанша чувствительно поблагодарила Жеангира за оказанную милость.

Въ самомъ дѣлѣ на другой день по утру Дворъ и столица увѣдомлены, что прекрасная Нурмагала будетъ ихъ поведительницею. Народъ, любящій новости, былъ внѣ себя отъ восхищенія. Поэты съ поспѣшностію принялись за работу, потому что столь короткое царствованіе не позволяло заниматься долгими приготовлениями; по счастью, рѣдкость произшествія родила множество новыхъ идей, и немедленно появились стихи въ честь Императрицы. Придворные выдумывали

новые планы, и основывали на них блестящія надежды. Въ одинъ часъ написано болѣе двухъ тысячъ разныхъ прошений; честолюбцы и хитрецы работали неутомимо; всякой былъ увѣренъ, что не надобно пропускать времени, столь короткаго.

Эпо происходило въ Іюнѣ. Въ восемь часовъ по утрау выспавлено во Дворцѣ прекрасное трех-цвѣтное знамя съ золотою бахрамою, въ ознаменованіе начала царствованія Нурмагалы, которая въ пышномъ уборѣ приняла отъ Жеангира скипетръ и дѣдиму. „Будь украшеніемъ моего престола — сказалъ ей Императоръ — и помни, что только толь въ вѣнцѣ сіяетъ, кпо сіяетъ Царскими добродѣтелями и великими подвигами.“

По совершеніи обряда, Жеангиръ удался во внутреннія комнаты, обѣщавшійся не показываться до тѣхъ поръ, пока продолжится царствованіе Нурмагалы, то есть до осми часовъ слѣдующаго утра.

Императрица, которая уже два года тайно занималась приговорами къ торжественному дню сему, узнала о мѣстѣ пребыванія Принца Козру. Аише только Терольды возвѣспили о воцареніи Нурмагалы, Шекуръ, по ея повелѣнію, отпра-вился къ жилищу Принца, взялъ его подъ

стражу отъ имени Императора, не объявляя о случившейся переменѣ, и окольною дорогою привезъ во Дворецъ, гдѣ оставилъ его подъ собственнымъ своимъ присмотромъ. Нурмагала уже четыре мѣсяца вела съ Персіею тайные переговоры о мирѣ, и съ помощію Абкара, снискавшаго всю довѣренность Персидскаго Монарха, успѣла заключить практатъ на условіяхъ весьма выгодныхъ для Имперіи; истребовалось только подтвержденіе великаго Могола. Князь Персидскій, тайнымъ образомъ прѣхавшій въ Дели съ уполномочіемъ подписать мирныя статьи, торжественно введенъ въ чертоги. Императрица сидѣла на пышномъ престолѣ, блестящемъ золотомъ и дорогими камнями, и окруженномъ спражею многочисленною. Юная и прекрасная Зораида, дочь Шекурова, сидѣла у ногъ Нурмагалы, на ступени прона. Отворѣенная дверь; сперва является толпа Вельможъ, потомъ входитъ Князь Персидскій съ своею свитою. Начало царствованія Императрицы ознаменовано двумя дѣйствіями: Нурмагала открыла лице свое, и подписала мирной договоръ, но еслѣ поступила какъ прилично прекрасной женщины и великой Монархини. Все собраніе поражено было ея прелестями. Нурмагала, оживляемая чувствомъ увѣренности въ свои дѣспии-

снвахъ, произнесла Рѣчь сильную и вырази-
 тельную о выгодахъ мира; время было
 дорого, слѣдственно рѣчь Государыни про-
 должалась очень не долго. По окончаніи
 оной, Вельможи пали на колѣна и клялись
 въ вѣрности Императрицѣ. Можетъ быть,
 ни одна женщина не имѣла болѣе основа-
 тельной причины полагаться на клятву,
 потому что ни передъ одною женщиною
 не клянутся въ вѣрности только на *одни*
сутки. Нурмагала, опираясь на Зораиду,
 пошла въ ближній кабинетъ, а за нею
 Персидскій Князь и Министры; тамъ
 подписала мирной договоръ и повелѣніе о
 возвращеніи въ Индію Абкара, къ копо-
 рому въ то же время посланъ нарочной съ
 извѣстіемъ. Опустивъ Персидскаго Кня-
 зя, Императрица сѣла въ носилки и съ
 многочисленною свитою отправилась на
 городскую площадь, гдѣ положила осно-
 ваніе великолѣпному капищу; въ другомъ
 мѣстѣ повелѣла строить больницу, въ
 третьемъ мѣстѣ мостъ черезъ рѣку Гемну. Ме-
 жду тѣмъ раздавали народу множество
 новыхъ денегъ, золотыхъ и серебряныхъ,
 нарочно выбитыхъ по тайному ея прика-
 занію. На одной сторонѣ сихъ монетъ на-
 ходились боковыя изображенія Императора
 и Императрицы, на другой — ихъ имена.
 Нурмагала, желая придать болѣе знаме-

нишости симъ деньгамъ, умышленно нарушила старинный законъ, которымъ запрещалось тискашь изображенія лицъ на монетахъ (*).

Нурмагала не приказала отворять пещи нищъ, не даровала свободы всѣмъ пресупникамъ; но заблаговременно собравши нужныя извѣстїя о содержащихся подъ стражею, нѣкоторыхъ просила, смотря по тому, какія причины побудили ихъ впасшь въ пресупленїя; всѣ безвинно спрадавше въ оковахъ получили свободу. Нурмагала, отдавъ должное почтенїе Религїи, избявивъ любовь свою къ общему благу, правосудїе и великодушїе, насладясь удовольствїемъ отъ воспорговъ безчисленнаго народа, к о т о р о й былъ свидѣтелемъ ея благодѣянїй, возвратилась во Дворецъ. Въ полдень сѣла за столъ. Въ продолженїе обѣда выслушивала поданныя

(*) Это не вымыселъ. Тавернье, какъ выше сказано, дѣйствительно привезъ во Францію нѣсколько золотыхъ монетъ Нурмагалы, которыя во время славнаго путешестввенника уже начинали спановишься весьма рѣдки въ Азіи, потому что наследники Жангира запретили употреблять сіи деньги, и большую часть ихъ приказали переплавить.

прошенія; до шести часовъ занималась разсмотрѣніемъ бумагъ, раздавала приказанія, исправляла ошибки и назначала мѣста по достоинству; не забыла ни Ученыхъ, ни Лицъператоровъ, ни Художниковъ; многихъ неизвѣстныхъ сдѣлала извѣстными; она знала, что гораздо похвальнѣе ободрить талантъ, сокрытый опъ Публики по какимъ-нибудь причинамъ, нежели осыпая милостями людей, копорые довольно уже награждены громкою славою. Потомъ зайворилась въ кабинетѣ съ Министрами, и написала нѣсколько полезныхъ узаконеній, копорыя заблаговременно обдумала, и копорыя клонились къ облегченію участи женскаго пола.

Въ десяти часовъ, оппустивъ Министровъ, велѣла позвать къ себѣ Насуфа, начальника спражи; опдала ему нужные приказы и наставленія, опносительно Принца Козру. Насуфъ немедленно пошелъ къ Принцу, копорой сидѣлъ въ заперши, никого не видалъ, ни о чемъ не зналъ и думалъ, что его заключили по волѣ Жангира. Насуфъ объявилъ Принцу, что Императоръ, раздраженный его опказомъ женился на дочери Шекура, требуетъ, чтобы онъ по крайней мѣрѣ увидѣлъ свою невѣсту. „Пойдемъ со мною, Принцъ!“ — продолжалъ Шекуръ — прекрасная Зора-

ида теперь находится въ кабинетѣ Императора.“ — Иду, отвѣчалъ Козру съ улыбкою негодованія: но Зораида не изгладилась въ моемъ сердцѣ образа Симы. — Сказавши это, пошелъ за Насуфомъ. Начальникъ спраши думалъ, что Принцъ въ самомъ дѣлѣ увидитъ дочь Шекурову, но ошибался; женщины, подобно Полишикамъ, рѣдко удостоиваютъ полною довѣренностью, и всегда что-нибудь оспариваютъ для себя. Нурмагала не сочла нужнымъ открыть Насуфу, что она сама подъ именемъ Зораиды явится Принцу. Хищность сія выдуманна для того, чтобы наказати Козру, копорой нескромно отзывался о Султаншѣ и о дочери Шекуровой. Чипатель припомнилъ слова Принца, сказавшаго, что не хочетъ имѣти Зораиды ниже своею невольницею, хотя бы она красою равнялась съ Нурмагалою.

Благодѣтельная, великодушная Нурмагала не забыла сего оскорбительнаго отзыва, и рѣшилась отомстить за свою любимицу. Ни государственныя дѣла, ни счастье, ни слава, не могли отвлечь ея отъ сей мысли. Безпристрастный повѣствователь обязанъ открыть свѣту слабость Нурмагалы: но прежде, нежели спянемъ осуждать ее, посмотримъ, какъ она отомстила.

Насуфъ оставилъ Принца у дверей кабинета и удалился, предупредивъ его, что сквозь стеклянную дверь, завѣшенную флеромъ, онъ увидитъ Зоранду, которой вѣрно здѣсь дожидаться Султанши. Козру заключилъ, что ему хотѣтъ показать дочь Шекурову, не сказавши о томъ ей ни слова. Принцъ стоялъ въ темномъ мѣстѣ, въ которое проходилъ евѣпъ изъ кабинета. Приблизясь къ стеклянной двери и заглянувши въ кабинетъ, онъ увидѣлъ лежащую на столѣ люпню. Ожиданіе казалось для него несноснымъ; онъ нетерпѣливо хотѣлъ взглянуть на Зоранду, и поскорѣе уйти. Нетерпѣливость усиливалась въ немъ безпрестано болѣе; разные мысли производили въ немъ какое-то движеніе. Имѣя двадцать четыре года отъ роду, можно ли съ равнодушіемъ ожидать появленія молодой красавицы! „Надобно, чтобы она въ самомъ дѣлѣ была прекрасна — думалъ Козру: иначе не заставила бы меня дожидаться ее. . . Можеть быть, ей извѣстно, что я говорилъ о ней съ презрѣніемъ. . . . Чувствую, что, смотря на нее, долженъ буду терзаться, если она въ самомъ дѣлѣ прекрасна. . .“ Сии размышленія еще болѣе смущали Принца. . . . Послышался легкой шумъ; Козру пререпещеиъ и смотрииъ съ живѣйшимъ любо-

пышномъ ; отворяется дверь ; Африканская невольница входитъ въ кабинетъ ; и приготавливаетъ подушки въ разстояніи весьма не далеко отъ Принца ; спустя минуту , является Нурмагала ; Козру , взглянувъ на нее , каменѣетъ отъ изумленія . Онъ никогда не видалъ красоты столь разительной , правильной , совершенной

Императрица села на подушкахъ , съ видомъ печальнымъ и не говоря ни слова . Черезъ нѣсколько минутъ она сказала : „Карисса ! знаешь ли , для чего Султаншѣ угодно , чтобы я здѣсь ожидала ее ?“ — Не знаю ; отвѣчала невольница : Нурмагала иногда бываетъ очень своенравна ; мнѣ сказывали , что вы долго будете дожидаться ее , и что она совсѣмъ не придетъ сюда . Не хотите ли поиграть на лютнѣ для прогнанія скуки ? — Говоря послѣднія слова , Карисса подала лютню Нурмагалѣ , которая , принявъ съ видомъ нехотѣнія , сказала : „Ахъ , Карисса ! къ чему служатъ мнѣ суешные таланты ?“ — Къ чему ? чтобы восхищать всѣхъ , которые знаютъ васъ . . . — „Они не защищали меня отъ несноснѣйшей обиды !“ — Но Принцъ , о которомъ вы часто говорите , никогда не видалъ васъ . . . — „Все , что ни слышалъ онъ обо мнѣ хорошаго , родило

въ немъ ненависть и презрѣніе, между
 нами какъ я знаю его только по слуху,
 и . . .“ — Нурмагала не докончила, поло-
 жила прекрасныя ручки на глаза свои. . .
 поплѣмъ; взявъ люпню, сказала: „забудемъ
 его, или по крайней мѣрѣ удалимъ ошъ
 себя, если можно, жестокую мысль. . .“
 и заиграла съ искусствомъ неизбъяснимымъ,
 соединяя мелодической голосъ свой со зву-
 комъ орудія. Окончивъ пѣсню, положила
 люпню на столъ, вздохнула изъ глубины
 сердца, и сказала: „Музыка питаетъ мою
 здумчивость.“ — Утѣшясь, прекрасная
 Зораида — отвѣчала Карисса: развѣ ты
 сомнѣваешься, что, пользуясь особливимъ
 благоволеніемъ Сулпани, удобно найдешь
 себѣ достойнаго супруга? . . . — „Нѣтъ!
 навсегда опречаюсь ошъ узъ брачныхъ. . .“ —
 Можно ли! въ такихъ лѣпахъ! съ таки-
 ми прелестями! — „Ахъ, Карисса! не
 говори о моихъ прелестяхъ, не хвали бѣд-
 ной Зораиды! . . . Не мнѣ похвалы при-
 личны, но Симѣ, счастливой дочери Фа-
 зелькановой. . .“ — Сима не имѣетъ ва-
 шихъ дарованій, вашего ума, вашихъ
 прелестей. . . — „Она имѣетъ все: ее
 любятъ. . . Козру обожаютъ ее, а меня
 ненавидитъ. . .“ — Едва Нурмагала произ-
 несла послѣднія слова, какъ Принцъ игно-
 венно очутился у ногъ ея. Императрица,

принимаясь до крайности изумленною, хотела уйти. Козру удержалъ ее. Упленный любовью, благодарностию и удивленіемъ, онъ изобразилъ нежнѣйшими словами просьбу свою; поклялся, что обожаетъ Зораиду, и что она одна будетъ его супругою. Яркій огонь блеснулъ въ прекрасныхъ очахъ Мурмагалы. . . Сей примѣръ былъ для нее милѣе всѣхъ подвиговъ, ознаменовавшихъ день царствованія. Правда, не величіе, не могущество доставили ей ея наслажденіе; но побѣда, одержанная красою, всегда пріятна для женскаго самолюбія.

„Такъ! — вскричалъ Козру: такъ, предестная Зораида! не обвиняй меня въ невѣрности; ты будешь моею супругою. Тотъ знаетъ ли любовь, кто не видалъ очей твоихъ, не слыжалъ голоса твоихъ устъ? . . . Но я не хочу женишься по принужденію. На требованія Императора спаву отвѣчать, что человеку, лишенному свободы гражданской, не прилично открывать душевныя чувства. Я объявлю ихъ въ то время, когда получу свободу, и ты узнаешь мое сердце, увѣришься въ нежной страсти, которая въ немъ пламенѣетъ. Зораида! не пощажу никакиъ усилийъ для достиженія счастья обладать тобою. . .“ — Принцъ! я надѣюсь на благо-

склонность Султанши... — „На нее не льзя полагаться. . . . Нурмагала женщина лукавая. . . .“ — Не спорю, что она не совсемъ простосердечна, однакожъ. . . — „Я очень хорошо знаю душу ея; она не обманетъ меня. . . .“ — И вы увѣрены? . . . — „О! весьма увѣренъ. Сперва она казалась мнѣ самою доброю; я воображалъ ее такою, какою нынѣ себя вижу, и ошибался! . . . Она моя непріятельница. . . . Правда, я самъ подалъ ей поводъ ненавидѣть меня.“ — Она была недовольна вами, но совсѣмъ не помышляла о ненависти, и теперь прощаетъ васъ. . . — „Какъ!“ — Развѣ вы не знаете, что сердце женщины неизъяснимо? . . . Увѣряю васъ, что Нурмагала сама не въ состояніи дать отчетъ въ своихъ чувствованіяхъ. . . . — „Нѣтъ, нѣтъ! она отъ гордости и честолюбія ненавидитъ меня; будь увѣрена, что Нурмагала рада бы погубить меня, еслибъ это зависѣло отъ ея воли. Но по счастью, говорятъ, что довѣріе Государя къ Султаншѣ часъ отъ часу слабѣетъ. . . .“ — Это говорятъ ваши льстецы. . . — На семь мѣснѣ разговоръ прерванъ шумомъ, которой вдали слышался. Нурмагала убѣдительно просила Козру удалиться, а чшобы скорѣе прибудить его къ юму, сама ушла съ

Кариссою во внутреннія комнаты. Насуфъ явился, и опвелъ Принца на прежнее мѣсто. Была полночь. Нурмагала, не желая дремать на престолахъ, не ложилась спать, но снова занялась чтеніемъ прошеній и записокъ, и провела ночь въ благотворительныхъ упражненіяхъ. Въ пять часовъ по утру она приказала позвать къ себѣ друзей своихъ; послѣ подвиговъ споль полезныхъ и знаменитыхъ ей думалось, что имѣетъ право нѣсколько минутъ раздѣлиться съ друзьями. Нурмагала, обратясь къ нимъ, произнесла слѣдующее: „Не могу совершенно насладиться удовольствіемъ самодержавія, если вы не будете участниками въ моемъ благополучіи. Объявите мнѣ свои нужды. Но прошу васъ ничего не упоминать о непріятеляхъ; не хочу слышать, о вашихъ ссорахъ . . . Не пребуйте опъ меня никакой несправедливости; говорите съ полною довѣренностію и чистосердечіемъ, и надѣюсь, что получите желаемое.

Время было дорого; нѣкогда было прихвораешься и выдумывать; ложная умѣренность, хитрое смиреніе ни къ чему не послужили бы. Просишеля должны спвокали объявить требованія свои такимъ образомъ, какъ при Дворахъ никогда не бываетъ, то есть говорили корошко и опкро-

венно, изъяснились безъ околичностей и обнаружили все свое честолобіе.

Нурмагала крайне удивилась, слыша языкъ необыкновенный, совсѣмъ не похожій на шопъ, къ которому привыкла; она однихъ склонила ограничить требованія, другихъ убѣдила оставить лишнія шпѣи; но все это сдѣлано съ такимъ добродушіемъ, что никто не имѣлъ причины досадовать, и всѣ были довольны.

Въ семь часовъ Императрица вошла въ залу аудіенціи, и возсѣла на престолѣ. Между шпѣи Насуфъ, по ея приказанію, явился у Принца Козру, и увѣдомилъ его о важномъ происшествіи, при Дворѣ случившемся — „Я погибъ! вскричалъ Принцъ: Нурмагалъ остается царствовать еще цѣлой часъ... Зораида прекрасна, но я не могу быть подлымъ до того, чтобы, боясь угрозъ, жениться на любимицѣ Нурмагалы. Нѣтъ! страхъ не принудитъ меня изъ угожденія непріятельницѣ согласиться на то, въ чемъ по безразсудству отказалъ я моему родителю...“ Вы отказали по тому, что еще не знали прекрасной Зораиды... — „Правда... но Нурмагала подумаетъ, что я, спрощаясь ее, соглашаюсь жениться. Опъ нее зависитъ погубить меня; но не въ ея волѣ поколебать твердость души моей...“ —

Императрица желаетъ васъ видѣть . . .
 „Пойдемъ ; изъявлю ей все мое презрѣнiе,
 потомъ умру спокойно“ Сказавши
 это, Принцъ вышелъ. Проходя комнаты
 во Дворцѣ, онъ увидѣлъ Фазелькана, ко-
 шораго вели въ залу аудiенцiи. Козру,
 вспомнивъ о Симѣ, вскричалъ съ живѣй-
 шимъ чувствомъ: „Любезный Фазельканъ!
 гдѣ дочь твоя?“ — Увы! опечалъ вели-
 можа : уже двадцать четыре часа находи-
 ся она во власти Султанши. Кто знаетъ,
 какое мщенiе ожидаетъ ее! — „Несчастливая
 Сима! прервалъ Козру : жестокая Нурма-
 гала . . .“ — Спража понуждала Принца
 идти скорѣе. Терзаемый досадсю, печалью
 и гордоснiю, онъ входя въ залу, и
 приближаясь къ престолу Императрицы.
 Какъ велико было его удивленiе, когда въ
 лицѣ Нурмагалы онъ узналъ мнимую Зо-
 ранду, и увидѣлъ Симу, сѣдящую у под-
 ножiя престола! Гордый Козру блѣднѣетъ
 и трепещетъ . . . Императрица, притво-
 рясь, будто не замѣчаетъ смятенiя на
 лицѣ Козру, проситъ его подойти ближе,
 подаетъ ему саблю, украшенную драгоцен-
 ными камнями, и произноситъ : „Даро-
 вать тебѣ оружiе и свободу значитъ воз-
 вратить Славѣ ея любимаго ; прими избъ-
 рукъ Нурмагалы супругу, избранную по-
 бою . . . Фазельканъ и всѣ друзья твои

свободны; имъ возвращены прежнія досто-
инства” — Радостныя восклицанія
раздались подъ сводами залы. Козру, пре-
клонивъ колѣно, сказалъ: „О Нурмагала!
ты *всѣмъ* побѣдила меня Узникъ
твой вѣчно не забудетъ ни твоего *мще-
нїя*, ни твоихъ благодѣяній Не льзя
не обожать тебя, подъ какимъ видомъ
ты ни являешься Кто не покорится
такимъ прелестямъ, украшеннымъ бле-
стящими дарованіями и великими свой-
ствами душевными!” — Фазельканъ и
Сима упали къ ногамъ Нурмагалы; она
подняла ихъ, обняла Симу и оппустила
все собраніе. Приблизился конецъ царство-
ванія; было семь часовъ съ половиною
Императрица велѣла позвать Жеангира,
которой немедленно явился предъ Самодер-
жицею обширной Монархіи. Нурмагала, по-
давая своему супругу бумагу, сказала:
„вошъ, Государь! мирной договоръ, заклю-
ченный съ Персіею на условіяхъ, весьма
выгодныхъ для Имперіи.“ Она въ корот-
кихъ словахъ увѣдомила его о своемъ вра-
вленіи, и о томъ, какъ поступлено съ Прин-
цѣмъ, не упоминая о мщеніи (выше замѣ-
чено, что женщины не *все* рассказыва-
ютъ). Императоръ слушалъ и удивлялся.
Громъ барабановъ и кимваловъ возвѣстилъ
конецъ царствованія Нурмагада сошла

съ престола, и упала къ ногамъ Императора. Въ сію минушу раздались голоса безчисленнаго множества народа, собравшагося передъ чертогами: „Да здравствуетъ Нурмагала, наша благодѣтельница! да здравствуютъ Нурмагала и Жеангирь! да будутъ счастливы во вѣки!“ — Исполню желаніе народа благодарнаго — сказалъ Жеангирь: раздѣлю съ тобою престола, которой ты занимала для блага моихъ подданныхъ... — „Нѣтъ, Государь! отвѣчала Султанша: чѣмбы не помрачить славы своей, мнѣ надлежало бы всю жизнь провести подобно дню протекшему; женщина по слабости силъ своихъ не можетъ этого сдѣлать. Равнодушно возвращаю тебѣ власть самодержавную; я насладились ею, сдѣлала добро, приобрѣла любовь народную, и мое имя не погибнетъ во вѣки. Въ двадцать четыре часа я достигла того, что получается долговременными, неусыпными трудами; развѣ сего для меня не довольно?“

Нурмагала говорила чисто сердечно; и устояла въ своей рѣшимости. День кончился торжественнымъ бракосочетаніемъ Козру съ Симою, а Персидскаго Князя съ Зорандою. Жеангирь съ радостию подтвердилъ все, что Императрица начала въ свое царствованіе. Нурмагала навсегда

заклучилась въ сералѣ, не мѣшалась въ дѣла государственныя, не имѣла непріятелей, не чувствовала огорченій, наслаждалась удовольствіями дружбы, любила Науки и Художества, и до конца жизни хранила свою славу.

(Съ Франц)

II.

О путешествіи Джона Барроа въ Китай.

Вообще сочиненія Г-на Баррова въ Англіи принимаются съ опличною похвалою. Его *Путешествіе въ Китай* скоро будетъ напечатано вторымъ изданіемъ. Публика не терпѣливо ожидаетъ и другихъ сочиненій, написанныхъ симъ Авторомъ, какъ - то: *Путешествія въ Южную Америку и Извѣстія о Мадерѣ, Островахъ Зеленаго мыса, Бразиліи и Кохинхинѣ*, которыя онъ намѣревался издашь въ свѣтъ въ скоромъ времени. Займемъ теперь вниманіе нашихъ читателей нѣкоторыми замѣчаніями о Китаѣ, какъ обѣщано было въ одномъ изъ прежнихъ Нумеровъ Вѣстника Европы (*).

(*) См. Вѣстн. Евр. Нумеръ 15 й стр. 195
№ 22. 6

Книгу, о которой здѣсь говорится, не должно смѣшивать съ извѣстнымъ, переведеннымъ уже на Россійской языкъ, *Путешествіемъ въ Китай и Татарію Лорда Макартнея, Англійскаго Посланника*. Сочиненіе Джона Баррова, находившагося при Посольствѣ въ качествѣ Астронома и Механика, есть дополненіе къ упомянутому путешествію; оно переведено уже на Французской и Нѣмецкой языки.

Ни одинъ древній Писатель не упоминаетъ о Китайской Имперіи, Гомеръ не говоритъ о ней ни слова. Кажется, что и Геродотъ ничего не зналъ о ней, хотя по соображенію можно почитать отца Греческой Исторіи современникомъ Конфуція, законодателя Китайскаго. Имѣемъ причины думать, что Грекамъ неизвѣстно было имя Китайцевъ во время завоеванія Персіи Александромъ Македонскимъ. Чему приписать сіе общоупущеніе? Тому ли, что Китайцы не входятъ ни въ какія связи съ другими народами? Однакожь, ихъ опроверженіе отъ сихъ связей, какъ впрочемъ оно ни велико, не препятствовало бы славу ихъ разпространиться въ Персіи, а пономъ въ самой Греціи, еслибъ Китай въ то время былъ такою сильною и благоустроенною Имперіею, какою онъ есть нынѣ. Отъ того ли Персы

не знали о Китайцах, что просвѣщен-
ные Индійцы, не позволяя разпространяль-
ся ихъ завоеваніямъ на воспокѣ, прину-
ждали ихъ обращать оружіе свое къ запа-
ду? Если это такъ было, то Персы
смѣшивали Китайцевъ съ другими народа-
ми, обитавшими по берегамъ восточнаго
Океана. Впрочемъ, это есть одна только
догадка, и древность Китая до сихъ поръ
ясно не доказана.

Почти всѣ думаютъ, что *Серы* (Seres),
одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ, суть не
иное что, какъ Китайцы. Сіе мнѣніе
нѣмъ доказывается, что Серы жили на
воспокѣ, и что Римляне, получивъ отъ
нихъ шелкъ, назвали его *sericum*. Но шелкъ,
привезенный въ Римъ, вѣроятно взявъ
былъ въ Индіи или въ Персіи, и ни по
чему не лзя думать, будто купцы за-
дѣли въ самой Китай; иначе древніе Пи-
сатели знали бы разность между шелкомъ
и хлопчатною бумагою, и не принимали
бы одного за другое.

Извѣстно, что Іудеи прежде всѣхъ
познакомились съ Китаемъ. Скоро послѣ
похода Александра, они поселили въ сей
Имперіи колонію, которая и теперь соснав-
ляется особой классъ народа, не смотря на
то, что, кромѣ Раввиновъ, немногіе коло-
нисны разумѣютъ по Еврейски. Нѣкто-

рые изъ нихъ опререкающа отъ закона Моисеева и достигающа до знашихъ степеней въ Государствѣ.

Послѣ Иудеевъ, въ Китаѣ поселились Жрецы Буддги, извѣстные подъ именемъ Фое, около 60 го года по Р. Х. Они пришли въ Китай по приглашенію одного Императора, которой посылалъ отъ себя вызывать ихъ изъ области Индійской, сопредѣльной Тибету. Жрецы Буддги усилъ распространить въ Китаѣ свою вѣру, и теперь извѣстную въ сей Имперіи.

Въ семомъ столѣтіи нѣсколько Христіанъ Неспоріянскаго исповѣданія пришли въ Китай изъ Индіи. Прѣвительство першло ихъ не долго; они начали склонять народъ къ отступленію отъ вѣры отечественной, были гонимы, попомъ изпреблены.

Въ началѣ шнадцатаго вѣка, когда Ченгисъ - Ханъ завоевалъ Китай, многе Христіане Греческаго исповѣданія вошли въ Имперію съ войскомъ побѣдителя, и черезъ нѣсколько времени построили церковь свою въ самомъ Пекинѣ. Покореніе Китая Монголами, подъ предводительствомъ упомянутого Хана, не надлежитъ считать пагубнымъ для просвѣщенія природныхъ жителей. Кромя Христіанъ, въ Танаарскомъ войскѣ находились ученые

люди изъ Балка и Самарканды, которые исправили календарь Кишайскій и Астрономію. Привезены инструменты для наблюденія шѣлъ небесныхъ; учреждено сообщеніе между провинціями сѣверными и южными, посредствомъ канала, называемаго Императорскимъ, коюрой можно считать однимъ изъ лучшихъ произведеній ума и рукъ человеческихъ, когда-либо сдѣланныхъ для пользы общества.

Въ сіе время славный Венеціанскій путешественникъ Маркъ-Павелъ посѣщалъ Коблай - Хана, царствовавшего въ Кишаѣ подъ именемъ Ши - Тсу. Маркъ - Павелъ, по возвращеніи въ Европу, первый описалъ сію Имперію. Въ его сочиненіи все казалось чудеснымъ какъ вразсужденіи пышности, такъ и по числу жителей, коюрыхъ онъ считалъ милліонами, и отъ того прослылъ Signor Marco Millione.

Татары Монгольскіе черезъ годъ лишились своихъ завоеваній; но въ 1644 мѣ году они получили ихъ обратно, и до сихъ поръ удержали за собою. Въ продолженіе перваго господствованія Татаръ, многіе Арабы Магометанскаго исповѣданія прѣѣхали въ Кишай, завели тамъ торговлю, и оказали услуги Астрономіи, въ кою-

рой и теперь еще Китайцы почитаются совершенными невѣждами.

Въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія многіе Каполическіе Миссіонеры, Іезуитскаго ордена, отправились на воспокъ Францискъ Ксавіеръ, причтенный потомъ къ лику Святыхъ, прѣхалъ на островъ Самъ - Шамъ, лежащій не далеко отъ береговъ Китайскихъ, гдѣ въ 1552мъ году умеръ. По открытіи мыса Доброй Надежды, когда нашли легчайшій путь въ Индію, великое множество Іезуитскихъ Миссіонеровъ, изъ ревности къ вѣрѣ и любви къ наукамъ, отправилось въ Китай. Они скоро пріобрѣли себѣ уваженіе своими дарованіями и услугами; Императоры допустили ихъ въ общество Магематиковъ для пособія въ Астрономическихъ вычисленіяхъ и въ Механическихъ искусствахъ. По прибытіи въ Пекинъ монаховъ Доминиканскихъ и Францисканскихъ, зависть родила вражду между Орденами: Іезуитовъ укрѣяли въ томъ, что они обращаемымъ къ Каполической Религійи дозволяли разныя суевѣрїя Китайскія, какъ-то почитаніе мертвыхъ, и тому подобное. Ссора закипѣла; Доминикане и Францискане описали въ Европу, и получили отъ Папы Буллу, въ которой содержалось строгое повелѣніе Китайскимъ Христіянамъ от-

казаться опъ обрядовъ, прошивныхъ Ка-
 толическому православію. Тогда Импера-
 торъ призналъ нужнымъ у пошребить
 власнъ свою, и запретилъ проповѣдывать
 Христіянскую вѣру въ Кипайской Импе-
 ріи. Миссіонерамъ велѣно выѣхать за гра-
 ницу; однихъ заключили въ шюрьмы, дру-
 гихъ казнили смертію. Въ Пекинѣ оста-
 лись только шѣ, копорые нужны были
 для Аспрономіи и календаря. Не смонпря
 на спрогія запрещенія, Миссіонеры опъ
 времени до времени появляются въ Кипаѣ.
 Лордъ Макаришей доставилъ случаѣ
 выѣхать многимъ Миссіонерамъ, и между
 прочими одному молодому человѣку, копо-
 рой въ качествѣ ученика славнаго Фран-
 цузскаго Аспронома Лаланда обратилъ на
 себя особое вниманіе.

Неоспорожное поведеніе Христіянскихъ
 Миссіонеровъ въ Кипаѣ много помѣшало
 собранъ свѣдѣнія о внутренности сей
 Имперіи, о нравахъ и обычаяхъ жителей. Въ
 проспранныхъ помахъ, Миссіонерами напи-
 санныхъ, встрѣчающся темныя мѣста,
 прошивурѣчія и увеличенія, требующія
 поправокъ; безъ путешеспвій Англичанъ и
 Голландцевъ, мы и теперь еще смонрѣли
 бы глазами господъ Миссіонеровъ, но еснъ
 имѣли бы весьма не шочное свѣдѣніе
 Кипайской Имперіи.

Посольство Лорда Макартнея открыло Европѣ гордость, деспотизмъ и коварство Китайскаго правительства. Описанія, сдѣланныя Стантономъ (*) и Барровымъ, содержатъ въ себѣ подробныя извѣстія о множествѣ достоверныхъ событій; положась на оныя, можемъ составить основательное понятіе о необыкновенномъ народѣ, котораго нравственное образованіе ни мало не соотвѣтствуетъ его древности и обширности земель, находящихся въ его владѣніи.

Китайцы нигдѣ не заводили своихъ колоній; ни одинъ народъ не обязанъ имъ введеніемъ полезныхъ искусствъ и поснано-вленій; ничего не извѣстно объ ихъ началѣ, и все написанное о семъ предметѣ основано на догадкахъ, весьма невѣрныхъ. Г. Барровъ по возможности старался объяснить ихъ происхожденіе — и ничего не доказалъ. Однородство Талпаръ съ Китаичами подтверждается смежностію ихъ земель; но никакой памятникъ не оправдываетъ сей догадки. Можетъ быть, со временемъ отъ-

(*) Сиръ Говеръ Стантонъ есть Авторъ Путешествія въ Талпарію и Китай Лорда Макартнея, которое, какъ выше сказано, переведено на Россійской языкъ А. Палицынымъ.

щутъ общее начало Азійскихъ народовъ , которые въ продолженіе многихъ вѣковъ живутъ на одномъ мѣстѣ , сохраняютъ старинные свои обычай и нравы первобытные. Ученыя общества занялись сими изслѣдованіями , весьма любопытными для всего человѣчества , попому что цѣль ихъ есть Генеалогія и Исторія человѣческаго рода.

Догадки Г-на Баррова о путешествіяхъ Кишайцевъ въ сѣверозападную Америку , о Кйшайской колоніи въ Бразиліи, въ землѣ Каффровъ и другихъ обласпяхъ , не могутъ служить основаніемъ для совершенной увѣренности и для Системы о началѣ сихъ народовъ ; за то любопытныя наблюденія и замѣчанія , историческія событія , благочиніе , управленіе , торговля , Полицика , искусства суть предметы , которые дѣлаютъ сочиненіе ученаго путешественника книгою пріятнѣйшею и полезнѣйшею.

Авторъ не ограничился простымъ повѣствованіемъ о происшествіяхъ или обычаяхъ ; онъ показываетъ ошибки другихъ Писателей , оставившихъ намъ сочиненія свои о злоупотребленіи домашнихъ законовъ , о многоженствѣ , о невольничествѣ женщинъ , о придворныхъ обыкновеніяхъ , объ униженномъ состояніи Китайскихъ подданныхъ , о хитрости ихъ и про-

нырствѣ , о неуваженіи личной свободы и гражданской независимости. Судя по тому, въ какомъ невѣжествѣ пребываютъ Китайцы, читатель заключаетъ, что Авторы много лишняго написали о степени нравственнаго образованія сей націи.

Изъ всѣхъ пороковъ, дозволяемыхъ Китайскими законами, нѣтъ ненавистнѣе дѣшубійства. Никакъ не лъзя согласишь сего гнуснаго обыкновенія съ суевѣрнымъ почипаніемъ стариковъ и съ благоговѣніемъ, оказываемымъ памяти умершихъ предковъ: это есть одна изъ тѣхъ несообразныхъ противностей, копорымъ примѣровъ множество видимъ въ сей Имперіи.

Г. Барровъ свидѣтельствуетъ, что дѣшубійство нѣкопорымъ образомъ ободряется отъ самаго правительства; ибо гдѣ Государь не старается предупреждать злодѣянія, тамъ, можно сказать, самъ онъ покровительствуетъ онымъ.

Обыкновеніе дозволяетъ Китайцамъ бросать всѣхъ дочерей своихъ и прельяго сына. Сіе нечестивое оприновеніе исполняется во всей Имперіи, и такъ обыкновенно въ Пекинѣ, что городская полиція имѣетъ обязанность ежедневно по улицамъ посылать команды съ пелѣгами, на которыя кладутъ дѣшей, выброшенныхъ ночью на улицу, ни мало не забываясь, что

ихъ: родилели. Сихъ младенцевъ вывозяшъ за городъ и бросаюшъ на живодерни. Каполическіе Миссіонеры, продолжаяшъ Авшоръ, считаюшъ для себя должностію посѣщать сіи мѣста, и подбирашъ дѣтей, копорыя кажутся здоровѣе и милѣе; потомъ совершаюшъ надъ ними тайнство крещенія.

Не лъзя опредѣлишъ съ точностію, сколько дѣтей въ Китаѣ ежегодно бросаюшъ на живодерни и зарываюшъ живыхъ; Авшоры пишущъ о семъ различно. Г. Барровъ замѣчаетъ, что число сихъ младенцевъ ежедневно простирается до двадцати четырехъ, что составишъ въ годъ девять тысячъ. Въмъ народъ, копораго законы, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ Европѣ почипались образцовыми опъ слѣпыхъ заплѣщиковъ, и почипались по тому только, что Китайцы сывущъ искусными земледѣльцами и не имбюшъ никакой Религіи.

Смощря на поступки и обычаи Китайцевъ, можно въ самомъ дѣлѣ подумашъ, что у нихъ нѣтъ никакой Религіи. Но точно ли въ Китаѣ процвѣщаетъ земледѣліе? Это предразсудокъ, ясно доказанный Г-нѣ Барровымъ, копорой описываешъ ихъ земледѣльческія методы. Какъ полагаешъ, чтобы земледѣліе процвѣшало въ сей Имперіи, гдѣ около рѣкъ и каналовъ

живетъ безчисленное множество народа, и въ водѣ ищеть себѣ пищи? Путешественники, находившіеся при посольствѣ, увѣряютъ, что многочислѣннѣйшія селенія находятся только при каналахъ, рѣчкахъ и озерахъ. Если бы внутреннія области были воздѣлываемы, то за чѣмъ селиться надъ рѣками? Сверхъ того Г. Барровъ находилъ проспанная земли впускъ лежащія и покрытыя болотами. Весьма естественно думать, что народъ лѣнивый, не одушевленный любовью къ независимости и собственности, охотнѣе живетъ надъ водою и занимается рыбною ловлею, нежели воздѣлываетъ землю.

Кто со вниманіемъ спанетъ читаетъ любопытное сочиненіе Г-на Баррова, отличающееся разборчивою критикою и благо-разумною свободою въ мысляхъ, то увидитъ, что многіе Писатели слишкомъ увеличивали населеніе Кипая. Не лзя спаться, чтобы на 144,000 кв. квадрат-ныхъ миль помѣщалось 555 милліона жителей, потому что въ такомъ случаѣ на каждую милю выходило бы по 2586 человекъ — а это не возможно.

Успѣхи въ нѣкоторыхъ искусствахъ и полезныя заведенія распространились въ Кипай не прежде эпохи Ташарскаго завоеванія. Прекрасной каналъ Императорскій

есть дѣло трудолюбія и догадливости побѣдителей. Онъ облегчаетъ способы сообщенія въ сей обширной Имперіи. Трудно понять, какимъ образомъ прежде доставляемы были товары и съѣстные припасы изъ одной провинціи въ другую; ибо сухопутной перевозъ весьма неудобенъ въ семъ Государствѣ. Впрочемъ можно думать, что въ такой землѣ, гдѣ одна половина людей возитъ и носитъ другую, не заботясь о своемъ соспоянніи, руки и плеча замѣняли сей недоспашокъ. — Множество каналовъ служитъ не для одного только сообщенія по торговымъ связямъ между жителями; главное назначеніе ихъ естъ облегчать доставленіе казенныхъ податей, собираемыхъ съ жителей натурою, какъ — то хлѣбомъ, сарачинскимъ пшеномъ, просомъ, шелкомъ и проч.

Постараемся напечатать въ Вѣстникѣ еще нѣкоторыя любопытныя извѣстія о семъ народѣ. Ученые Россіяне, отправившіеся съ Посольствомъ въ Китай, опишутъ намъ, что пропущено иностранными Авпорами; между пѣмъ спанемъ пользовались голповымъ запасомъ.

Цыганская пляска (*).

Возьми Египтянка гитару,
 Ударь по струнамъ, восклицай,
 Исполнясь сладострастна жару,
 Твоей всѣхъ пляской восхищай.

Жги души, огонь бросай въ сердца
 Отъ смуглаго лица.

Неистово, роскошно чувство,
 Нервъ трепетъ, мѣнѣе любви,
 Волшебное заразъ искусство
 Бакханокъ древнихъ оживи.

Жги души, огонь бросай въ сердца
 Отъ смуглаго лица.

Какъ ночь, — съ ланитъ сверкай зарями,
 Какъ вихерь, — прахъ плащомъ смѣшай,
 Какъ птица, — подлешай крылами
 И въ длани съ визгомъ ударяй.

Жги души, огонь бросай въ сердца
 Отъ смуглаго лица.

Подъ лѣсомъ ноцію сосновымъ
 При блескѣ блѣдныя луны
 Топоча по доскамъ гробовымъ,
 Буди сонъ мертвой пишины.

(*) Это относится къ стихамъ, напечатаннымъ въ 19 мѣ Нум. Вѣст. Евр. на стран. 202 й.

Жги души , огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Да вопль твой , Евоа ! ужасный ,
Вдали мѣшаясь съ воємъ псовъ ,
Хонъ льетъ повсюду гулы страшны ,
Но сластолюбю — любовь.

Жги души , огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Нѣтъ ! стой , прелестница ! довольно ,
Музъ скромныхъ больше не страши ;
Но плавно , важно , благородно
Какъ Русска дѣва попляши.

Жги души , огонь бросай въ сердца —
И въ нѣжнаго Пѣвца.

Д — нѣ.

IV.

Осенняя прогулка (*).

И осенью я люблю бродить по лугамъ
и роцамъ. Шумный вѣтеръ , поблекшіе ,
падающіе листья , унылое колебаніе соснъ ,
для меня пріятны ; можетъ быть опъ

(*) Издатель надѣется , что благомыслящіе
Читатели раздѣлятъ съ Авторомъ его
чувствованія и отдадутъ справедливую
похвалу благородному поступку питомцевъ
Московскаго Университета.

того, что уже настала осень моей жизни. Исчезли мечты и радости; сердце мое не бьется по прежнему — я охладѣлъ для удовольствій.

Человѣкъ печальной ищетъ со всѣми раздѣливъ свою горестъ, во всѣхъ предметахъ хочетъ найти друзей, утѣшителей — и находитъ ихъ. Мракъ и ужасъ ему любезны. Я люблю продираюсь сквозь чащу кустовъ, взлѣзаю на крутыя горы, и слушаю оттуда свистъ вѣтра, стукъ вертящейся мельницы, отдаленный стонъ колокола, уныло возвращающаго быстрое разрушеніе: вотъ музыка, усладительная для моего сердца. Я всегда бываю доволенъ своею прогулкою.

Сентября 8 дня нынѣшняго года, по обыкновенію своему пошелъ я гулять за городъ. Маршина роща была предметомъ моей прогулки. Пріятные перелѣсочки, разнообразно и нечаянно встрѣчающіеся, заманивали меня далѣе и далѣе. Я не хотѣлъ возвращаться обыкновенною дорогою; шелъ по густою лѣса, по маленькою лужайкою; то былъ во мракѣ, то выходилъ на свѣтъ. — Сей безпреспанно измѣняющійся путь казался мнѣ истиннымъ путемъ жизни нашей; и въ то самое время, когда я перебиралъ въ головѣ своей прошедшее, счастье и несча-

спіе, радости и печали — въ то самое время вдали что — но мелькнуло предомною. Я поднялъ глаза на небо — вечеръ былъ тихъ и прекрасенъ — солнце садилось — послѣдній лучъ его спокойно догаралъ на куполъ Святаго Лазаря!... Ушѣшипельная обипель! сказалъ я въ сладкомъ восторгѣ: скоро, скоро въ нѣдрахъ твоихъ зашмылся даже самое воспоминаніе прошедшихъ моихъ гореспей!.. Съ симъ словомъ пошелъ прямо къ могиламъ! Люблю бродить между ними: тамъ бываю ближе всего къ моимъ роднымъ, кошорые оснавили меня; тамъ бываю ближе всего къ самому себѣ — что также можно назвать случайнымъ благомъ на свѣпѣ.

Пробравшись сквозь роцицу, насаженную въ память покойнымъ, въ приддани шагахъ примѣшилъ я передъ собою голубую, чешвероугольную пирамиду. Она отличалась отъ всѣхъ прочихъ не огромностию, но простотою, особенною какою-то пріятностию. Я подошелъ къ ней, и прочиталъ слѣдующую надпись:

Любовь и Дружество сей памятникъ создал
 Надъ прахомъ юнаго любимца своего;
 Онъ и здѣсь ему всѣ блага обѣщали —
 Богъ болѣе хощѣлъ, Богъ взялъ къ Себѣ его.

Какъ сильно строки сіи напечатлѣлись въ душѣ моей! онѣ въ одно мгновеніе оживили въ ней всѣ прошедшія радости. Я былъ молодъ, и у меня были друзья — это чувствованіе не чуждо моему сердцу.

Такое напоминаніе извлекло у меня слезы, самыя пріятнѣйшія. Божусь, я никогда такъ сладко не плакалъ. Любовь и дружество въ молодости! любовь и дружество за гробомъ! — такое постоянство рѣдко въ нынѣшнее время. Почтенная старина, сколько возносимая, не много покажетъ намъ подобныхъ примѣровъ. Но кто этошъ молодой человекъ, кто этошъ счастливецъ, копорой и послѣ смерти заставилъ помнить о себѣ? Посмотримъ:

Подъ симъ камнемъ погребено тѣло Петра Степановича Ильинскаго, Студента Императорскаго Московскаго Университета, умершаго 1805 го года Августа 21 дня, на 23 мѣ году отъ рожденія.

На другой сторонѣ:

Сей памятникъ посвятили лицеи Московскаго Университета покойному своему товарищу.

Прекрасно, прекрасно! — Въ молодыхъ людяхъ сколько чувствительности, сколько признательности! — Какой истинной

Россіянинъ не поплачетъ и не порадуется со мною? — Я знавалъ и знаю Университетскихъ питомцевъ. Они это сдѣлають; они способны къ этому. Живучи въ Петербургѣ, я бывалъ свидѣтелемъ многихъ завидныхъ сценъ: когда кто-нибудь изъ товарищей прѣзжалъ туда — какъ они встрѣчаютъ его! сколько обниманья, поцѣлуевъ! какая радость! они не наговоряясь другъ съ другомъ, какъ братья, какъ друзья самые шаринные! —

При недостаткѣ въ деньгахъ — случай, очень обыкновенной въ Петербургѣ. — всякой изъ нихъ готовъ дѣлаться послѣднимъ. Они тамъ, какъ будто одноземцы въ чужомъ Государствѣ; почитаютъ за стыдъ ожидать, или просить себѣ помощи отъ людей постороннихъ, а особливо отъ знаемыхъ. — То, что называютъ въ Университетскихъ питомцахъ заспѣнчивостью, есть въ самомъ дѣлѣ благородная гордость, а она не любитъ одолжаться тѣми, которые слишкомъ дорого цѣнятъ свои одолженія. Всякому извѣстны: ихъ благородной образъ мыслей и чувствованій, ихъ честность, ихъ опкровенность. Но всего любезнѣе въ нихъ привязанность къ товарищамъ, не охлаждаемая ни лѣтами, ни

отдаленностію мѣстопребыванія, ни разностию состояній.

Вотъ что дѣлаетъ общественное воспитаніе. Одинакія правила, одинакой родъ жизни сближаютъ сердца между собою. Любовь и дружество, какъ необходимая потребность души образованной, первыя открываются въ нашей молодости; чѣмъ живѣе чувствуемъ, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ нераздѣльнѣе соединяемся другъ съ другомъ. Чувство, полученное въ молодости, глубоко врѣзывается въ сердце — и долго живетъ въ немъ. —

По моему мнѣнію, любовь и дружество есть начало всѣхъ общественныхъ добродѣтелей. Человѣкъ, привыкшій по сердцу исполнять обязанности въ маломъ кругу своемъ, будетъ исполнять ихъ и въ большемъ кругу свѣтскомъ. Кто умѣетъ чувствовать чистую сладость любви родственной, любви братской: тотъ безъ сомнѣнія будетъ находить наслажденіе въ любви ко всѣмъ его окружающимъ. Кто привыкалъ въ дѣтствѣ жить не для себя одного; кто не умѣлъ наслаждаться радостію, не раздѣливъ ее съ товарищемъ: тотъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, въ лучшемъ состояніи, если не будетъ благодѣтелемъ, по крайней мѣрѣ не будетъ холоднымъ зрителемъ

несчастій ближняго. — Прибавьте къ тому, опть какого множеснва заразишельныхъ примѣровъ укываепся юношество подь мирнымъ кровомъ общеснвеннаго воспитанія. Молодой человекъ, живучи въ обществѣ друзей своихъ, сходныхъ съ нимъ лѣтами, имѣющихъ съ нимъ одну цѣль, одно честолюбіе, однѣ выгоды, не знаепъ еще цѣны шѣмъ прелестямъ свѣта, за копорыя мы ссоримся, гонимъ другъ друга, лишаемъ самихъ себя покоя. Тамъ онъ чувспвуетъ, что одинъ человекъ самъ по себѣ ничего не значитъ, что взаимная только помощь можетъ возвысипь насъ; тамъ, при общемъ равенствѣ, необходимо узнаепъ онъ, что достоинство наше состоитъ не въ богатствѣ, не въ знатности рода, но въ качеснвахъ ума и сердца. Образовать умъ и сердце: вошъ единспвенная его ревность — вошъ въ чемъ только хочепъ онъ превзойти своихъ товарищей... Какихъ же плодовъ должно ожидать опть того, въ комъ привычкою нѣсколькихъ лѣтъ укорянся сн счастливыя чувспванія. Такъ! юноша, умѣющей любить и быль другомъ, есть вѣрная надежда и подпора своего отечества; онъ не наемникъ корысплюбія, не эгоистъ, вредный для общеснва. Онъ сострадаепъ несчастной бѣдности, защитиптъ угнетенную добро-

дѣшель; онѣ не похожѣ на тѣхѣ, которые не думаютѣ о благѣ людей, если не находятѣ путь собственннхѣ выгодѣ. Онѣ не шотѣ, который только для своего возвышенія ищетѣ себѣ друзей и при первой улыбкѣ счастья забываетѣ ихѣ, губитѣ, если видитѣ, что они могутѣ помѣшать ему. Нѣтъ состраданія безѣ любви, нѣтъ дружелства безѣ вѣрности.

Благородная гордость, справедливость и безкорыстїе: вотѣ отличїя, по которымѣ я зналъ Университетскихѣ питомцевѣ. Пусть онѣ навсегда останутся съ ними!

Правда, въ ихѣ воспитанїи есть что-то, показывающее ихѣ иногда слишкомѣ странными при вступленїи въ общество, иногда затрудняющее имѣ дорогу къ достиженїю такѣ называемаго счастья. Бѣда невеликая! Человѣкѣ образованной скоро можетѣ прїучить себя къ свѣтскому обхожденїю, но свѣтской невѣжда никогда не научится бытъ человекомѣ....

Ночь наступила. Луна крѣпко освѣщала мирное убѣжище безмолвныхѣ. — Все было тихо и покойно вокругѣ меня. Казалось, ни одно насѣкомое не смѣло нарушить священнаго молчанїя. Еще разѣ я обошелѣ вокругѣ пирамиды, еще разѣ прочишалѣ эпитафїю, часто останавливался на дорогѣ и глядѣлъ на пирамиду.

Прости, другъ любезныхъ мнѣ людей! Тотъ споилъ общаго почтенія, кто отъ многихъ заслужилъ любовь и дружбу. Жаль, что я не зналъ тебя здѣсь, молодой, достойной человекъ! Но кого любяшъ сердца чистыя, искреннія, неиспорченныя предрасудками свѣта, незараженныя его корыстололюбивыми выгодами — любяшъ даже и за гробомъ; шопъ испинно добрѣ, любезенѣ, достоинѣ общей любви. — Тамъ я тебя узнаю, молодой человекъ!

Прости! я часто буду посѣщать тебя, достойный другъ достойныхъ друзей! —

К. П. Т.

ПОЛИТИКА.

I.

*Историческія извѣстія о нынѣшнемъ
состояніи торговли и мореплаванія
по Черному морю.*

(Окончаніе.)

Нынѣ сомнѣнія, что торговля съ Персіею можетъ взять направленіе черезъ Таганрогъ, потому что Московскіе купцы отправляютъ товары свои въ Персію черезъ Аспраханъ, и имѣютъ тамъ своихъ комиссіонеровъ, и потому что сей городъ находится въ безпрерывной связи съ Таганрогомъ. Изъ Москвы отпускаются въ Персію черезъ Аспраханъ: канцелярское сѣмя, индиго, сукна, спаль, свинецъ и проч. Аспраханъ посылаетъ: желѣзо, мягкую рухлядь, холстину, и другія Россійскія произведенія. Изъ Персіи получаютъ: шелкъ, бумажная пряжа, жемчугъ, матеріи и проч.

Что касается до торговли съ Индіею черезъ Таганрогъ, то можно считатьъ дорогу сію должайшею и болѣе убыточною, нежели черезъ проливъ Гибралтарскій.

Однакожь она была бы весьма полезна для торговых связей Константинополья съ Индією. Армяне, въ качествѣ агентовъ Константинопольскихъ, могли бы испытать удобность новой дороги, и долгошую ея сравнить съ трудностями, которыми они теперь преодолеваютъ, перевозя свои товары. Известно, что нынѣшній перевозъ подверженъ безчисленнымъ опасностямъ отъ грабительствъ; Индійскія произведенія доставляются на корабляхъ въ Бассору, откуда сухимъ путемъ въ Алеппо, наконецъ уже въ Константинополь. Но гораздо безопаснѣе тѣ же самые товары изъ Индійскихъ городовъ посылать прямо въ Асрабадъ, весьма удобную пристань на Каспійскомъ морѣ. Въ семъ случаѣ опасалось бы еще испытать и развѣдать, выгоднѣе ли сухимъ путемъ отправлять товары въ упомянутую пристань, или водою по примѣру древнихъ, которые плавали вверхъ по рѣкѣ Индусу. Изъ Асрабада надлежало бы посылать въ Астрахань, а оттуда черезъ Таганрогъ въ Константинополь.

Правительство учредило въ Таганрогѣ таможи для ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. Въ 1803 мѣ году пришло туда около двухъ сотъ кораблей купеческихъ.

Въ 1804 мѣ году, съ начала весны до окончанія Іюля мѣсяца, прошло мимо Констанцинополя въ Черное море 200 кораблей подъ различными флагами. Могу безошибочно полагать, что число всѣхъ кораблей, посланныхъ въ приспани сего моря, простиралось до 600. Догадка моя основывается на томъ, что жатва въ Италіи, Испаніи и Франціи была въ семъ году весьма неудачна; напрошивъ того въ южныхъ Россійскихъ провинціяхъ хлѣба родилось много; что торговые города, при Средиземномъ морѣ лежащіе, не зная, каковъ будетъ урожай, сперва не могли рѣшиться посылать корабли за хлѣбомъ, потомъ увидя слѣдствія, принуждены были дѣйствовать съ большимъ усиленіемъ. Богатые магазины приспаней Черноморскихъ и въ 1805 мѣ году надѣляють алчныя приспани Средиземнаго, и предупреждать несчастія, которыя могли бы произойти отъ недостатка и страшной дороговизны. Выгоды отъ торговли по Черному морю столь велики для Государствъ Европейскихъ, что впредь не должно опасаться ужасовъ голода. Вотъ благодѣяніе, которымъ человечество обязано возстановленію торговли по Черному морю.

Мнѣ остается еще сказать, какое вліяніе имѣла на самыя приспани Черно-

морскія, даже на приспани морей Балтійскаго и Средиземнаго, необычайная дѣятельность въ торговлѣ и плаваніи по Черному морю въ 1803 мѣ и 1804 мѣ годахъ; замѣчу и слѣдствія, которыхъ ожидашь должно по всѣмъ вѣроятностямъ.

Россія пріобрѣла слѣдующія выгоды:

- 1.) земледѣліе получило необыкновенные успѣхи какъ въ новыхъ, такъ и въ старыхъ провинціяхъ Имперіи. Пространныя поля, впускѣ лежавшія, нынѣ воздѣлываются. Хлѣбъ продается еще до жатвы за весьма прибыточную цѣну, которая обезпечивается задаткомъ, а по вымолоченіи платится сполна; отъ того хозяева одинъ передъ другимъ стараются обрабатывать поля свои и сдѣлать ихъ плодородными. Рожь, которая прежде годилась только на винокуреніе, нынѣ съ великою выгодною продается за границу.
- 2.) Сумма отпускаемыхъ товаровъ превышаетъ сумму ввозимыхъ; за остатокъ получающіяся наличныя деньги; слѣдственно торговой балансъ Россіи клонится на ея сторону.
- 3.) Курсъ на Россійскіе вексели и ассигнаціи поднялся внѣ Имперіи, потому что ими уплачиваютъ за товары, вывозимые изъ приспани Черноморскихъ.
- 4.) Пошлины, взимаемыя отъ сей торговли, значно увеличили доходъ государственной.
- 5.) Почтовая ка-

зна получила приращеніе оиѣ пересылки писемъ. 6.) Соперничество приспаней Черноморскихъ даетъ способы Россіи дешеваѣ покупать заграничныя произведенія. Со временемъ сія выгода будетъ еще оощишельнѣе. 7.) Между покупателями Россійскихъ товаровъ соперничество часъ оиѣ часу возрастать будетъ, а съ нимъ вмѣстѣ и цѣна товаровъ. 8.) Многіе купцы иностранные построили на свой счетъ корабли; мапрсы и служители на нихъ также суть иностранцы. Сей примѣръ родитъ соревнованіе въ Россіянахъ, копорые постараются зарести свои корабли на Черномъ морѣ, и спвозитъ на нихъ товары въ чужестранныя Государства. 9.) Теперь Россія имѣетъ двѣ большія дороги для вывозу своихъ произведеній: одну на Сѣверѣ, другую на Югѣ. Если Балпійское море будетъ занято войною, въ такомъ случаѣ торговля не пошерпитъ тѣхъ невыгодъ, какія угрожали ей до открьпія плаванія по Черному морю. 10.) Сѣмена благоденствія часъ оиѣ часу болѣе обнаруживаются въ новыхъ городахъ и приспаняхъ. Небо оплодотворило страну сію; со временемъ она не позавидуетъ никакимъ областямъ въ многолюдствѣ, промышленности, изобиліи и выгодахъ жишейскихъ.

Франція одна скорѣе и удобнѣе можетъ тому споспѣшествовать, нежели всѣ другія націи вмѣстѣ. Россія удостовѣрилась бы въ истинѣ сказаннаго, еслибъ не препятствовала тому нынѣшняя война съ Англичанами. Россійское Правительство имѣетъ великую потребность, большую (*), нежели Франція, въ облегченіи сообщенія между обѣими Державами. По сей причинѣ — оба Правительства должны бы какъ возможно скорѣе возобновить торговлю и практъ и уничтожить всѣ препятства къ сообщенію между обѣими націями (**). Россія съ своей стороны уменьшила бы пошлины на Французскія произведенія и въ особенности на вина; дозволила бы свободно ввозить въ Черноморскія пристани передвоенныя воды,

(*) Едва ли не Франція имѣетъ большую нужду въ томъ, нежели Россія. Хлѣбъ нужнѣе вина, которое вообще не есть необходимая потребность для Россіянъ.
Изд.

(**) Жалуйтесь Г. Авторъ на свое правительство, которое ни съ кѣмъ не хочетъ жить въ мирѣ и согласіи. Изд.

равно какъ онѣ ввозятся въ приспани моря Балтійскаго. Франція, безъ всякаго сомнѣнія, отказалась бы отъ двухъ процентовъ, платимыхъ за всѣ Россійскіе товары, привозимые въ Марсель изъ Чернаго моря. Посредствомъ сихъ и другихъ выгодъ взаимныхъ исполнились бы надежды Россіи, къ которымъ подала поводъ необычайная торговля по Черному морю въ 1803 мѣ и 1804 мѣ годахъ.

На войну надлежитъ жаловаться въ томъ, что вывозъ корабельныхъ по потребностей и другихъ вещей былъ совсѣмъ не важенъ. Вывозъ хлѣба отъ того былъ удаченъ, что покупка, доставленіе и продажа производились легче и скорѣе. Но чтобы всѣ сіи отрасли торговли сдѣлались двѣпущими, нуженъ миръ общій и прочный; ибо (на однѣ приготвленія надобно употребить большіе капиталы. Нѣтъ сомнѣнія, что и всѣ прочіе товары, равно какъ хлѣбъ, произвели бы соперничество и соревнованіе. Торговья сношенія сдѣлались бы важнѣе, слѣдственно и самыя приспани.

V.

Дневная записка о вступленіи Французской главной армии въ Германію.

Бонапарте выѣхалъ изъ Парижа 24 го Сентября (по новому стилю); 26 го прибылъ въ Спразбургъ. — Когда войско, сшоявшее подъ Булонью, двинулось, Маршалъ Бернадотъ выспунилъ изъ Гановера, шелъ черезъ Гептингенъ и Франкфуртъ, и очутился въ Вирцбургъ 27 го Сентября. — Генералъ Мармонъ изъ Майнца переправился черезъ мостъ въ Кассель, пошелъ къ Вирцбургу, гдѣ соединился съ войскомъ Баварскимъ и корпусомъ Маршала Бернадота. — Корпусъ Маршала Даву, перешедъ Рейнъ 26 го числа подъ Мангеймомъ, отправился черезъ Гейдельбергъ и Неккерельцъ къ рѣкѣ Неккеру. — Корпусъ Маршала Су тогожъ числа переправился черезъ Рейнъ посредствомъ наведеннаго моста при Шпейерѣ, и пошелъ къ Гейльбрунну. — Корпусъ Маршала Нея тогожъ числа переправился черезъ Рейнъ посредствомъ наведеннаго моста противъ Дурлаха, и пошелъ къ Шпунтгарду. — Корпусъ Маршала Лана 25 го числа переправился черезъ Рейнъ противъ Кея (недалеко отъ Спразбурга) и пошелъ къ

Лудвигсбургу. — Принцъ Мюра съ запасною кавалеріею тогожъ числа и въ томъ же мѣстѣ переправился черезъ Рейнъ, и спустя нѣсколько дней оспановился подъ Чернымъ лѣсомъ. Его патрули часто вспрѣчались съ Австрійцами, и подали причину думать симъ послѣднимъ, что Мюра намѣренъ идти впередъ черезъ лѣсъ. — Большой паркъ артиллерійскій, принадлежащій къ главной — или, какъ Французы говорятъ, великой — арміи, 30 го переправился черезъ Рейнъ противъ Келя и пошелъ къ Гейльбрунну. Бонапарте очутился на правой сторонѣ Рейна 1 го Октября, ночевалъ въ Эпплингенѣ, принялъ тамъ Курфирста и Принцевъ Баденскихъ, потомъ отправился въ Лудвигсбургъ и остановился во Дворцѣ Курфирста Виртембергскаго. — Во 2 й день Октября корпусы Маршала Бернадоша и Генерала Мармона соединились съ Баварцами, находившимися въ Вирцбургъ, и всѣ вмѣстѣ пошли къ Дунаю. — Корпусъ Маршала Даву, двигнувшись изъ Неккерельца, пошелъ черезъ Мекмуль, Ингельфингенъ, Вельшингенъ, Эпплингенъ и Гарбургъ къ Донауверту. — Корпусъ Маршала Су, двигнувшись изъ Гейльбрунна, пошелъ черезъ Эрингенъ, Галль и Гелддорфъ къ Аалену и Нордлингену. — Корпусъ Маршала Нея, двигнувшись изъ

Штуттгарда пошелъ черезъ Эсслингенъ, Геппингенъ, Гейденгеймъ и Напштеймъ къ Нордлингену. — Корпусъ Маршала Лана, двигнувшись изъ Лудвигсбурга, пошелъ черезъ Бейпельсшпахъ, Гросъ, Плидербгаузенъ и Гминдъ также къ Аалену и Нордлингену.

Въ 6 й день Октября войско разположено было слѣдующимъ образомъ: корпусъ Бернадота и Баварцы находились въ Вейсенбургъ; корпусъ Даву — въ Эптингенъ; корпусъ Су — въ Донаувертъ; корпусъ Нея въ Катценштейнъ; корпусъ Лана — въ Нересгеймъ; Мюра съ драгунами надъ Дунаемъ. — Австрійцы заняли входы въ Черной лѣсъ, чтобы не пускать въ него Французовъ; усилили посты свои надъ Иллеромъ, и съ поспѣшностію укрѣпляли Ульмъ и Меммингенъ. — Обѣздныя команды Австрійскія имѣли небольшія сшибки между собою. — Вспѣвшая часть корпуса Маршала Су, состоящая подъ начальствомъ Генерала Вандама, 6 го числа прибыла въ Донаувертъ и овладѣла мостомъ. На другой день подошелъ Мюра съ своими драгунами, переправился черезъ Дунай и пошелъ къ рѣкѣ Леху. — 8 го дня Маршалъ Су съ дивизіями Генераловъ Вандама и Леграна двинулся къ Авгсбургу. Въ тотъ же день на разсвѣтѣ

пошелъ къ дорогѣ, лежащей между Ульмомъ и Авгсбургомъ для пересѣченія сообщеній между сими городами. По прибытіи въ Вершингенъ, нашелъ тамъ часть Австрійской пѣхоты и четыре эскадрона Кирасирскаго полку Принца Алберта; соединясь съ дивизіею Маршала Лана, напалъ на Австрійцевъ, копорые защищались съ упорностію; но принуждены были уступить многочисленности Французовъ, и отдаться въ плѣнъ. Маршалъ Су съ дивизіями своими 7 го и 8 го числа дѣлалъ разныя обороны на лѣвомъ берегу Дуная для пресѣченія сообщеній съ Ульмомъ, которой занятъ былъ Австрійцами. Корпусъ Маршала Даву 8 го числа прибылъ въ Нейбургъ. Корпусъ Мармона пришелъ туда же. Корпусъ Бернадоша и Баварцы 8 го прибыли въ Эйхшадтъ.

III.

Извѣстія и замѣчанія.

И такъ военныя дѣйствія начались на швердой землѣ въ Европѣ. Казалось досихъ поръ все еще нерѣшеннымъ, отважашся ли Державы положить преграду насиліямъ высокоумнаго Бонапарте. Мно-

гіе не хотѣли вѣрить, чшобы Государства заключили союзъ наступательный и оборонительный противъ Франціи; многіе почитали Наполеона баснословною Горгоною, которая однимъ воззрѣніемъ превращаетъ въ камень своихъ непріятелей, — или духомъ всемошнымъ, которой однимъ хотѣніемъ можетъ превратить въ ничто своихъ противниковъ. Думали, что его береговая армія есть щитъ несокрушимый, подъ прикрытіемъ котораго можетъ спокойно ковать оружіе для завоеванія вселенной. Бонапарте самъ впалъ въ себѣ заблужденіе. Ему казалось, что скорѣе мертвые изъ гробовъ на него возстанутъ, нежели Государства Европейскія соединятся съ Англією и Королемъ Шведскимъ. Но онѣ соединились; грозныя ихъ ополченія идутъ противъ гордаго сопосапа, съ тѣмъ, чшобъ удержатъ его честолубіе въ предѣлахъ, предписанныхъ трактатомъ Люневильскимъ. Опыты научили Монарховъ бытъ осторожными, и заставили ихъ заботиться о будущей судьбѣ Европы.

Австрія, услышавъ о томъ, что Г-ну Новосильцову предписано возвратиться въ Петербургъ, немедленно предложила свое посредство о примиреніи Франціи съ

Англією и Россією. Бонапарте съ гордостію отвергъ предложеніе , и попребовалъ невозможнаго. Онъ попребовалъ , чшобы Австрія оспановила свои вооруженія , уже полгода продолжавшіяся ; — чшобы не укрѣпляла Венеціи ; — чшобы не мѣшалась въ войну съ Англією. Россія сообщила Вѣнскому Двору , что она не прежде возобновишь съ Францією переговоры , какъ въ то время , когда Австрія поспавитъ армію свою на военную ногу , и когда Бонапарте покажетъ прямое , несомнительное желаніе прочнаго мира ; — что отправитъ 100,000 человекъ войска на Дунай , для прикрытія Австрійскихъ и другихъ владѣній опъ нападенія Франціи въ продолженіе переговоровъ ; — что приглашаетъ Австрію и прочія Державы спспѣшествовать къ достиженію сей желаемой цѣли. Австрія , узнавъ о намѣреніяхъ Россіи , дала ясный и почный отвѣтъ Наполеону ; отвергла всѣ его требованія ; объявила , что Франція первая вооружилась , слѣдственнo сперва должна сама положить оружіе , потомъ уже дѣлать такія предложенія Государствамъ сосѣдственнымъ ; жаловалась , что со времени заключенія Люневильскаго трактата Бонапарте безпрестанно нарушалъ его спашьи разными покушеніями на опнятіе свободы у Швейцаріи , Италіи и Голландіи ;

оправдывала препорученіе, сдѣланное Г-ну Новосильцову, и внезапный его отзывъ; объявила наконецъ, что для собственной безопасности должна соединиться съ Россією и Англією, что союзники не будутъ мѣшаться во внутреннія дѣла Франціи, что сохранятъ Конституцію Нѣмецкой Имперіи, и что ручаются за цѣлостъ владѣній Турецкаго Султана. Бонапарте не хотѣлъ дать удовлетворительнаго отвѣта на сію бумагу, которая сообщена въ одно время въ Парижѣ и въ Регенсбургѣ. Союзники рѣшились дѣйствовать, и — война запылала.

Сказано было, что Курфюрсты Баварскій, Виртембергскій и Баденскій заключили съ Наполеономъ союзъ наступательный и оборонительный. Курфюрстъ Баварскій даетъ Французамъ войска 25,000 человекъ, Виртембергскій 8000, Баденскій 4000. Всѣ благомыслящіе подданные Курфюрста Баварскаго оплакиваютъ свою участь; вмѣсто того, чтобы жерпво-вать жизнью своею славу и благоденствію отечества, они должны сражаться не за Германію, но противъ Германіи; должны обагрить руки свои кровію соотечественниковъ. Въ Вѣнской Газетѣ помѣщено вѣрное изображеніе поведенія Курфюрста Палашина. Замѣтимъ важ-

ныя слова, которыя дойдутъ до свѣдѣнїя
позднаго потомства: „Курфирстъ не сдер-
жалъ слова своего (онъ обѣщался Рим-
скому Императору соединиться съ Ав-
стрїею) какъ человекъ, и какъ Государь.
Онъ измѣнилъ своему народу, своему Импе-
ратору, измѣнилъ ИМПЕРАТОРУ АЛЕК-
САНДРУ, Которой не одинъ разъ изъяв-
лялъ ему знаки Своего благорасположенїя;
измѣнилъ Германїи и всей Европѣ, кото-
рой безопасность и благоденствїе зависятъ
отъ окончанїя нынѣшней войны, начатой
Францїею противъ Австрїи.“ — Когда Вир-
тембергскїя и Баденскїя войска соеди-
нились съ Французами, многіе Офицеры
вышли въ отставку.

Скоро надлежитъ ожидать подроб-
ныхъ извѣстій о военныхъ дѣйствїяхъ.
Послѣ сраженїй при Вертингенѣ и Гинц-
бургѣ, о которыхъ Публика читала въ
Вѣдомостяхъ, произошло еще нѣсколько
весьма жаркихъ между Австрїйцами и
Французами. Въ разныхъ иностранныхъ
листочкахъ помѣщены статьи о томъ до-
вольно любопытныя; жаль только, что
на нихъ не можно совершенно полагаться,
ибо онѣ писаны по большей части изъ
городовъ, занятыхъ Французскимъ вой-
скомъ. Впрочемъ кажется достовернымъ,
что Французы, овладѣвши внѣшними укрѣ-

Пленіями Ульма, принудили гарнизонъ Австрійскій сдаться на капитуляцію. Баронъ Маккъ и Князь Лихтенштейнъ начальствовали надъ симъ гарнизономъ. Эрцгерцогъ Фердинандъ съ корпусомъ своимъ отступилъ къ Богеміи черезъ Франконію. Бернадошъ занялъ Минхенъ. Генераль Вернекъ сдался на капитуляцію Принцу Мюра. — Первая Россійская армія уже прибыла къ рѣкѣ Инну. — Французскій Генераль Барбу вышелъ съ корпусомъ своимъ изъ ГанOVERA, въ которой вступаетъ Прусское войско. — Россійскіе и Шведскіе полки идутъ черезъ Мекленбургскія владѣнія — куда? скоро узнаемъ.

Подписка на *Вѣстникъ Европы*, которой буду издавать въ слѣдующемъ 1806 мѣ году; принимается въ Москвѣ въ Конторѣ Университетской Типографіи. Иногородные господа Субскрибенты благоволятъ съ требованіями своими опноситься въ Газетныя Экспедиціи при Почтѣ - Амтѣ, или прямо въ упомянутую Контору. Цѣна за годовое изданіе, въ 24 хъ книжкахъ состоящее, въ Москвѣ 12 руб; съ пересылкою въ другіе города 15 рублей Государственными ассигнаціями.

М. Казеновскій.

О Ш И Б К А.

ВЪ 21 мѢ НумерѢ Вѣстника Европы
на стран. 30 въ строк. 3 напечатано: сномъ
превышая; надобно читать: превышая сномъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

Н О Я Б Р Ъ 1805.

№ 23.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Разговоръ между Александромъ Великимъ и Карломъ XII.

(Въ царствѣ мертвыхъ.)

А Л Е К С А Н Д Р Ъ.

Кажется мнѣ, Ваше Величество чѣмъ-то огорчены. Какая причина вашей досады?

К А Р Л Ъ.

Несносная обида, въ которой и вы должны взять участіе. Спихотворецъ Поле дерзнулъ ругаться надо мною и вами; эпосъ негодяй называлъ обзакъ насъ глупцами безсмысленными.

А Л Е К С А Н Д Р Ъ.

Я никогда не имѣлъ счастья въ Поэпахъ, которые обыкновенно плашили не-

благодарностию за любовь мою къ Музамъ. До преселенія въ міръ подземный, я завидовалъ Ахиллу, прославленному Гомеромъ, и щедро наградилъ Херила, очень посредственнаго Спихотворца, которой принялся — было воспѣвать мои подвиги. Щедрость моя не только не послужила къ чести моей, но даже подала поводъ Горацію, остроумному Спихотворцу Римскому, сказать, будто я не имѣю вкуса; Луканъ, соотечественникъ Гораціевъ, осмѣлился язвить меня самымъ колкимъ образомъ.

КАРЛЪ.

Это мнѣ неизвѣстно; знаю только, и знаю очень твердо, что въ мое время одинъ Французскій Поэтъ, именемъ Боало, писалъ о васъ съ такою вольноспію, что я отъ досады принужденъ былъ изорвать книгу его на мелкіе локушки. Могу ли перпеть, чины поносили любимаго моего Героя! Другой язвительной Поэтъ, врагъ нашъ, теперь только переселился въ мрачную обитель мертвыхъ. Отмстимъ за честь свою! нападёмъ на дерзновенныхъ ризотворцевъ! бросимъ ихъ въ пропасти Таривара!

АЛЕКСАНДРЪ.

По симъ словамъ можно узнать Карла. Это походитъ на странную рѣчи-

мостъ вашу , когда вы , живучи въ Бендерахъ , съ горстью Шведовъ хопѣли прошившись всей силѣ Опшоманской Имперіи. Не удивительно , что засловіе находишь причины называть поступки ваши необходимыми запѣями.

КАРЛЪ.

Александръ ! будьте скромнѣе. Когда вы согласны со мнѣніемъ ихъ , которые геройскіе мои подвиги выдаютъ за сльдствіе безумія , то и вашимъ не должно приписывать похвалъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Между моимъ поведеніемъ и вашимъ есть великая розница. Ничего въ свѣтѣ не было изобрѣщено лучше , какъ планы военныхъ моихъ дѣйствій , и ничего благоразумнѣе ихъ не было исполнено. Всѣ мои замыслы стремились къ полезной цѣли. Пускай себѣ Ораторы и Поэты говорятъ , что угодно имъ ; но всякой , прочитавъ со вниманіемъ мою исторію , принужденъ будетъ увѣриться , что Александръ , Царь Македонскій , былъ не только неустрашимый воинъ , но и искусный Полкикъ. Напротивъ того всѣ знаютъ , что вы поспутили весьма неблагоприятно , въ началѣ зимы заведши войско свое въ обширныя пущыны Украйны ; что едва было не выморили его голодомъ ; что потеряли

артиллерию и немалую часть войска, измученнаго безполезными прудами и спужею; наконецъ, что вы принуждены были драпьясь съ Русскими при весьма невыгодныхъ обстоятельстввахъ, и опъ того проиграли сраженіе.

КАРЛЪ.

Я и не думалъ оспаривать у васъ славу великаго Полководца. Проспой смерпной дерзнетъ ли равняться съ сыномъ Юпитера Аммона?

АЛЕКСАНДРЪ.

Понимаю смыслъ вашей ироніи. Вы хотише сказать, что мое честолюбіе спольже было ~~недѣло, какъ вашъ подвигъ въ Бендерахъ.~~ Выдѣте изъ заблужденія: Не щеславіе, но тонкая Полипика родила во мнѣ мысль выдѣть себя за сына Юпитерова. Я гоповиася завоевать всю Азію, и хопѣлъ, чтобы меня почипали болѣе нежели обыкновеннымъ человекомъ. Тогда полу-боги и Герои были у всѣхъ на умѣ и на языкѣ. Озирисъ, Сезестрисъ, Вакхъ и Геркулесъ, древніе завоеватели воспока, равнымъ образомъ приписывали себѣ небесное происхожденіе. Чудесные подвиги мои свидѣтельспвуюпъ, что не сумазбродспво управляло моими поступками. Мнимое родспво мое съ богами сдѣлало побѣдоноснымъ оружіе мое на воспокѣ, опъ Гра-

ника до Ганга. Выдавъ себя за сына Юпиперова, я мужествомъ и величіемъ духа поддержалъ достоинство своего сана; однакожъ никогда не забывалъ, что Филиппъ былъ отцемъ моимъ. Я произвелъ въ дѣйство намѣренія моего родителя, и воспользовался мудрыми наставленіями Аристотеля. Сынъ Филипповъ наполнилъ Греческими поселеніями Азію до самыхъ предѣловъ Индіи; завелъ обширную торговлю по плану, начертанному среди безпокойствъ военныхъ; построилъ Александрію, и назначилъ ее быть средоточіемъ торговли между Европою, Азіею и Африкою; посылалъ Неарха обзрѣвать моря и берега Индійскіе; имѣлъ намѣреніе плыть до столбовъ Геркулесовыхъ, и объѣхать кругомъ Африку, какъ сдѣлалъ потомъ знаменитый Васко ди Гама. Сынъ Филипповъ, покоривши Персовъ, управлялъ ими съ такою кротостію, съ такою справедливостію, съ такимъ благоразуміемъ, что побѣжденные болѣе любили его, нежели прежнихъ Царей своихъ; посредствомъ супружескихъ связей и другихъ средствъ онъ успѣлъ въ Грекахъ и Персахъ поселить такое единодушіе, что итѣ и другіе почтѣли себя однимъ народомъ. Скажитежъ мнѣ, что вы сдѣлали, когда счастіе къ вамъ улыбалось? Что вы

сдѣлали для успѣховъ торговли, для благоденствія народовъ побѣжденныхъ, или по крайней мѣрѣ для примиренія себя съ неиріяшелями?

К А Р Л Ъ.

Графъ Пиперъ непременно хотѣлъ, чтобы я возложилъ на себя Польскую корону — а это сдѣлать было мнѣ весьма не трудно; я поступилъ великодушно, и отдалъ Королевство Спаниславу. Такимъ образомъ вы сами нѣкогда уступили Пору су часть завоеванныхъ областей въ Индіи, кромѣ того, что даровали ему свободу и возвратили собственное царство.

А Л Е К С А Н Д Р Ъ.

Вы не совсѣмъ отгадали. Я сдѣлалъ Пору са только правителемъ Индіи, или, такъ сказать, своимъ наместникомъ. Мнѣ казалось это вѣрнѣйшимъ способомъ удерживать за собою покоренныя Государства, для охраненія которыхъ я не имѣлъ довольно войска. Римляне, послѣдуя мсей Полишикѣ, также поступали по овладѣніи отдаленными областями. Но ни я, ни Римляне не зашѣвали войны только для одного удовольствія, или для мнимой славы; ни я, ни Римляне не отнимали у Королей престола для того только, чтобы отдать Государство другой особѣ, не имѣя впрочемъ никакой въ томъ

выгоды ни для себя, ни для подданныхъ. Соглашаюсь, что походъ мой въ Индію былъ подвигъ сына Юпитерова, не Филиппова; я сдѣлалъ бы лучше, еслибъ оспался въ Азіи и Греціи, и прежде утвердилъ бы власнѣ мою въ сихъ обласняхъ, потомъ ошеважился на новыя завоеванія. Но съ другой стороны могу оправдывать себя тѣмъ, что походъ въ Индію необходимо былъ нуженъ для предохраненія моего войска отъ пагубной нѣги Азійской и для удержанія подданныхъ моихъ въ границахъ того почтенія къ моему имени, на которомъ утверждено было все мое могущество. Впрочемъ, не упоминая о другихъ вашихъ поступкахъ, я увѣренъ, что вы очень худо послѣдовали моему примѣру въ обхожденіи съ побѣжденными Государями. Какое сходство между моимъ поведеніемъ въ отношеніи къ Порусу и Дарію и вашимъ насильственнымъ поступкомъ, когда вы заславили Короля Августа писанъ поздравленіе къ Сиваниславу, возведенному вами на престолъ Польскій? Не значилъ ли это ругань надъ несчастіемъ баржияго? Признаюсь, такой триумфъ низокъ для вашей особы, и приличенъ душѣ самой обыкновенной. Ваше посѣщеніе Короля Августа есть другое оскорбленіе, несноснѣйшее прежняго, столько же без-

полезное, даже опасное для васъ самихъ. Если Государь хочетъ, чшобы почтпдали его Особу, то самъ долженъ имѣть уваженіе къ разнымъ себѣ. Побѣжденный не есть пресупникъ — онъ только несчастливъ. Одни безчеловѣчные обижаютъ несчастныхъ, которые имѣютъ неоспоримое право на соспранданіе.

КАРЛАЪ.

Я никого не боялся, и былъ увѣренъ, что Августъ не могъ вредить мнѣ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Такъ; но еслибъ негодованіе — что очень возможно — было въ немъ сильнѣе снпраха, тогда вы конечно понесли бы наказаніе за свою надменность. Позвольте сказать откровенно, что въ васъ было болѣе сумазбродства, нежели прямо геройской отважности. Ложная увѣренность въ слабости непріятелей причиною всего вашего несчастія. Когда Россійскій Царь предлагалъ вамъ о мирѣ, вы сказали съ гордостію, что, пришедши въ Москву, объявите свои условія; какой же отвѣтъ получили? „Карлаъ хочетъ представлять лице Александра — сказалъ ПЕТРЪ — но во мнѣ не найдешь онъ втораго Дарія.“ Вамъ надлежало бы лучше узнать характеръ сего Монарха. Если бы въ мое время въ самомъ дѣлѣ ПЕТРЪ царствовалъ въ

Персіи; тогда я былъ бы гораздо осторожнѣе, и не положился бы на превосходство своихъ Македонянъ передъ такимъ войскомъ, копорымъ управляетъ Государь, умбющій усовершенствовать его въ наукѣ военной.

КАРЛЪ.

Сраженіе подъ Нарвою, гдѣ восемь тысячъ Шведовъ разбили восемьдесятъ тысячъ Русскихъ, развѣ не дало мнѣ права гордиться передъ непріятелемъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Вы забываете, что самого Царя не было на сраженіи, и что Ему еще некогда было выучить солдатъ своихъ. Правда, Онъ воспользовался временемъ и вашимъ снизхожденіемъ; подъ Полтавою вы узнали, что Россіяне, вами презираемые, сдѣлались страшными войнами. Еслибъ послѣ Нарвской побѣды вы послали прямо въ Москву, что, можетъ быть, успѣли бы задушить Геркулеса въ колыбели; но вы сами дали время ему вырасти, и когда онъ возмужалъ, захопѣли поступать съ нимъ, какъ съ робенкомъ.

КАРЛЪ.

Уступаю вамъ преимущество въ осторожности, въ предусмотрительности, въ тонкой Политикѣ. Позвольтежъ мнѣ по крайней мѣрѣ съ вами равняться въ щед-

рости, и сказать, что никто изъ смертныхъ не превзошелъ меня въ мужество и неуспрашимости. Не упоминаю о нѣкоторыхъ порокахъ, которыми вы помрачили свою славу, и которыхъ я совсѣмъ не имѣлъ. Я не вдавался въ пьянство, не обагривъ рукъ своихъ въ крови друга, умерщвленнаго на пиршествѣ, не обращилъ въ пепелъ города изъ угожденія прелестницѣ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Я могу извинять мою невоздержанность обычаями Персовъ, которые о достоинствахъ и качествахъ Царей своихъ судили по мѣрѣ ихъ пристрастія къ пиршествамъ; могу извинять себя обычаями Македонянъ, которые безъ стыда напились до-пьяна. Вы, будучи въ полномъ умѣ, дозволяли себѣ свирѣпствовать и лишь кровь, такъ точно, какъ я оупъ дѣйствія паровъ винныхъ. Вы были презвы, когда прошивъ воли Султана хотѣли спаться въ Турціи; были презвы, когда приказали колесовать несчастнаго Паткуля, которой въ качествѣ Посла не могъ ничего бояться, и котораго все преступленіе состояло въ томъ, что защищалъ права своего опечесла. Такая жестокость прошивна законамъ общежитія гражданскаго и законамъ Природы, священнѣйшимъ

для души благородной и чувствительной. Вы были трезвы, когда писали къ Государственнымъ Чиномъ Шведскимъ, по случаю разнесшейся молвы о вашей смерти, что „пошлете свой сапогъ для управленія Королевствомъ.“ Такая обида несравненно жесточе и несноснѣе моихъ проступковъ, которыхъ причиною было вино и ласкательство. Не спорю, что вы превзошли меня воздержностію; но если бы сердце ваше было чувствительнѣе къ прелестямъ любезнаго пола, то увѣряю васъ, что излишнее высокомеріе и жестокость характера не помрачили бы вашей славы.

К А Р Л Ъ.

А я думаю, что чувствительность къ любезному, какъ вы говорите, полу совсемъ изнѣжила бы меня, и сдѣлала рабомъ какой нибудь женщины — чего я спрашивался болѣе всего. Вы не всегда отъ пьянства были свирѣпы и несповы. Винные ли пары заставили васъ замучить врача, которой пользовалъ Эфесіона? Вашъ любимецъ самъ себя умертвилъ, не наблюдая воздержности во время болѣзни. Винные ли пары были причиною, когда вы принесли на жертву плѣни Эфесіоновой весь народъ Куссейской, не исключая женъ и дѣтей, копорые конечно не имѣли никакого участія въ его смерти? И для

чего вы дозволили себѣ сдѣлать такое ненавистное жертвоприношеніе? Для того только, что, по свидѣтельству любимого вашего Гомера, Ахиллѣ закололъ нѣсколь-ко Троянѣ надѣ гробомѣ Патрокла. Я могъ бы найти еще другіе примѣры для доказательства, что спраши, не менѣе вина, дѣлали васѣ жестокимѣ и неистовымѣ.

А Л Е К С А Н Д Р Ъ.

Пускай такѣ; спраши иногда возмущали мою душу и омрачали разумѣ, а особливо въ то время, когда безпримѣрные успѣхи въ войнѣ и рабское ласкательство побѣжденныхъ народовѣ совершенно ослѣпили меня. Люди по слабости своей не могутѣ съ крошкымѣ равнодушіемѣ пользоваться счастіемѣ, моему подобнымѣ, а особливо въ молодыхъ лѣтахѣ. Но самыя ваши добродѣтели, неестественныя и гигантскія, не выходясь въ обыкновенныхъ границахѣ своихъ, дѣлались пороками. Прибавлю, что вы не имѣли одной изъ моихъ добродѣтелей, важнѣйшей для Государя, а именно любви къ Наукамѣ и Художествамѣ. Я вознесъ ихѣ въ Греціи на высочайшую степень совершенства; вы довели ихѣ до упадка въ Швеціи, и были настоящимѣ Гоомѣ, совершенно подобнымѣ Аларику и Генсерику, вашимѣ предшественникамѣ. Мое царствованіе озна-

меновано Аристотелемъ, Апелломъ, Лизиппомъ: ваше — одними только сраженіями. Еслибъ нѣкоторое сходство между нами приводило меня въ искушеніе опдаться вамъ преимуществу передъ Россійскимъ Императоромъ; вашимъ соперникомъ; — и тогда справедливостъ предписывала бы мнѣ взять Его сторону. ПЕТРЪ вознесъ народъ Свой ко славы и величію; вы разорили Шведовъ: ПЕТРЪ былъ Законодатель; вы — Тиранъ.

(Изъ *Les gages touchés.*)

II.

А л ь б а н ъ.

Имя Живописца Альбана извѣстно будетъ опдаленнѣйшему потомству не только по великому таланту, но еще и по тому, что многіе Поэты упоминаютъ о немъ въ стихахъ своихъ. Онъ изображалъ предметы любезные, представлялъ сцены счастливыя, пѣщическія. На картинахъ его видне или спящаго въ прохладной тѣни Эропа, у котораго Діанины Нимфы боязливо отрѣзываютъ кончики крыльевъ, — или толпу маленькихъ воиновъ Кипридныхъ, которые куютъ стрѣлы свои,

закаливаютъ ихъ, острятъ, пускаютъ въ сердце, и заблаговременно восхищаются, предвидя безчисленные побѣды, — или Венеру, окруженную Градїями, которыя убираютъ богиню, торжествующую надъ богами и смертными. Живописуютъ ли предметы Христїанскаго благочестїя? Это Младенецъ Иисусъ, сидящїй на колѣнахъ непорочной Матери, окруженный сонмомъ Ангеловъ; одни съ благоговѣнїемъ поклоняются своему Владыкѣ, другїе, держась на воздухѣ, приносятъ Ему цвѣты и плоды, даны отъ щедрой Природы. Всѣ существа, плѣняющїя наши взоры, все, что ни есть прелестнаго на землѣ, на морѣ и на небѣ, все, что ни родилось отъ цвѣтущаго воображенїя — все безпрестанно занимало кисть Альбанову.

Онъ изображалъ милые предметы свои на малыхъ картинахъ, которыя удобно помѣщаются въ кабинетахъ, и которыхъ множество есть полныхъ собранїй. Слава его вездѣ разпространилась. Извѣстно, что человекъ, одаренный великимъ талантомъ, въ какомъ бы то ни было родѣ Искусства, живущїй во времена просвѣщенныя, занявъ одинъ разъ первое мѣсто, всегда пользуется своимъ правомъ; оно есть собственность его, которой никто не можетъ похитить. Если имя его одинъ разъ про-

неслось въ мірѣ, тогда всѣ превозносятъ его, не заботясь, заслужилъ ли онъ свою славу. Сколько Писателей говорили объ Альбанѣ, совсѣмъ не выдавши его произведений! Одна изъ не мажорныхъ причинъ его знаменитости есть имя его, легкое для Стихотворства. Если бы творецъ прелеснѣйшихъ картинъ назывался не Альбаномъ, но какимъ-нибудь Зуккарро или Пиншуррикю; тогда Поэзія не воспѣла бы его имени. Но *la fraîcheur de l'Albane*, *les pinseaux de l'Albane* суть такія полуспишія, которыя каждой Поэтъ съ удовольствіемъ помѣщаетъ въ стихахъ своихъ. Такимъ образомъ Альбанъ прославился, можетъ быть, не столько по дарованію, сколько по тому, что не трудно было прославить его имя.

Однакожъ Художники и знатоки посвященные оному лично уважаютъ рѣдкой манерой Альбана. Пріятность и любезность, ему одному свойственная, видны во всѣхъ его картинахъ. Въ немъ нѣтъ высокихъ, сладоспираспныхъ, восхищающихъ красотъ Корреджія и Рафаэля; въ немъ все обыкновенно; онъ не поселаетъ въ душѣ умиленія, не возвышаетъ ее, не приводитъ ее въ изступленіе: но всегда нравится, всегда плѣняетъ.

Альбанъ учился въ Римской Школѣ, у Аннибала Каррака; тамъ занялъ онъ мастерскія формы, и далъ имъ свою физіогномію — по еснѣ любезности, вмѣсто величія и выразишельности. Родясь со счастливымъ разположеніемъ, нравственнымъ и физическимъ, имѣя способность писать легко и скоро картины, за которыя получалъ щедрую плату, и которыя охотно покупали, обладая прекрасною женою, которая родила ему многихъ прекрасныхъ дѣтей, Альбанъ изображалъ, что чувствовалъ и что ежедневно видѣлъ; онъ находилъ въ семействѣ своемъ счастье жизни и образцы для картинъ. Краски его иногда слишкомъ ярки, но всегда пріятны; свѣтлотѣнь слаба; въ одеждѣ болѣе искусства, нежели подражанія Напуръ. Въ картинахъ Альбановыхъ видно менѣе прямыхъ линей, нежели ломаныхъ, которыя употребляютъ Живописцы болѣе для выраженія пріятности, нежели для высокихъ предметовъ.

Альбанъ обыкновенно помѣщалъ Героевъ и Героинь своихъ на прелестныхъ мѣстоположеніяхъ сельскихъ, которыя, можетъ быть, не совсѣмъ точны, но всегда нравятся; каждой зритель внутренно желаетъ быть въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, изображенныхъ на картинѣ. Остро-

умныя его разположенія опличаются Поэзією, не возвышенною, но всегда кропкою и любезною. Въ женскихъ лицахъ виднѣе плѣняющихъ красавицъ, не жеманныхъ, не искусственныхъ, но невинныхъ дочерей Напуры. Въ лицахъ дѣшей нравились вамъ прелесть и точное подражаніе подлинникамъ. Однакожъ должно признаться, что, удивляясь Эропамъ на картинахъ Альбановыхъ, не видимъ въ сихъ милыхъ, но жестокихъ дѣтяхъ того коварства, которое управляетъ ихъ ласками; не видимъ на ихъ лицахъ той очаровательной улыбки, которая заставляетъ проливать слезы; это обыкновенныя дѣши, любезныя, счастливыя, плѣняющія здоровьемъ и свѣжестію. Альбанъ хорошо выражалъ благочестивую кропость Ангеловъ, но не зналъ, въ чемъ состоитъ прямая красота небожителей. На лицѣ Богоматери написана любезность, болѣе земная, нежели небесная; Венера у него есть только обыкновенная красавица; прелестныя Нимфы нимало не походять на юныхъ богинь, которыя заставляли бы зрителей завидовать обиталищамъ боговъ Олимпійскихъ.

Альбанъ писалъ и большія картины церковныя, весьма хорошія въ своемъ родѣ; но онъ менѣе другихъ прославилъ своего Художника; оригинальность его особенно

видна въ малыхъ картинахъ. Можно даже сказать, что чѣмъ онъ меньше, тѣмъ совершеннѣе. Это доказывається двумя находящимися въ Музеумѣ: одна представляеть Аполлона и Дафну, другая — Сальмациса и Гермафродита; послѣдняя удивляеть превосходствомъ сельскаго мѣстоположенія. Въ обѣихъ формы, краски, живопись обворожаютъ душу.

Онъ пытался изображать грозные предметы, и показалъ, что не рожденъ для Живописи сего рода. Все, что онъ ни написалъ въ разныхъ видахъ и положеніяхъ, выражаетъ тихую радость, крошкія душевныя движенія, копорыя, какъ извѣстно, продолжительнѣе восторговъ живыхъ и пылкихъ. Движеніе въ картинахъ Альбановыхъ подобно ручейку, спокойно текущему по долинѣ.

Спросите судьи живописнаго Искусства, копорымъ кажется незаслуженною Альбанова знаменитость, не должны удивляться тому, что, имѣя столько ередствъ нравиться, онъ успѣлъ прославить свое имя. Чего еще можетъ желать Художникъ, получившій въ даръ отъ Природы счастливую способность плѣнять и шогать!

Телассонъ.

III.

*Выписка изъ Баррова Путешествія
въ Китай.*

Надлежало бы написать большую книгу для вычисленія всѣхъ шѣхъ издѣлій, на копорыя въ Китаѣ употребляется прекрасной прѣзипникъ, называемой бамбукомъ. Спупья, сполы, ширмы, заслоны, кровати и множество другихъ домашнихъ вещей дѣлаются изъ бамбука — и дѣлаются весьма красиво и остроумно. Бамбукъ употребляется въ мореплаваніи на райны, на паруса, на канаты, на шонкія веревки, на конопаченье. Землепашцы дѣлаютъ изъ бамбука пелени, пачки, машины для доставанія воды, мѣшки для хлѣба и проч. Китайцы дѣлаютъ молодые побѣги бамбуковые, а изъ волоконъ дѣлаютъ свѣшильни. Сей прѣзипникъ служилъ украшеніемъ въ садахъ Монарха, на крышкою для хижины земледѣльца, и орудіемъ для удержанія въ страхъ и повиновеніи цѣлой Имперіи. Однимъ словомъ, почти нѣтъ вещи, которой не умѣли бы Китайцы сдѣлать изъ бамбука цѣлаго, разколотого на брусья, раздѣленнаго на нитки, толченаго, превращеннаго въ шѣсно, изъ котораго дѣлается бумага.

Одинъ древній Мудрецъ замѣтилъ, что нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Г. Дюшанъ, человекъ умный и ученый, сочинилъ книгу, въ которой доказываетъ, что всѣ наши открытія и изобрѣтенія были извѣстны Древнимъ. Мы починаемъ новымъ изобрѣтеніемъ дѣлать бумагу изъ соломы; но въ Китаѣ оно извѣстно съ давнихъ временъ. Китайцы употребляютъ на бумажныхъ своихъ фабрикахъ солому сарачинскаго пшена и другаго хлѣба, кору шелковичнаго дерева, хлопчатую бумагу, конопля, крапиву и другія растенія. Они дѣлаютъ такіе большіе листы бумажные, что однимъ можно обить стѣну комнаты. Самая лучшая писчая бумага бываетъ очень хорошо выглажена, на подобіе пергамина и покрыва крѣпкимъ квасцовымъ растворомъ для того, чтобы чернила насквозь не проходили.

Въ Китаѣ многіе спарики и дѣти достаютъ себѣ пропитаніе самымъ стран-нымъ образомъ. Они единственно занима-ются снятіемъ чернилъ съ бумаги, ко-рую потомъ шолкутъ, превращаютъ въ шѣсто, и дѣлаютъ новые листы. Черни-лы также отдѣляются отъ воды и идутъ за-ново.

Искусства въ Европѣ получаютъ споль- великія выгоды отъ Китайскихъ чернилъ,

что я не считаю нужнымъ о семъ раз-
проспраняться. Китайцы признаются,
что они за нѣсколько сотъ лѣтъ пере-
няли у Кореевъ дѣлать чернила.

Нѣтъ никакого сомнѣнiя въ томъ,
что Китайцамъ съ самыхъ отдаленнѣй-
шихъ вѣковъ извѣстно было искусство
книгопечатанiя; только они употребляли
для сего одно дерево. Рукописей ихъ не
льзя печатать подвижными буквами. Хо-
тя части, составляющiя односложныя
ихъ слова, пишутся просто и въ неболь-
шомъ количествѣ; но соединять ихъ въ
типиграфической формѣ было бы весьма
трудно, а можетъ быть, и совсѣмъ невоз-
можно.

Орудiя ремесленниковъ, впрочемъ сдѣ-
ланныя весьма просто, самымъ лучшимъ
образомъ соотвѣтствуютъ своему назначе-
нiю. Такъ на примѣръ кузнечiй мѣхъ, буду-
чи составленъ изъ пустаго деревяннаго ци-
линдра и поршня съ захопкою, служитъ
обыкновеннымъ орудiемъ для раздуванiя
огня, и ситумомъ, и ящикомъ для про-
чихъ снарядовъ.

Китайской столяръ носитъ съ собою
линейку, которая въ то же время слу-
житъ ему вмѣсто палки; ящикъ съ ору-
дiями во время работы употребляется
вмѣсто шанка. Разносчикъ въ одну ми-

нушу спроитъ себѣ лавку изъ большого зонпа и сундука, въ которомъ лежатъ шовары.

Въ Китаѣ Музыка не почитается особливою наукою; ею не занимаются въ обществахъ, какъ пріятною забавою. Молодыхъ дѣвушекъ, воспитываемыхъ для продажи, учатъ играть на духовыхъ инструментахъ, подобныхъ маленькой флейпѣ; мужчины предпочитаютъ орудіе, похожее на гитару, о двухъ, четырехъ и семи струнахъ. Кто хочетъ позабавиться Музыкою, тотъ нанимаетъ евнуховъ и другихъ людей низкаго состоянія. Все искусство состоитъ въ сильномъ звукѣ орудій.

Китайскіе Историки хвастаются тѣмъ, что Императоръ платитъ имъ дань отъ всѣхъ своихъ произведеній, для составленія музыкальной Системы. Они съ гордостью говорятъ, что кожи животныхъ, волокна растѣній, камни, глина и металлы служатъ для услажденія ихъ слуха. Правда, Китайскія орудія весьма многообразны; но я не знаю ни одного, которой былъ бы сносенъ для уха Европейскаго. Хоръ музыкантовъ играетъ въ одинъ голосъ, не имѣя понятія о Гармоніи. — Китайцы не знаютъ употребленія нотъ, и пишутъ музыку свою словами, которыми называютъ

ся тоны азбуки : симъ открытїемъ, впрочемъ весьма недоспапочнымъ, они обязаны Іезуиту Перейрѣ.

Что касается до Живописи, Китайцевъ можно назвать только красильщиками. Есть множество вещей, которыхъ они совсѣмъ не умѣютъ рисовать. Они также не умѣютъ давать предметамъ наружность посредствомъ свѣта и тѣни, и разнообразїя въ оппѣнкахъ красокъ; за то уже съ искусствомъ и точностию изображаютъ яркой колоритъ цвѣтовъ, птицъ и насѣкомыхъ. Китайцы не могутъ понять, какимъ образомъ, чтобы представить на холстѣ отдаленные предметы, должно уменьшать ихъ и ослаблять яркость красокъ, но есть не знаютъ употребленїя перспективы. Я видѣлъ во Дворцѣ Юэн - мин - юэнъ двѣ большїя картины, представляющїя сельскїя мѣстоположенїя. Краски наложены довольно хорошо; подробности отдѣланы искусно; но нѣтъ ни яркаго свѣта, ни густой тѣни, безъ которыхъ Живопись совсѣмъ не дѣйствуетъ на зрителя. Тутъ не соблюдаены правила перспективы и предметы не показаны въ приличномъ разстоянїи одинъ отъ другаго; это однакожъ не помѣшало мнѣ узнать, что сїи картины написаны Европейцомъ. Въ самомъ дѣлѣ,

одинъ Миссіонарій , по имени Каспиліони, бывшій въ особенномъ уваженіи при Дворѣ Пекинскомъ, написалъ множество картинъ для Императора , которой именно приказалъ ему слѣдовать Китайскому обыкновенію, то есть, не заботиться о свѣтѣ и тѣни, и не уменьшать отдаленныхъ предметовъ. Сей Государь утверждалъ — какъ я слышалъ отъ одного Миссіонарія, что слабость нашего зрѣнія не должна служить предлогомъ къ обезображенію предметовъ Напуры. Одинъ изъ Министровъ нарочно приходилъ смотрѣть портретъ Его Величества, Короля Великобританскаго; онъ сказалъ мнѣ, указывая на тѣнь отъ носа: „какъ жаль, что лицо изпорчено этимъ пятномъ.“

Герардини, Европейской Живописецъ, бывшій въ Китаѣ, издалъ описаніе своего путешествія, въ которомъ весьма не выгодно отзывается о тамошнихъ жителяхъ. Упомянувъ о невѣжествѣ ихъ въ изящныхъ Искусствахъ, онъ прибавляетъ: „Китайцы ни къ чему болѣе не способны, кромѣ вѣсить серебро и вѣсить пшено сарачинское.“ Сей Художникъ написалъ огромную колоннаду, которая отъ дѣйствія перспективы оканчивалась очень далеко. Изумленные Китайцы заключили, что Герардини долженъ имѣть связь съ не-

чистыми духами. Подошедши къ холсти-
нѣ, и удосновѣрясь посредствомъ осязанія,
что все сіе написано на гладкой поверхно-
сти, они спали доказывать, что изобра-
жаясь разсвоянія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и
не-моженъ бытъ, есть дѣло прошивное
Напурѣ.

Прекрасныя изображенія цвѣтовъ,
птицъ и насѣкомыхъ, привозимыя изъ Ки-
тая въ Европу, суть произведенія Кан-
тонскихъ Художниковъ, которые давно
уже привыкли списывать печатные рисун-
ки, посылаемые въ Китай на образецъ для
украшенія фарфоровой посуды; отъ того
въ Кантонѣ съ большимъ успѣхомъ зани-
маются Живописью, нежели во внутрен-
ности Имперіи.

Въ сипранѣ, гдѣ живописное Искусство
находится еще на такой низкой степенѣ,
не должно отъ рѣзца ожидать масте-
рскихъ произведеній. На мѣстныхъ рѣшет-
кахъ и въ капищахъ стоятъ странныя
фигуры, безобразныя подражанія Напурѣ.
Ниши въ капищахъ наполнены росшу испо-
линскаго спалуями, слѣпленными изъ гли-
ны, иногда выкрашенными яркими краска-
ми, иногда вызолоченными, или покры-
тыми блестящимъ лакомъ.

Китайцы не лучше умѣютъ лепить
фигуры человѣческія, какъ и рисовать

ихъ. Во всей Имперіи нѣтъ ни одной статуи, ни одного столба, которыя сподобили бы вниманія. У воротъ многихъ большихъ городовъ возвышаются чепыреугольные столбы, каменные или деревянные съ надписями, воздвигнутыя въ память славныхъ Мужей; но сіи памятники ни мало не красивы, и болѣе походящъ на висѣлицы, нежели на ворота пріумфальныя; мнѣ не понятно, по чему Миссіонаріямъ угодно было назвать ихъ симъ именемъ. Вообще, Китайская Архитектура не пріятна для глазъ и не прочна. Въ ней нѣтъ ни красоты, ни исправности въ начертаніи, ни размѣра; наружность зданій самая посредственная, отдѣлка грубая.

Важнѣйшія зданія въ Китаѣ суть пагоды о пяти, семи и девяти галереяхъ, или крышкахъ. Хотя и кажется, что онѣ сдѣланы по образцу славныхъ пирамидъ Индійскихъ, но въ нихъ нѣтъ ни такой правильности, ни такой прочности. Нѣкоторыя, впрочемъ еще не старыя, почти готовы развалиться. Сіи странныя, бесполезныя зданія нашли для себя подражателей въ Европѣ, гдѣ въ кабинетахъ рѣдкостей хранятся ихъ модели, сдѣланныя изъ слоновой кости.

Дворецъ Принца или перваго вельможи рознился отъ купеческаго дома только

шѣмъ, что занимаетъ болѣе простран-
ства, и окруженъ высокою стѣною. Мы
жили въ Пекинѣ — говоритъ Барровъ —
въ одномъ изъ такихъ Дворцовъ. Онъ раз-
дѣляется на нѣсколько дворовъ; дворъ
вмѣщаетъ въ себѣ два, три и четыре
дома, похожихъ на палатки. Каждой домъ
споитъ на возвышенной насыпи, выслан-
ной кирпичами. Изъ одного дома и двора
въ другой ходятъ черезъ крыши галереи,
не боясь ни дождя, ни солнечнаго жара.

Комнаты въ семъ Дворцѣ по большей
части не имѣютъ потолоковъ; отъ чего видны
всѣ бревна и перекладныя, поддерживающія
крышку. Къ окнамъ вмѣсто стеколъ прикле-
ена бумага, масломъ намазанная, или флеръ,
или рогъ, или перловая мапка. Въ нѣкото-
рыхъ комнатахъ, въ углахъ на полу сдѣ-
ланы опверсіи, съ каменными или дере-
вянными закрышками. Тутъ разводятся
огонь, и шеплоша нагрѣваетъ всѣ комна-
ты посредствомъ проведенныхъ трубъ въ
стѣнахъ или подъ поломъ, какъ бывало
въ домахъ древнихъ Римлянъ.

Татарскія долины изобильно снабжа-
ютъ Пекинъ быками и баранами. Хлѣбъ
доставляется водою изъ всѣхъ частей Им-
періи; правительство особливо печется о
заготовленіи онаго на цѣлой годъ. Въ Ки-

таѣ свинина употребляетсѣ болѣе всякаго другаго мяса. Жители большихъ городовъ держатъ въ домахъ свиней, которыя весьма безпокоятъ проходящихъ по улицамъ.

Столны вельможъ успавлены бывающъ множествомъ блюдъ по большей части съ пареною рыбою, домашнею пшцею и другимъ мясомъ; все сіе обыкновенно приправляется огородными овощами и разными подливками. Любимой напитокъ есть чай и хлѣбное вино. Почти весь день проходитъ въ прихлебываніи сего вина, которое подаютъ имъ горячее, въ яденіи пирожнаго и плодовъ, и въ куреніи табаку; вставши съ постели, потчасъ принимающся за сію работу, и оставляютъ ее идущи спать. Лѣпомъ отдыхаютъ около полудня, имѣя подлѣ себя двухъ служителей съ опахалами; одинъ отгоняетъ мухъ, другой машетъ для освѣженія прохладнымъ воздухомъ.

Бумажная матерія, называемая нанкинъ, дѣлается въ городъ Нанкинъ, откуда отправляется въ Кантонъ, и развозится во всѣ части свѣта. Китайцы употребляютъ бѣлой нанкинъ только для печальнаго платья. Вообще они вымѣниваютъ его на хлопчатую бумагу, привозимую въ большомъ количествѣ изъ Бом-

бая и Бенгала. Для обыкновенной одежды бумажную матерію красящъ черною краскою, или голубою.

 IV.

О с е н ь .

На скирдахъ молодыхъ сидючи Осень,
И въ поляхъ зря вокругъ годъ плодоносенъ,
Съ улыбкой свои всѣмъ дары даетъ,
Пестрошой по лѣсамъ живо цвѣшетъ,
Взоръ мой дивитъ.

*

Разныхъ птицъ голоса вьющихся шучи,
Шумъ сноповъ, бѣгъ телѣгъ, оси скрипучи,
Стукъ цѣповъ по шокамъ, въ рощахъ лай псовъ,
Жницъ съ знамямъ идущихъ гулъ голосовъ,
Слухъ мой пѣнитъ.

*

Какъ милъ сей Природы радостный образъ!
Какъ тварей довольныхъ сладостенъ возгласъ!
Гдѣ Осень обилье рукою ведетъ
Царямъ и червямъ, всѣмъ пищу даетъ.
Общій Отецъ!

*

Но что же вдругъ, Шахтинъ! черныя бури
Грохоча такъ кроютъ неба лазури?

Здѣсь тихій токѣ съ ревомѣ роетѣ волна,
Тамѣ вѣ блѣдныхѣ туманехѣ ржетѣ намѣ война;
Благѣ ли Творецѣ?

*

Ахѣ! благѣ всѣхѣ Зиждишель, я слышу,
ты рекѣ:

Невѣжда продерзкій, лишь ты человекѣ
Не видишь, не знаешь пользы своей,
Самѣ часто своихѣ ты ищешь сѣшей;
Хранишель швой Богѣ.

*

О! правда то, правда! — Смиримѣ же
предѣ Нимѣ

Нашѣ глупый мы ропотѣ, и волю дадимѣ
Всемощной Десницѣ солнце водить;
Бѣгѣ міра превратна спанемѣ сносишь,
Чщящи свой рокѣ.

*

Такѣ, если сѣ Урала, златые ключи
Лилѣ вѣ Царской ты кладезѣ, ихѣ самѣ не
пьючи,
Я дни мнилѣ Аспрей мирѣ и покой
Ввествѣ распрей вѣ вершечѣ, — и сѣ чистой
душой
Благѣ всѣмѣ желалѣ.

*

Но то коль не надо, — оставимѣ Судьбамѣ
Премудрымѣ дать лучшей мы жребій людямѣ;

Сбвѣ сами, прикажемъ въ нашемъ гнѣздѣ
 Осени доброй намъ дать по трудѣ
 Счастья покаль.

Д — нѣ.

У.

Двѣ Рѣчи, произнесенныя Роменскаго
 повѣта Маршаломъ, Г-мъ Полети-
 кою (*), по случаю Дворянскихъ выбо-
 ровъ въ нынѣшнемъ году.

1.

Къ избраннымъ Судьямъ повѣтовымъ:

Почтенные Сograждане!

Довѣренность Собратій вашихъ вводитъ
 васъ въ сіе святилище Правосудія, и въ
 немъ осматриваетъ спражамъ ихъ спокой-
 ствія и безопасности. — Исполняю обрядъ
 сей въ лицѣ свидѣтеля, и ласкаюсь несо-
 мнѣнною надеждою, что вы оправдаете
 выборъ ихъ бдительною, непоколебимо-
 стію и рвеніемъ. Мысль, что соединенное

(*) Котораго нѣсколько Рѣчей было напе-
 чатано въ Вѣстникѣ Европы передъ симъ
 за три года. Изд.

милосердіе съ правосудіемъ будетъ вашимъ
 закономъ, чпо мы всѣ составимъ здѣсь
 одно согласное и благомыслящее семейство,
 чпо будемъ благородными не по одному
 только званію, но больше по дѣламъ сво-
 имъ, несказанно плѣняетъ и утѣшаетъ
 меня. Мы поищемъ бѣдныхъ, которымъ
 поможемъ, — несчастныхъ, которыхъ утѣ-
 шимъ, — угнѣвленныхъ, которыхъ облегчимъ;
 и тогда — тогда только содѣлаемся прямо
 имени сего достойными. Я опвращаю взоръ
 свой отъ строгаго Манлія — и ицу ме-
 жду вами милосердаго Тина. Какъ судіи
 наши, вы никогда не пройдете мимо тем-
 ницы, не обзрѣвъ въ ней брапій вашихъ,
 жалкихъ жертвъ слабостей человѣческихъ,
 — не вздохнувъ вмѣстѣ съ ними и не вспо-
 мнивъ, чпо тамъ часно заключается
 невинность въ оковахъ — и добродѣпельный,
 сильнѣйшимъ угнѣщенный, носитъ съ
 злодѣемъ однѣ вериги. Такъ будете раз-
 мышлять при осужденіи виновныхъ;
 слезы ваши смѣшаются съ чернилами, и
 изобразятъ на бумагѣ сердце ваше. Чув-
 ства увѣрятъ васъ, чпо вы сами принад-
 лежите къ числу слабыхъ смерпныхъ. —
 Наконецъ обращаюсь къ себѣ. Вы мнѣ ока-
 зали величайшую честь единодушнымъ
 избраніемъ меня въ свои Предводители;
 честь, копорой я столь мало нахожу себя

достоинствомъ. Я многихъ знаю изъ васъ, копорыхъ жизнь должна быть для меня образцомъ, а поступки правилами, и копорыхъ сѣдина означаетъ мудрость и опытность. Зима лѣтъ покрыла уже главу сихъ почтенныхъ старѣйшинъ, и хладомъ своимъ изгнала спраспи и предрасудки ихъ. Сожалѣю, что вы опринули совѣтъ мой, и не избрали изъ среды ихъ для себя и меня наставника. Кто изъ васъ не видѣлъ, что сердца всѣхъ благородныхъ здѣшней Губерніи Дворянъ расположены ко мнѣ, подобно вашимъ (*)? Но если вы оставили для меня въ своихъ сердцахъ прежнее мѣсто, то я награжденъ тѣмъ болѣе, нежели бы всѣми почестями свѣта. — Любовію къ отечеству, привязанностію къ вамъ, почтенные мои Собратья, желаю снискать право на ваше уваженіе, и понести съ собою въ вѣчность.

(*) Г. Полешика единодушно былъ избранъ Губернскимъ Маршаломъ.

Къ Дворянству :

Благородное Собраніе !

Приношу чувствительнѣйшую благодар-
ность за лестную довѣренность, кою
вы меня удостоили, единодуш-
но избравъ къ управленію главнѣйшей
должности въ обществѣ вашемъ. Оста-
юсь въ меньшемъ кругѣ служенія; но
мнѣ драгоцѣнна честь быть предъизбран-
нымъ отъ васъ — и признательность моя
за такое опличіе останется вѣчно запеча-
танною въ моемъ сердцѣ.

VI.

*Нѣчто о прежнихъ и нынѣшнихъ ко-
стюмахъ и декораціяхъ Парижскихъ
театровъ.*

Читая описанія смѣшныхъ костюмовъ,
бывшихъ въ употребленіи на театрахъ во
время Корнеля и Расина, вы осмаетесь
въ нерѣшимости, чему приписать такую
странность, невѣжеству публики, или ея
холодности. Еслибъ нынѣшніе Актеры
осважились въ *Федръ* или въ *Горціяхъ*

явисься въ такомъ уборѣ, въ какомъ представляла Фредру славная Шанмеле — передъ которою самъ Расинъ падалъ на колѣна отъ удивленія — или въ какомъ не менѣе славный Баронъ (*) игралъ спарика Горація; то прекрасные стихи великихъ Поэтовъ не произвели бы никакого дѣйствія, или вмѣсто удовольствія нанесли бы досаду зрителямъ. *Федра*, *Горація*, *Ифигенія*, *Цинна* и всѣ трагедіи Корнелевы и Расиновы въ спаринномъ нарядѣ теперь казались бы саширою на Авшоровъ.

Костюмы и декораціи — сіи важныя принадлежности драматическаго Искусства, безъ которыхъ нѣтъ пріятнаго очарованія театральнаго — въ половинѣ прошлаго столѣтія были совсѣмъ не то, чѣмъ ихъ нынѣ видимъ. Спарики, посѣдѣвшіе въ партеррахъ театровъ Парижскихъ, рассказывающіе много любопытнаго о семъ предметѣ. Ихъ описанія во всемъ сходны съ содержаніемъ письма, напечатаннаго въ 1787 мѣ году въ одномъ Французскомъ Журналѣ, изъ котораго выписываемъ слѣдующія извѣстія:

„За тридцать лѣтъ прежде — говоритъ Авшоръ письма — мѣста предста-

(*) Имя извѣстнаго актера.

вленія лучшихъ нашихъ драматическихъ
 сочиненій ничѣмъ не отличались планомъ
 своимъ и строеніемъ отъ стариннаго Фран-
 цузскаго театра, которой имѣлъ видъ
 дома, гдѣ играютъ въ мячъ (jeu de paume).
 Частъ зрителей сидѣла въ ложахъ, от-
 дѣленныхъ одна отъ другой решетками,
 подобно клезамъ, въ которыхъ запираютъ
 скопину. Другая частъ зрителей помѣ-
 щалась на самомъ театрѣ, гдѣ по обѣимъ
 сторонамъ стояли кресла въ четыре ряда.
 Двенадцать паникадилъ висѣло на теа-
 трѣ даже и въ то время, когда дѣйствіе
 происходило подъ открытымъ небомъ. По
 окончаніи каждаго дѣйствія, паникадила
 опускались; служители со щипцами обра-
 вляли свѣчи, которыя потомъ, при зву-
 кѣ полнаго оркестра, поднимались къ
 верху, въ тактъ подъ музыку. Актеры
 въ трагедіи появлялись въ кольчугахъ,
 къ которымъ пришиты были коротенькія
 юпки, обложенныя въ три ряда золотою
 или серебряною бахрамою. Если надле-
 жало представить Грека, актеръ выхо-
 дилъ въ шлемѣ; если Римлянина — въ
 шляпѣ съ высокимъ перомъ. То и другое
 обыкновенно надѣвалось на большой парикъ,
 котораго волосы заплетаемы были въ три
 косы. Одинъ изъ славнѣйшихъ актеровъ
 того времени имѣлъ привычку — произнося

тирады самыя пылкія и спраспныя, и особенно говоря въ Гасиновой Федрѣ: J'ai vu, Seigneur, j'ai vu votre malheureux fils и проч. — каждой разѣ отбрасываешь за плечо одну изъ висящихъ косъ; публика не только равнодушно смотрѣла на сію ухватку, совсѣмъ не трагическую, но даже почитала ее весьма приличною. Неронъ, при появленіи Агриппины, каждой разѣ снималъ шляпу для вѣжливости. Люзиньянъ и Шапильонъ въ Заирѣ, Гусманъ и Альваръ въ Альзирѣ, обыкновенно одѣшны были по послѣдней Французской модѣ. Альзира и Роксана являлись въ придворномъ плащѣ Версальскомъ. Служанки выходили въ огромныхъ юпкахъ съ фижмами, и отличались отъ своихъ господъ только маленькимъ щегольскимъ передникомъ. У крестьянокъ на всчесаныхъ волосахъ часто блистали алмазы, а крестьяне никогда не являлись безъ башмаковъ съ красными каблуками.

Въ такомъ состояніи были костюмъ и декораціи Парижскаго театра до тѣхъ поръ, пока славный Лекенъ, преодолевъ многія препятствія, не вснужилъ въ общество актеровъ Французской Комедіи. Сей великой Художникъ опмѣнилъ смѣшной уборъ старинной, и съ помощію дѣвицы Клеронъ цвелъ въ употребленіе костюмъ

правильной. Оба они успѣли въ своемъ намѣреніи, руководствуясь отъ части собственнымъ изобрѣтеніемъ, отъ части совѣтами Вольтера, коимъ былъ ихъ другомъ. Но нѣсколько лѣтъ никто не хотѣлъ подражать ихъ примѣру; только они одѣвались по приличію, а другіе Актеры и Актриссы, ихъ товарищи, наряжались по старому, и выходили на театрѣ въ странномъ уборѣ. Это терпимо было очень долго; даже въ 1786 мѣ году Г-жа Гюберти на театрѣ Французской Оперы представляла Клитемнеспру въ старинномъ платьѣ и головномъ уборѣ, а женщины ея свиты были очень бѣло напудрены à la debacle, и въ шапочкахъ à la figaro.

Изъ числа послѣдователей Лекеневыхъ, Ларивъ болѣе всѣхъ споспѣшествовалъ усовершенствованію театрального костюма; онъ нарочно занимался изслѣдованіемъ, какъ Древніе одѣвались, и со вкусомъ умѣлъ выбирать лучшее изъ всего того, что представлялось его наблюденію. Можемъ надѣяться, что костюмъ прагическихъ лицъ часъ отъ часу будетъ подходить ближе къ Исторической истинѣ, и что въ станѣ Агамнеоновомъ уже не увидимъ паникадилъ со свѣчами, какъ бывало прежде, и проч.“

По напечатаніи сего письма, поправлены еще многія погрѣшности, копорѣя не были усмошрѣны ни Леженемъ, ни Ларивомъ, а особливо со всею тщательностію отмѣнено въ костюмѣ и декораціяхъ все то, что противно Исторической истинѣ. Тальма и Дублень, — одинъ превосходной Актеръ трагической, другой очень посредственной — въ послѣднія времена оказали важную услугу драматическому Искусству (*). Дублень съ ревностію ученаго Антикварія упражнялся въ изслѣдованіи костюмовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ; и пріобрѣлъ въ сей части столь отличныя свѣдѣнія, что въ состояніи для каждой пьесы назначить приличный костюмъ, въ самой спрожайшей точности соответствующій лицамъ, мѣсту, времени и обстоятельствамъ.

(*) Тальма при первомъ вступленіи на театральное поприще отличился отъ своихъ товарищей тонкою разборчивостію въ одѣваніи себя, даже въ маловажныхъ роляхъ. Хотя бы надлежало ему сказать на театрѣ не болѣе десяти стиховъ, онъ являлся въ такомъ исправномъ костюмѣ, что самые опытные знатоки не могли открыть въ немъ ниже малѣйшей погрѣшности.

Однакожь все еще замѣчаютъ на обѣихъ главныхъ Парижскихъ театрахъ ошибки на счетъ истины, которыя дѣлаютъ непріятное впечатлѣніе въ просвѣщенномъ зрителѣ, тѣмъ болѣе, что избѣжать ихъ было бы неспрудно. Вся очаровательность исчезаетъ, когда на примѣрѣ передъ Агамемнономъ несутъ Римскіе орлы и знамена съ надписями: S. P. Q. R. (Сенатъ и народъ Римскій). Въ новомъ балетѣ, называемомъ: *Ахиллъ на островѣ Сциросѣ*, замѣчаютъ другую ошибку, столь же странную, которую должно приписывать Живописцу: флотъ Греческой спойтъ на якорѣ съ поднятыми парусами. Негры, при Каирскомъ караванѣ идущіе, обуты въ Европейскіе башмаки, сшитые по послѣднему покрою.

На Театрѣ, такъ называемомъ Французскомъ, дѣлающа еще важнѣйшія погрѣшности противъ правильности костюма; въ этомъ виноваты однѣ только Актриссы. Во всѣхъ комедіяхъ, сочиненныхъ до революціи, мужчины являлись въ плащѣ, приличномъ тому времени; напротивъ того женщины — въ нарядѣ по послѣднему номеру Моднаго Журнала. Опять того часто выходящія странныя прошивуположности; подлѣ Греческаго головнаго убора видятъ большой парикъ; въ Моллеровыхъ и другихъ

старой Школы комедіяхъ видите подлѣ моднаго Мамелюка (*) старинной Французской кафтанъ, шипой золотомъ или обложенной позументомъ.

Такое нарушеніе важнѣйшихъ правилъ Театра должно приписывать не столько обыкновенію, сколько суетности Актрисъ, которыя думаютъ, что въ старинномъ костюмѣ не понравятся зрителямъ.

(Изъ Фр. См.)

VII.

Примѣры расточительности.

Сенека пишетъ, что въ его время женщины носили на ухахъ по три жемчужины, изъ которыхъ каждая стояла богатаго помѣстья. По излишнему пристрастію къ суетному щегольству, онѣ даже на башмаки свои нашивали жемчугъ. Вообще, у Древнихъ жемчугъ почитался драгоценнѣйшимъ произведеніемъ Nature. Богачи не только употребляли его для убора, но по странной прихотливости лакомились имъ, какъ самымъ рѣдкимъ кушаньемъ.

(*) Известное женское платье.

Извѣстна шалость Клеопатры, сей вѣнчанной прелестницы, которая билась объ закладъ съ Антоніемъ, что ужинъ, для ея одной приготовленный, будетъ стоить десять милліоновъ сестерціевъ, то есть, около двухъ милліоновъ нынѣшнихъ Французскихъ ливровъ. Она въ самомъ дѣлѣ за однимъ разомъ проглотила жемчужину въ одинъ милліонъ ливровъ, которую приказала разпустить въ уксусъ, и хотѣла то же сдѣлать съ другою; но Планкусъ, бывшій посредникомъ при закладѣ, опнявши жемчужину, объявилъ, что Клеопатра выиграла. Когда сія славная Царица досталась во власть побѣдителя, опняшую жемчужину разпилили на двѣ части, и сдѣлали изъ нее серьги для Панеонской Венеры. Такимъ образомъ половина ужина роскошной прелестницы послужила на украшеніе богини.

Впрочемъ, не одной Клеопатрѣ и ея любовнику принадлежишь палма за безумную распочинельность сего рода. Сынъ трагическаго Актера Езопа Клодія, получившій отъ отца своего безчисленныя богатства, показалъ примѣръ пышности, не менѣе соблазнительной. Поступокъ сего Актера былъ еще величественнѣе — если только можно здѣсь употребить сіе прилагательное; потому что не закладъ при-

нудилъ его рѣшиться на такое пожертво-
ваніе. Клодй вздумалъ отвѣдать, какой
вкусъ имѣетъ жемчугъ; опшвѣдалъ его,
нашелъ очень пріятнымъ, и за столомъ
приказалъ поднести каждому изъ гостей
своихъ по одной крупной жемчужинѣ.

(Изъ Модн. Журн.)

VIII.

Объ Американскихъ женщинахъ.

Женщины во всѣхъ странахъ менѣе
имѣютъ пороковъ и болѣе добродѣтелей,
нежели мужчины: вотъ истина, которую
мнѣ пріятно проповѣдывать, и которая
каждой день становится для меня очеви-
днѣе. Американцы (*), болѣе нежели
какой-либо народъ въ мірѣ, могутъ хва-
литься тѣмъ, что имѣютъ женъ доб-
рыхъ — и сіе общее правило допускаетъ
весьма не много исключеній. Молодые дѣ-
вушки, будучи воспитываемы въ свободѣ,
имѣютъ такое же участіе въ забавахъ,
какъ и мужчины. Танцы, зрѣлища, про-
гулки, уборы безпрестанно занимаютъ

(*) То есть, жители Республики соединен-
ныхъ Облостей.

ихъ, а особливо если родственники не отказываются имъ въ средствахъ для удовлетворенія желаній. Молодой человекъ, которому удалось понравиться дѣвушкѣ, прежде женитьбы долженъ всячески стараться доставлять своей любезной всѣ удовольствія, и сносить всѣ ея прихоти. Дѣвушки, зная, что вышедши замужъ, принуждены будутъ отказаться отъ прежнихъ забавъ, умышленно откладываютъ день свадьбы, и не прежде соглашаются идти въ церковь для полученія брачнаго благословенія, какъ въ то время, когда предусматриваютъ угрожающую опасность лишиться жениха. Я знаю многихъ Американокъ, которыя на самыя выгодныя предложенія о замужствѣ, на самыя искреннія изъявленія любви отвѣчали, что еще не имѣли времени познакомиться съ удовольствіями, и что, не наслаждаясь ими, не желаютъ заключить себя навѣки.

Неограниченная свобода молодыхъ дѣвушекъ со дня свадьбы превращается въ священное рабство. Тогда онѣ живутъ для семьи и славы, занимаютъ единственно домашними дѣлами, и выходятъ только или въ церковь, или для посѣщенія ближнихъ родственниковъ. Спрашиваютъ къ нарядамъ и шумнымъ удовольствіямъ, кажутся, въ нихъ исчезаетъ, или по крайней мѣрѣ

становится непримѣтною. Заботясь только о хозяйствѣ, онѣ терпѣливо сносятъ ежедневныя непріятности отъ своихъ мужей, извиняютъ въ нихъ недостатки и невѣжливостъ, и любезнымъ обхожденіемъ заславляютъ иностранцевъ забыватъ грубостъ людей, не имѣющихъ понятія о хорошемъ воспитаніи.

Какая розница между ихъ и нашими нравами! какое несходство въ поведеніи! Французскія дѣвушки, живучи подъ властію матерей, и снося муки отъ ихъ прихотей, неперпѣливо ожидаютъ замужства, чтобы поскорѣе избавишься отъ рабской неволи, предаться удовольствіямъ любви и распочительности: Американки, пользуясь свободою, почитаютъ замужство несноснымъ игомъ, и иногда рѣшающія наложить на себя брачныя узы, когда пресыпясь свѣтскими забавами. Онѣ, вышедши за мужъ, проводятъ время подобно нашимъ дѣвушкамъ, а наши женщины послѣ замужства пользуются выгодами дѣвицъ Американскихъ! Оплаю на судъ Чипапелей, иль или другія живущія сообразнѣе съ правилами благонравія и здраваго разума.

Американскія Дамы весьма бережливы въ издержкахъ. Если иногда онѣ и показываютъ излишнюю роскошь, то вообще

это дѣлають для угожденія мужьямъ своимъ, копорые, подобно Европейцамъ, обыкновенно поддерживаютъ довѣріе къ себѣ ослѣпляющею пышностію.

Американки всегда сами кормятъ грудью дѣтей своихъ, сколько бы ихъ ни было. Имъ кажется непонятнымъ, какъ женщина можетъ поручить другой такую должность, копорая по всѣмъ правамъ принадлежитъ матери. Удивительная кротость, рѣдкая терпѣливость, копорыя имъ въ удѣлъ достаются отъ Напурь, дѣлають для нихъ сносными всѣ шрудности заботъ домашнихъ. Если онѣ явно не оказываютъ дѣтямъ своимъ излишней привязанности, — копорую во Франціи, такъ сказать, задушаютъ ихъ — за то во всѣхъ случаяхъ жизни подаютъ имъ помощь свою, и съ нѣжною заботливостію пекутся о нихъ.

Имѣя помную наружность, онѣ отличаются бѣлизною, свѣжестію, веселостію и пріятными ухватками; но сіи дары Напурь не долго при нихъ остаются. Часто прежде двадцати лѣтъ розы на ихъ лицахъ увядаютъ, и юныя прелести исчезаютъ навсегда. Кажется, Амуръ, зная, что мужья недолго обладаютъ красотою, умышленно безобразитъ

женщинъ, которыя оставляютъ его жер-
твенники и отдаются во власть Гименея.

(Изъ Модн. Журн.)

IX.

Выписка изъ Импровизатора.

У многихъ Индѣйскихъ народовъ всѣ жен-
щины и дѣвицы ходящъ нагя, выключая
Нимфъ веселія, по той причинѣ — какъ
говорятъ сіи люди — что онѣ по своему
званію обязаны возбуждать сладоспра-
снныя желанія.

Голые мужчины (на примѣръ въ ку-
пальнѣ) — говорила цѣломудренная Ли-
вія — для глазъ честной женщины суть
то же, что статуи.

Когда Лефранкъ де Поипиньянъ ссо-
рился съ Вольтеромъ, братъ его, бывшій
въ военной службѣ, грозилъ опрубить
уши Поэту. Вольтеръ по сему случаю
написалъ къ Шуазелю слѣдующее: „Не
знаю, что я сдѣлалъ господамъ Лефран-
камъ; одинъ безпрестанно жужжитъ мнѣ
въ уши, другой хочетъ опрубить ихъ. Съ
рифмачомъ я самъ управляюсь, а вамъ
оставляю вѣдаться съ головоузомъ: ибо

мнѣ уши нужны для слушанія, что Слава о васъ вѣщаетъ.“

Аббатъ Шапонёвъ на девятомъ году возраста своего былъ представленъ одному Епископу, который сдѣлалъ ему слѣдующій вопросъ: „послушай, другъ мой! если скажешь мнѣ, гдѣ находится Богъ, то получишь одинъ апельсинъ.“ — Милоспивый государь! — отвѣчалъ ребенокъ: если вы скажете, гдѣ нѣтъ Его, то получите ошъ меня два апельсина.

Боало сказалъ, что между живымъ человекомъ, разбитымъ ошъ паралича, и мертвымъ есть та розница, что первой спраждетъ, а другой ничего не чувспивуетъ.

Дружба вельможи, ласки женщины, учспивость совмѣстника, шеплоша солнечная зимою: вопъ челпыре вещи, копорья, по словамъ одного Автора, менѣе всего продолжительны.

Сарразень, бывъ недоволенъ своею женитпбою, иногда съ важнымъ видомъ спрашивалъ у пріятелией: не лъзя ли найпци способъ раждатп дѣтей безъ женщинъ?

Мольеръ говорилъ, что презрѣнне есть пилюля, копорую проглотитп можно, но не лъзя жеватп, не дѣлая кривляній.

Попе сказалъ: „женщина поступаетъ съ муцинами точно такъ, какъ искусной игрокъ въ шахматы со своими пѣшками;

она привязавшись къ одному, не теряетъ изъ виду другаго, ошъ котораго надѣеися имѣшь выгоды въ случаѣ надобности.

Мы каждой день намацаемъ голову свою *ломадою*, и не знаемъ, откуда происходитъ сіе слово. Въ старину обыкновенно употребляли яблоки (*rotmes*) въ составъ пахучихъ мазей для волосовъ и губъ; ошъ того весь составъ названъ *цэмадою*.

X.

С м ѣ с ь.

Въ лиспкахъ Парижскаго Моднаго Журнала написано:

„Прежде молодой человекъ обыкновенно имѣлъ при себѣ ящикъ съ пузырьками для благоуханій, съ бритвами, съ ножницами, съ эссенціями, съ бумагою для любовныхъ записокъ, словомъ, со всѣмъ шѣмъ, что служитъ къ упѣхамъ и украшенію жизни; теперь молодой человекъ также имѣетъ, или долженъ имѣть ящикъ, но уже съ другими принадлежностями. Въ немъ хранятся кремни, пыжовники, порошокъ, форма для лишья пуль, шомполъ, писподешы — вообще весь снарядъ, нужной для поединка.

Молодой человекъ, готовясь идти гулять на бульвары, наряжается въ кожаные панталоны и большие сапоги; но для верховой прогулки надѣваетъ обыкновенные пантаны изъ нанкина и легкую обувь. Такимъ образомъ, наши щеголи по неизъяснимой странности пѣшкомъ ходятъ въ тяжелыхъ сапогахъ, а ѣздятъ верхомъ въ шелковыхъ чулкахъ.

Извѣстно, что не задолго передъ симъ было въ модѣ повязывать платокъ на шеѣ весьма толсто, такъ чтобы подбородокъ и даже ротъ закрывались; теперь молодые люди носятъ косынки весьма тонкія. Воротъ рубашки возвышается до самыхъ висковъ; но подбородокъ и даже кадыкъ должны быть наружъ.

Новая отрасль торговли ежедневно пріобрѣтаетъ большіе успѣхи. Мы хотимъ говорить о продажѣ цвѣтовъ. На улицахъ, на мостахъ, на набережныхъ, на бульварахъ, у всѣхъ публичныхъ зданій, вездѣ находятъ промышленниковъ, торгующихъ цвѣтами. Никогда еще не было такого расхода на цвѣты. Щеголиха, не имѣя въ рукѣ пучка цвѣтовъ, не можетъ появиться ни въ обществѣ, ни въ театрѣ, ни на балѣ. Чѣмъ становится холоднѣе, чѣмъ рѣже цвѣты, тѣмъ они драгоцѣннѣе и необходимѣе. Если модная дама по какому

нибудь *трезвыгайному* случаю забудеть дома пучокъ свой, благоприсойносьць, пребуешь непременно купишь цвѣшны у шортовки, копорыми наполнены шеапральные корридоры. Услужливые кавалеры не пропускають случая дарить красавицъ своихъ столь уважаемою рѣдкоспїю.“

Аббатъ Морельешъ въ своемъ Похвальномъ словѣ Мармонтелю говоритъ, что сей Писатель при первомъ вступленїи на поприще Словесности началъ сочинять Трагедїи, подобно большей части Литтераторовъ, которые, чувствуя въ себѣ нѣкоторую склонность къ стихотворству, пошчасъ принимаются за самое труднѣйшее дѣло. Дурной прїемъ одной его Трагедїи, и случившееся происшествїе съ Руссо, которой уже 40 лѣтъ былъ Авторомъ, заспавили Мармонтеля остано-
 виться. Онъ упрекалъ себя и признавался, что писалъ не обдумавъ хорошо своего предмета — примѣръ рѣдкой и полезной для молодыхъ Стихотворцевъ! — Г. Морельешъ думаетъ, что въ *Нравоучительныхъ ловѣстяхъ* Мармонтелевыхъ очевидна великая розница между старыми и новыми. Авторъ, сочиняя первыя, велъ жизнь разсѣянную, по большей части въ общеспвахъ, гдѣ ищущъ удовольствїи

подъ всѣми возможными видами; другія писаль послѣ своей женильбы, узнавъ сладость шихаго домашняго счастья. Въ первыхъ видно какое-то разпусиво ума; послѣднія ближе къ Природѣ, потому что сочинены въ такое время, когда страсти утихли. — Потомъ Морельетъ сравниваетъ Мармонтелевъ Курсъ Литтературы съ Лагарповымъ. Въ Курсѣ Лагарпа, говоритъ онъ, собраны полезныя сужденія, и предложены читателю; но Мармонтель наугаетъ судить. Одинъ образуетъ хорошихъ учениковъ; другой — хорошихъ Учителей. Лагарпъ учитъ замѣчать подробности, не пропускаетъ ни одной красоты, ни одной ошибки; Мармонтель наставляетъ, какъ сочинять по правиламъ Пийтики. Одинъ вводитъ насъ въ практику Искусства; другой преподаетъ ученую Теорію. У Лагарпа были и должныствовали бытъ слушателями люди свѣтскіе, молодые и Дамы; Мармонтель писалъ для такихъ, которые сами горшуются бытъ Профессорами.

*

Шиллеръ, живучи въ Шпуптгардѣ, трудился весьма прилѣжно надъ сочиненіемъ *Фіеско*, и говорилъ одному изъ своихъ пріятелей: „Мои *Разбойники* могутъ погибнуть; но *Фіеско* останется въ памяти потомства!“ — Достойно замѣчанія, что

знаменимый Поэтъ въ самомъ дѣлѣ былъ недоволенъ первою своею Трагедіею, и написалъ на нее Критику, въ которой безъ пощады нападаетъ на выборъ предмета, на разположеніе и характеры трагедіи *Разбойники*. Одинъ Франкфуртскій Журналистъ горячо вступился — было за Шиллера, не зная, что строгій Рецензентъ былъ — самъ Авторъ.

*

Выписываемъ изъ Историческаго Журнала *Колье* нѣсколько анекдотовъ, помѣщенныхъ въ *Мониторъ*. Авторъ извѣстенъ по связи своей съ славными Литтературами: Фонтенелемъ, Кребийономъ, Соренемъ, Дюкло, Панаромъ, и по нѣкоторымъ драматическимъ сочиненіямъ.

Дѣвица Шанмеле спросила у Расина, откуда онъ взялъ содержаніе для своей Трагедіи: *Авилья*. — „Изъ стараго (вепхаго) Завѣта.“ — опвѣчалъ Поэтъ. — Изъ стараго Завѣта? подхватила Актрисса: развѣ вы не знаете, что есть новой?

Лесажь, давъ слово Дюшессѣ Буильионъ прочиташъ ей свою Трагедію: *Тюркаретъ*, до представленія на театрѣ, за нѣкоторыми недосугами не успѣлъ придти къ ней въ назначенное время къ обѣду. Дюшесса приняла его съ примѣшнымъ негодованіемъ, и сказала, что онъ заспавилъ

ее потеряшь цѣлой часъ. „Когда такъ, милоспивая государыня — ошвѣчалъ съ холодноспію Лесажъ; — шо я вамъ, доставлю случай *выиграть* два часа;“ поклонился и ушолъ. Хозяйка просила его ворошиться, посылала за нимъ людей — тщетно! Лесажъ не захотѣлъ ни обѣдать, ни читать своей піесы.

Одинъ забавникъ подалъ о чемъ-то прозьбу Дюку Орлеанскому, и выбралъ такое время, когда у Регенша почти никого не было изъ посипороннихъ. Прозьбу прочли по обыкновенному порядку. Просипель, дождавшись конца, подалъ другую бумагу, и сказалъ: „не угодно ли Вашему Высочеспву прочеспвъ еще въ спихахъ?“ — Съ охотою — ошвѣчалъ Дюкъ: подайте. — По прочпеніи спиховъ, нашъ забавникъ опяшь спалъ просить, чшобы дозволено было ему пропѣть написанное. Дюкъ согласился, и просипель запѣлъ. — „Если угодно Вашему Высочеспву, шо я пропляшу свою челобитную.“ — ~~Пропляшите~~ — ошвѣчалъ Регенпъ: никогда еще не удавалось мнѣ видѣть, чшобы плясали челобитную; изобрѣтеніе ваше доспойно награды; вы получите желаемое.

✱

Извѣстно, что въ Парижѣ есть Цельшическая Академія, копорая занимается

изслѣдованіемъ языка и вообще всего, что относится до древней Галліи. Сія Академія поручила Сенапору Волнею разсмотрѣть сравнительный Словарь всѣхъ языковъ, собранный по повелѣнію Великой ЕКАТЕРИНЫ Г-мъ Палласомъ, и напечатанный на издѣвеніи Правительсва. Первая часть Словаря состоитъ изъ двухъ предисловіи Латинскаго и Рускаго, и изъ сравненія ста приращи словъ на двухъ видахъ языкахъ Европейскихъ и Азійскихъ; слова напечатаны Русскими буквами. Г. Волней въ донесеніи своемъ Академіи пишетъ, что книгу сію должно считать драгоценностію для такого Общества, которое особенно занимается сравненіемъ языковъ. Намъ показалось страннымъ, что онъ, не умѣя по Русски читать, обвиняетъ въ томъ не себя, но насъ. Вотъ переводъ сего мѣста: „Не понятно, по чему Правительство такой земли, которая уже цѣлою вѣкѣмъ старается сравниться съ прочими Европейскими Государствами, и которая перенимаетъ у насъ искусство и обычаи, не приняло нашей азбуки, издревле господствующей въ просвѣщенныхъ Государствахъ, и по чему оно опдало преимущественно алфавиту, которой въ ученѣмъ свѣтѣ не извѣстенъ?“ По тому Г. Волней, что съ помощію нашей азбуки Владиміръ,

Ярославъ, Несторъ и Боянъ писали на своемъ языкѣ тогда, какъ нашъ былъ еще безобразною смѣсью, не имѣющею своихъ собственныхъ письменъ. — Замѣтимъ также, что Г. Волнѣй жалуется, будто азбука наша бѣднѣе Французской, и будто нѣтъ въ ней горланной буквы ѣ. И Академія всему этому повѣришь!!

ХІ.

Къ незнакомой Благотворительницѣ.

Имѣю честь объявить незнакомой Благотворительницѣ, трудившейся въ Москвѣ для дѣлъ богоугодныхъ, что изъ присланныхъ оцѣ нее денегъ *сто двадцать пять* рублей минувшаго Ноября въ 29 день отправлены чрезъ Почту въ Войсковую Уральскую Канцелярію, для дополненія суммы, собираемой на изкупленіе дѣшей Акулины Кривобоковой изъ Хивинскаго плѣну; а послѣдніе *пять* рублей по желанію Благотворительницы употреблены на заплашу за пересылку и на раздачу бѣднымъ. Титло посредника между благодѣшнымъ Геніемъ и спраждущимъ человекомъ почишаю пріятнѣйшею за труды мои наградою.

Издатель.

ПОЛИТИКА.

I.

Хищенія Наполеоновы.

Чего опасались Государства Европейскія, то самое было предметомъ честолюбія для новаго власнелина Франціи. Подъ предлогомъ сочиненія конституціи для народа, совсѣмъ ему не принадлежащаго, составлена многолюдная Консулыша изъ разныхъ чиновъ государственныхъ, и вызвана изъ отечества для того, чѣобы разсуждать о дѣлахъ, отъ копорыхъ зависѣло благоденствіе отечества. *Свободные* голоса сихъ Депушаповъ народныхъ выбрали Наполеона главнымъ правителемъ Италіянскон Республнкы.

Такимъ образомъ онъ спалъ Президентомъ новоустроенной Республнкы, съ тѣми же правами, съ тѣми же преимуществами, но есть съ такимъ же неограниченнымъ деспотизмомъ, какой присвоилъ себѣ въ качествѣ перваго Консула Франціи. Италіянскіе департаменты образовались по примѣру Французскихъ, въ спискахъ стояли подлѣ сихъ послѣднихъ, или лучше сказать, были перемѣшаны съ ними; гар-

низонъ въ Италіянской Республикѣ соспо-
ялъ изъ Французовъ; Италіянскія войска
зависѣли отъ Французской Республики.
Италіянская гвардія безсмѣннаго Прези-
дента, сдѣланная съ Французскою гвар-
діею безсмѣннаго Консула, служила ему
орудіемъ при исполненіи такихъ замы-
словъ, въ коихъ онъ боялся положишь-
ся на Французовъ.

Разпространеніе областей сей мнимой
Республики казалось Наполеону способомъ
увеличить собственную власть; по чему
онъ и старался произвести въ дѣйство
свои честолюбивыя замыслы. Онъ ограбилъ
Папскую область, и въ мирное время по-
ступилъ съ нею, какъ съ землею непріятельскою,
ссылаясь на какіе-то договоры,
заключенные съ прежнимъ Папою. Скоро
потомъ, не объявляя никакого права, ника-
кого предлога, опирался у младенчествую-
щаго Короля наслѣдіе, можетъ быть, одно
только законно ему принадлежащее. Парма
и Пиаченца, коихъ въ прошломъ сто-
лѣтіи подали причину къ важнымъ пере-
говорамъ, заставили вооружиться многія
Государства, и были содержаніемъ многихъ
трактатовъ, присоединены къ Республикѣ,
и составили нераздѣльную часть новаго
Королевства Италіи; нехитрошею не при-
зналъ нужнымъ, по крайней мѣрѣ изъ ува-

женія кѣ принятому обыкновенію, носовѣ
пованься съ прочими Государствами, и
нарушающа ли выгоды ихъ такими при
своеніями.

Разпространеніе Италіанской Респуб-
лики, можетъ бытъ, возбудило бы зависпѣ
Державѣ Европы, если бы сія Республика
имѣла бытѣе независимое; но она, бывѣ
поржесивенно провозглашена Государствомъ
свободнымъ, ни минуты не пользовалась
своею свободою.

Валезцы были не счастливѣе Италі-
янцевъ. Имѣя одно происхожденіе, одина-
кѣе обычаи, одинъ духъ и однѣ выгоды со
Швейцарами, они хотѣли соединиться съ
ними итѣснѣе прежняго; бывѣ вѣрными
союзниками, хотѣли соспавить одинъ на-
родъ. Вошѣ надежное средство утвердишѣ
свою независимоспѣ; по тому - то самому
имѣ и не дозволено исполнишѣ планъ свой,
и оградишѣся безопасностію отѣ нападенія
или вліянія безпокойнаго сосѣда на ихѣ
свободу. Вооруженная сила, оскорбленія,
часпнымъ людямъ наносимыя, Махіавели-
ческія правила разсѣвать несогласія — все
было употреблено для разрыва союза,
почти заключеннаго между Валезцами и
Швейцарами. Два народа, издревле союз-
ные между собою и независимые, не могли
утвердишѣ итѣснѣйшей связи. Валезцы

прошивъ своей воли оппоржены отъ Швейцарь. Союзъ Гельвенической разрушенъ Французами, какъ древній Ахейской разрушенъ Римлянами; сіе Государство, объявленное вольнымъ, подобно городамъ Греческимъ, поставлено на чреду областей покровительствуемыхъ, то есть подвластныхъ великой націи. Тому доказательствомъ служить могутъ: пребываніе въ Швейцаріи дипломатическаго Агента Французскаго, которой есть орудіе неограниченной воли покровителя, — опредѣленіе чиновниковъ къ важнѣйшимъ должностямъ по благоизволенію Наполеона, — переходы Французскихъ войскъ чрезъ Швейцарскія области, — учрежденія дорогъ, которыя сдѣлались собственностью покровителя и средствомъ налагать тяжчайшія оковы на покровительствуемыхъ.

Точно то же можно сказать и о Гризонахъ. Съ ними поступлено по тому же плану, и для тѣхъ же слѣдствій; покровительствуемые Гризоны, подобно Вalezцамъ, находятся въ состояніи рабства.

Но всѣ сіи покушенія прошивъ независимости вольныхъ народовъ ничего еще не значатъ въ сравненіи съ тѣмъ, что угрожаетъ Швейцарамъ. Ихъ древняя свобода подтверждена послѣдними трактатами. Ясно сказано, что они могутъ из-

брашь для себя такой образъ правленія, какой признаюшь выгоднѣйшимъ. Революціонная и Якобинская Конспишуція, которую дала имъ Директорія, была не сообразна съ ихъ старинными обычаями, законами, Религією, взаимными отношеніями Кантоновъ. Швейцары спонали подъ ненавистнымъ игомъ, и неперпѣливо желали освободиться. Человѣкъ великодушный ополчился на защищеніе Гельвейической вольности; онъ рѣшился освободить свое отечество, какъ нѣкогда Оразибуль избавилъ Аѳины, какъ Вильгельмъ Тель разрушилъ оковы Швейцаріи. Тираны не могли пропустить мудрымъ его намѣреніямъ, неутомимымъ усиліямъ, волѣ всѣхъ Кантоновъ. Они удалились, но призвали къ себѣ на помощь силу чуждую, и отворили дверь для всѣхъ золъ на пагубу своего отечества; словомъ, они попросили заскупленія у Наполеона.

Первый Консулъ изъявилъ негодованіе, что народъ храбрый и великодушный осмѣлился помышлять о свободѣ, и пользоваться существеннымъ преимуществомъ вольности полипической, что еспь, осмѣлился писать для себя законы. Наполеонъ, не бывъ прошенымъ, повелительнымъ образомъ предложилъ свое посредничество, и велѣлъ многочисленному войску вступить въ Швейцарію. Защищники свободы обло-

жены оковами; Депушапамъ, назначеннымъ отъ Наполеона, приказано явиться въ Парижъ. Тамъ полетительный посредникъ объявилъ имъ свою волю, предписалъ свои законы, далъ свою конспирцию, сообразную собственнымъ его выгодамъ, и имѣющую цѣлю ослабить старинной духъ-свободы, привести республиканцевъ въ безсиліе и присвоить тирану Французовъ деспотическое вліяніе на Швейцарію. За сію цѣну войско посредника вышло изъ Гельвеціи, и Швейцарамъ дозволено спокойно наслаждаться благодѣянїями властолюбиваго ихъ покровителя.

Но сіе покровительство, объявленное въ пышныхъ фразахъ, исполняемое деспотически, есть не что иное, какъ порабощеніе. Съ тѣхъ поръ Швейцарія отдѣлилась отъ прочихъ Государствъ Европы; съ тѣхъ поръ воля Франціи служитъ для нея закономъ, ея войска принадлежатъ Франціи, ея области отторены для одной только Франціи. Державы Европейскія могутъ ли равнодушно смотрѣть, когда Франція похищаетъ себѣ такую землю, которая по мѣстному своему положенію сопредѣльна Нѣмецкой Имперіи, Австріи и Италіи, и когда черезъ горы Симплонъ и Ценисъ дѣлаются удобнѣйшія дороги для безпрепятственнаго сообщенія съ Италіею!

Если здравая Политика требуетъ, чтобы свято была хранима свобода и независимость областей, лежащихъ между сильными Государствами; если ошъ ихъ бышя, хотя по видимому маловажнаго въ политической Системѣ, зависитъ общее равновѣсїе: то чего не должна опасаться Нѣмецкая Имперія съ тѣхъ поръ, какъ имя Швейцарїи вымарано изъ списка областей независимыхъ? ибо Швейцарія политически не существуетъ съ той самой минутой, какъ наложено на нее иго покровительства Франціи. Горе такому Государству, которое, наслаждаясь крошккою свободою и всѣми признанною независимостию, для поддержанія сей независимости имѣетъ нужду не въ правахъ народныхъ, но въ постороннемъ покровительствѣ, и которое не задищается общимъ согласіемъ Державъ, находящихъ собственную свою пользу въ его благоденствїи. Единственный покровитель есть не что иное, какъ полный властелинъ и обладатель.

Что сказалъ бы, что сдѣлалъ бы Наполеонъ, еслибъ Французъ II предупредилъ его, оказалъ такую же предприимчивость, сослался на тѣ же причины, въ качествѣ вооруженнаго посредника вмѣшался въ ссору Швейцарь, занялъ области ихъ своими войсками, посягнулъ на личную свободу

Генераловъ , защитниковъ ихъ опечества , велѣлъ Депутатамъ ихъ прѣхать въ Вѣну , далъ имъ свою конспиритицію , и сказалъ : „вошѣ вамъ законы ; о другихъ не помышляйте ;“ если бы онъ присвоилъ себѣ всѣ преимущества , которыя находилъ бы полезными не только для своего народа , но и для дальнѣйшихъ своихъ честолюбивыхъ намѣреній ? Тогда Французскихъ шипографій не доставало бы для заготовленія разныхъ возраженій и ругательныхъ ошзывовъ ; тогда въ огромныхъ листкахъ Моншпѣра не вмѣщались бы всѣ Разсужденія , сочиненныя для того , чшобъ доказать , сколь опасна для Европы такая честолюбивая предприимчивость ; тогда краснорѣчивый Талейранъ завалилъ бы Дипломатиковъ своими ношами и окружными письмами , и для пробужденія всѣхъ Державъ кричалъ бы во все горло о насильствѣ , пагубномъ для общаго спокойствія ; тогда спотысячное войско немедленно двинулось бы , не столько для защищенія Гельветической свободы , какъ для того , чшобъ лишить Австрію присвоенныхъ выгодъ , обуздашь ея честолюбіе , и могущество ея удержашъ въ предѣлахъ , предписанныхъ пракшами.

Но Австрія промолчала ; другія Государства Европы равнодушно смолчали на

споль чрезвычайное происшествіе. Между прѣмь, какъ въ Кабинетахъ разсуждали, еси ли это casus belli, Швейцарія порабощена совершенно, Франція безпрестанно пользовалась правами своего протектората, Республика Гельветическая подъ игомъ новой конституціи сдѣлалась Французскою провинціею, управляемою Проконсуломъ, въ особѣ Дипломатическаго Министра.

Голландія, не смотря, на безчисленные пагубныя пожертвованія, которыя сдѣлала она для выгодъ Франціи, — не смотря на всегдашнюю готовность повиноваться Тюльерійскому кабинету, — не смотря на рабское подобострашіе, съ которымъ она перпѣла ежедневныя обиды и насилія, — Голландія, говорю, все еще не довольно была порабощена. Нѣтъ нужды, что ея сокровища, арсеналы, войско, флоты принадлежали болѣе Франціи, нежели ей самой; нѣтъ нужды, что она содержала на своемъ иждивеніи Французскія войска, не для защищенія себя, но для укрѣпленія оковъ своихъ; нѣтъ нужды, что Французскіе Генералы, дипломатическіе Агенты, даже чиновники таможенные управляли несчастною Республикою съ большею властію, нежели сама Директорія: протекторатъ все еще пока-

звало признаки свободы, могло бы еще возбудить умы и возпламенить патриотизмъ въ гражданахъ. Для предупрежденія сего *несчастія* выдумана новая конституція.

Она самаго начала Якобинской революціи, кою легкоймысленные Голландцы допустили впортнуться въ опечесство, они, по еспранной снисходительности, принимали всѣ конституціи, какія только Франціи было угодно давать имъ; не пропускали ни одного случая ввести у себя такой образъ правленія, какой на ту пору былъ въ модѣ во Франціи. Такъ могутъ ли они теперь жаловаться, что Деспотъ, пораболившій Францію, хочетъ и ихъ сдѣлать своими рабами?

Какъ замисловано пишутъ добросердечные Голландцы въ Изображеніи причинъ, побудившихъ уничтожить прежній образъ правленія! Они пишутъ видятъ надежнѣйшее средство укрѣпить связь свою съ гужестранными Державами, а особливо съ могущественными обладателями Франціи. О! конечно, связь ихъ съ могущественнымъ обладателемъ Франціи сдѣлалась еще крѣпче, еще неразрывнѣе, нежели прежде. Они желаютъ, чтобы народъ Батавской, принявъ новую Конституцію, нашелъ въ ней вѣрное порушительство въ своей

независимости, политической и гражданской. Сие желаніе можно удобнѣе выговорить, нежели произвеси въ дѣйство. Они надѣются — эта надежда скорѣе сбудется, нежели желаніе — что власть болѣе снѣсенная не встрѣтитъ важныхъ препятствій при исполненіи своихъ намѣреній. Прекрасно сказано! никто не сомнѣвается, что съ тѣхъ поръ, какъ власть снѣсена въ рукахъ Пенсіонера Шиммельпенника, стариннаго поклонника Наполеонова, сей послѣдній не встрѣтитъ никакихъ препятствій при исполненіи великихъ своихъ намѣреній. Теперь уже ничто не мѣшаетъ ему назваться Императоромъ Баварцевъ по тому же праву, по какому онъ присвоилъ себѣ званіе Императора Французовъ. Выдумка хороша, конспиріуціями поработать области! Правда, такія завоеванія, можетъ быть, не славны, не блистательны; за то быстры и столько же пагубны для Государствъ, сколько тѣ, которыя дѣлаются пушечными выстрѣлами.

Не лъзя упрекать Наполеону, что онъ не зналъ сего средства, неизвѣстнаго древнимъ завоевателямъ, и что имъ къ стапши не воспользовался. Онъ самъ утвердилъ свое величіе на безпреспанной перемѣнѣ конституцій, съ помощію копорыхъ изъ подчиненнаго Генерала сперва

сдѣлался временнымъ правителемъ вольной Республики, потомъ — правителемъ безсмѣннымъ со властію безпредѣльною, какой не имѣетъ ни одинъ изъ Государей.

Самъ верховнаго безсмѣннаго правителя послужилъ для него ступенью къ достиженію вершины человѣческаго величія — къ достиженію Императорскаго достоинства! Спось быспро слѣдовали перемѣны въ состояніи человека, которой родился на бѣдномъ островѣ, въ бѣдномъ званіи, среди бѣднѣйшаго народа! Онъ проходилъ окровавленныя степени въ злодѣйскомъ войскѣ революціонномъ; вытѣснилъ великодушнаго своего покровителя, котораго соспрадательнспси обязанъ своимъ воспитаніемъ; теперь презираетъ Монарховъ, рѣшитъ судьбу Государствъ, даетъ и опнимаетъ короны, лишаетъ Государей ихъ обласпей, возводитъ на престолы новыхъ, во всѣхъ поселяетъ претепъ, и заставляетъ молчать негодующихъ. Все это еспъ плодъ перемѣнъ въ конституціяхъ, предлагаемыхъ, такъ называемымъ, Хранительнымъ Сенатомъ на утвержденіе смиренному Наполеону, которой самъ сочинялъ ихъ.

Равнымъ образомъ, благодаря перемѣнамъ въ конституціяхъ, Италіянская Республика превратилась въ Королевство

Ипалїи, и желѣзная корона Ломбардская, сіявшая на главахъ Нѣмецкихъ Императоровъ, dospалась Наполеону Бонапарте, кошорой увѣнчалъ себя діадимомъ Карла Великаго. — Сїи перемѣны, такъ сказать, домашнїя, по словамъ Французскихъ Журналистовъ, не имѣли нужды въ согласїи Европейскихъ Государей.

„Такъ! Государствамъ Европы остается спокойно смотрѣть на революціонныя перемѣны въ народѣ независимомъ; остается удивляться и не вмѣшиваться въ произшествїя. Франція сама должна знать, лучше ли ей быть подъ правленїемъ Монархическимъ или республиканскимъ. Пускай Ипалїянцы сами взвѣшиваютъ причины, заснавившія ихъ желанїе, чпобы Президентъ принялъ званїе Короля. Существенныя отношенїя сихъ Государствъ — какъ взаимныя между собою, такъ и къ прочимъ Державамъ Европы — ни въ чемъ не перемѣнились. Новый Императоръ и Король ничего не прибавилъ ко власпи перваго. Консула и Президента. Перемѣна произошла только въ именахъ, а до именъ никому нѣтъ нужды, кромѣ народовъ, давшихъ оныя!“

Никому нѣтъ нужды? Развѣ не известно, что есть случаи, а особливо въ Полишикѣ, гдѣ имена весьма много зна-

чатъ? Австрія не забыла еще, чего стояло ей, назадъ тому сто лѣтъ, согласишься, чтобы Курфирстъ Брандебургскій къ титулу своему прибавилъ названіе — только названіе — Короля.

Какъ! древнимъ фамиліямъ Царскимъ, нынѣ занимающимъ престолы въ Государствахъ Европы, нѣтъ нужды, что шайка удалцовъ вознеслась изъ праха, и не только равняется съ ними, но хочетъ взять преимущество, заставляя опасаться предложенія съ своей стороны союза, которымъ всѣ гнушаются, но котораго не принявъ не можно слабымъ соседямъ?

Имъ нѣтъ нужды, когда такимъ соблазнительнымъ возвышеніемъ помрачается блескъ знаменитыхъ поколѣній, которыхъ начало теряется во мракѣ древности; когда уваженіе къ принятымъ мнѣніямъ, столь нужнымъ для славы и безопасности Вѣнценосцевъ, исчезаетъ подобно дыму; когда обширное поле открывается для всякаго смѣльчака, которому революціонныя злодѣйства могутъ служить ступенями къ достиженію вершины величія, и которой почтеніе для себя деломъ дозволеннымъ добиванья короны, если Европа признаетъ Императоромъ и Королемъ человека, родившагося на ма-

комъ островѣ , откуда Римляне спыдились вывозить рабовъ ?

Какъ ! имъ должно почтить высокимъ , первымъ саномъ въ мѣрѣ независимое хищеніе , и дозволить безпредѣльному честолюбію присвоить себѣ достоинство и отличія одного изъ знаменитѣйшихъ западныхъ Героевъ ? должно допустить , чтобы рабской голосъ ласкапельства — копорой можеть сдѣлаться вѣщаніемъ Славы , если не будутъ приняты нужныя мѣры — пріучилъ ухо народа слушать равнодушно , какъ называютъ удалца Героемъ ? должно допустить , чтобы дерзкой человекъ хищенія свои навсегда утвердилъ за собою , и пріучилъ Европу смотрѣть не только безъ негодованія , но даже съ удивленіемъ на то , что онъ сдѣлалъ , и что впредь можеть сдѣлать ?

Имъ нѣтъ нужды , когда нарушены священныя и неизмѣняемыя права Царскихъ фамилій , владѣющихъ престолами по Божіей милости , по праву меча , по наследству , и когда наравнѣ съ ними , или еще выше ихъ становится счастливое чадъо злодѣйства и революціи , которое , для прикрытія своего хищническаго , ссылается только на мнимое согласіе и волю народа ?

Имъ нѣтъ нужды , чью Государство , страшное по своей обширности и по пред-

пріимчивому духу жителей, безпрестанно перемѣняешь свою конспиріацію? что оно, въ теченіе пятнадцати лѣтъ бывъ сначала конспиріаціонною Монархіею, потомъ анархическою Демокраціею, далѣе тиранническою Олигархіею, наконецъ деспотизмомъ, утѣснительнымъ для гражданъ, властолюбивымъ въ отношеніи къ сосѣдамъ, всегда шло по пути мятежей, имѣло цѣлю порабощеніе всего окружающаго, не оставалось ниже двухъ лѣтъ съ однимъ образомъ правленія, и переходило отъ одной революціи къ другой?

Имѣешь ли ты нужды, когда проповѣдуешь ученіе о волѣ народа, ученіе революціонное, анархическое, опасное для законныхъ правительствъ? Если по волѣ народной древніе Дома, Бурбонскій и Савойскій, законно лишились престоловъ наследственныхъ, то не лъзя ручаться, что и нынѣ царствующіе Государи не испытаютъ на себѣ пагубныхъ дѣйствій сей главной статьи революціоннаго уложенія о правахъ челоуѣка. Если, по силѣ народной воли, нынѣшній императоръ престола Французскаго и Италіянскаго есть законный владѣтель, то ни одинъ уже Государь не будетъ имѣть права жаловаться противъ хищеній какого-нибудь удалика, которой съ помощію злодѣйствъ, револю-

цій и мятежей воспользуется изнеможеніемъ народа, употребивъ извѣстныя средства, споспѣшествующія къ достиженію предположенной цѣли, заставитъ поднести себѣ корону по праву смѣшной независимости народа — сего предлога къ перемѣнамъ, полезнымъ для отважныхъ искателей счастья.

(Изъ Англ. Газет.)

II.

Извѣстія и замѣчанія.

Извѣстія о занятіи Французами Меммингена и Ульма и о здачѣ Австрійскаго Вернекова корпуса, къ несчастію, оказались справедливыми: Октября 13го Бонапарте приказалъ окружить Ульмъ. Въ слѣдующее утро Маршалъ Ней, послѣ упорнаго сраженія, овладѣлъ мостомъ при Элхингенѣ. Въ то же время Маршалъ Ланъ занялъ возвышенныя мѣста при деревнѣ Пфуль; не далеко отъ Ульма, а стрѣльцы взяли приступомъ окопъ передъ мостомъ. Генералъ Мармонъ занялъ мосты на рѣкѣ Иллерѣ. Октября 15го Маршалъ Су овладѣлъ Биберахомъ. Бонапарте приказалъ корпусамъ Маршаловъ Мюра, Лана и Ней въ бое-

вомъ порядкѣ идти на приступъ къ Ульму. Однакожъ прежде Генераль - Майоръ Князь Лихтенштейнъ вызванъ былъ изъ города въ главную квартиру Французскаго войска; ему предложено, что оппоръ ни къ чему не послужишь, что Австрійцы должны сдатьсь безъ сраженія, и что въ противномъ случаѣ Бонапарте прикажетъ вырѣзатьъ весь гарнизонъ, какъ сдѣлалъ онъ въ Сиріи подъ Яфою. Князь Лихтенштейнъ требовалъ, чтобы войско выпущено было на честное слово. „Офицеровъ оппустить соглашаюсь — опвѣчалъ Бонапарте: но рядовыхъ удержу; ибо кто мнѣ поручится, что ихъ не возмутъ въ другіе полки, и что они снова не будутъ противъ меня сражаться? Однакожъ — продолжалъ онъ, не много подумавъ — хочу оказать уваженіе мое Эрцгерцогу Фердинанду; если онъ находится въ Ульмѣ, и если поручится, что рядовые солдаты служить не будутъ, — повѣрю его слову.“ Князь опвѣчалъ, что Эрцгерцогъ выступилъ изъ Ульма. — Генераль Лейшенантъ Маккъ подписалъ капитуляцію; Генералы и Офицеры оппущены на честное слово, а солдаты опведены во Францію.

Такимъ образомъ опъ Австрійской арміи въ Швабіи остался одинъ корпусъ, которой подъ предводительствомъ храбраго

Эрцгерцога Фердинанда пробился сквозь непрятельскія линіи, пошелъ черезъ Франконію, гдѣ долженъ былъ выдержать нѣсколько жаркихъ сшибокъ съ Французами, и соединился съ Россіянами. Весь безпорядокъ особенно должно приписывать неожиданному приближенію Бернадотова корпуса, которой прошелъ черезъ Аншпахъ, нарушивъ неупралиментъ Двора Прусскаго. Военная Комиссія, наряженная въ Бриннъ для изслѣдованія поступковъ Генераль - Лейтенанта Макка, откроешь, до какой степени надлежитъ обвинять сего несчастнаго Полководца. То же самое нарушеніе неупралимента и правъ народныхъ, котораго ниже отъ самаго Бонапарте не лзя было ожидать при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, было причиною, что Россійское войско не могло въ свое время соединиться съ Австрійскимъ. Послѣ всего случившагося, Генераль Голенищевъ - Кутузовъ долженствоваль оставить занятыя мѣста при Иннѣ, и чтобы не допустишь Французовъ обойти немногочисленной — въ сравненіи съ непрятелями — корпусъ, нашель нужнымъ опспушить къ сторонѣ Вѣны. О храбрыхъ оппорахъ Россіянъ мы знаемъ уже по реляціямъ, напечатаннымъ въ Вѣдомостяхъ. Побѣда надъ Французами при Кремсѣ пор-

жественно возвѣщена народу. Дальнѣйшія подробности о семъ дослославномъ подвигѣ сообщены въ своемъ мѣсцѣ.

Вѣрные Венгерцы на первомъ засѣданіи Сейма обѣщались выставить 50000 человекъ готоваго войска, сверхъ того 20000 рекрутъ для дополненія полковъ, нынѣ состоящихъ въ службѣ. Они, видя въ опасности свободу Европы и славу своего общества, теперь одушевлены тѣмъ единомысліемъ, тою любовію къ общему благу, какими исполнены были въ день, незабвенный въ Исторіи восклицаніемъ: *Moriatur pro Rege nostro Maria Theresia!* умремъ за нашего Короля Марію Терезію!

Дюрокъ повезъ изъ Берлина Ноту, подписанную Барономъ Гарденбергомъ, Государственнымъ и Кабинетнымъ Прусскимъ Министромъ. Въ сей Нотѣ между прочимъ находятся выраженія весьма непріятныя для Наполеона, и весьма выгодныя для Союзниковъ. Замѣшимъ еще, что въ Ллойдовомъ кофейномъ домѣ объявлено слѣдующее: „Консуль Прусскій имѣетъ повелѣніе увѣдомить всѣхъ корабельныхъ начальниковъ Прусскихъ, нынѣ находящихся въ Англіи, чпобы они не входили въ пристани Французскія или Голландскія, гдѣ можетъ случиться съ ними несчастіе.“
Сверхъ того отправленіе чрезвычайнаго до-

сольства отъ Короля Великобританскаго къ Прусскому подаеиъ причину думашъ о заключеніи новаго, важнѣйшаго трактата. Лордъ Гарровби, бдущій въ качествѣ Посла, есть искренній другъ Пруссіи; сей дальновидный и опытный Полпикъ отличился въ Парламентѣ если не множествомъ Рѣчей, то по крайней мѣрѣ умомъ своимъ и краснорѣчіемъ. Прибавимъ къ тому, что войскамъ, которыя шли въ Южную Пруссію, внезапно приказано направитъ путь свой въ Вестфалію и Франконію, и идти черезъ владѣнія Курфюрста Саксонскаго. Но всего утѣшительнѣе для Европы искренняя пріязнь Фридриха Вильгельма къ **ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ**.

*

Передовые посты Бернадоша находящіяся на рѣкѣ Сальцѣ. Много Французскаго войска идетъ къ сторонѣ Курфюршества Сальцбургскаго. Кажется, что планъ ихъ состоитъ въ занятіи сей области, чтобъ зайти въ Тироль съ пылу, открытъ сообщеніе черезъ Каринтію съ арміею Массены, и если можно, отрѣзать Эрцгерцога Карла. Между тѣмъ сей Принцъ доноситъ отъ 19 Октября изъ главной квартиры своей Сен - Стефано, что непріятель наканунѣ переправился черезъ Адиджѣ

при Веронѣ и Бонавиго; но скоро возвратился обратно, оставивъ на здѣшной сторонѣ одинъ только постъ подъ прикрытіемъ своихъ башарей. — Въ Тиролѣ производится поголовное вооруженіе. Непрїятель ничего еще не предпринималъ противъ сей области, можетъ быть отъ того, что войска его еще не опамятавались отъ сраженій подѣ Ульмомъ и послѣднихъ походовъ. — Увѣряюшъ, и кажется не безъ основанія, что Императорскія войска, въ Австріи находящіяся, будутъ усилены многими полками изъ Италіи, а мѣсто сихъ заступяшъ Россіяне, прибывшіе изъ Корфу.

 III.

С Т И Х И

*На побѣду Русскихъ надъ Французами
при Кремлѣ.*

(Сочинены по полученіи перваго извѣстія
въ Москвѣ.)

Побѣда! — Россы торжествуютъ!

Побѣда, первой Россовъ шагъ!

Сыны Отечества ликуютъ:

По стогнамъ радость и въ домахъ!

Пойдемъ, предъ трономъ Бога брани

Возвысимъ благодарны длани;

Прольемъ чистѣйшій сердца жаръ :
 „Ты насъ ведешь, Тобой — сражаемъ ;
 „Твою мы правду защищаемъ :
 „Тебѣ приносимъ первый даръ !

*

„Побѣду и побѣдъ начало
 „Тебѣ приносимъ, Мститель злыхъ !
 „Геройство насъ не оставляло :
 „Ты не забылъ сыновъ Твоихъ.
 „Въ обѣтахъ мы не лицебры ;
 „Царямъ, Тобой избраннымъ, вѣрны ;
 „Мы тѣжъ, которые съ ПЕТРОМЪ
 „Гигантовъ гордости казнили ; —
 „Мы тѣжъ съ ЕКАТЕРИНОЙ были :
 „Не измѣнимся предъ ЦАРЕМЪ !“

*

Напрасно злобой воспаленный
 Тирани мечталъ потрясть весь свѣтъ !
 Улыбкой счастья обольщенный,
 Онъ мнилъ : „препонъ мнѣ больше нѣтъ :
 „Уже Суворовы не встанутъ !“ —
 Безумецъ ! ты мечтой обманутъ !
 Суворовъ въ храмъ Славы спитъ,
 Но тѣнь его идетъ предъ нами,
 Вооруженная громами, —
 И ты препещешь, скрывъ свой стыдъ,

*

Но тысячи у насъ Героевъ
 Еще ему подобныхъ есть ;
 Но тысячи увидишь боевъ,
 Гдѣ возблистаетъ наша честь.

Не лѣсть, не злато лицембра, —
 Любовь къ Отечеству и Вбра
 Побѣдоносцевъ намъ даетъ. —
 Рабъ низкой собственныя власти,
 Боясь себя, друзей, напасти,
 Злодѣй и въ счасть ядъ пьетъ!

Дымятся Альпы, Аппенины;
 Пылаетъ кровью Эриданъ;
 Крылаты моря исполины
 Текуть на бой изъ дальнихъ странъ:
 Цари клянутся быть друзьями; —
 Народы — быть тебѣ врагами, —
 И брошенъ жребій роковой. . . .
 О дружба! сильныхъ упованье!
 Сверши, сверши Царей желанье —
 И Россѣ исполнитъ подвигъ свой. —

Такъ! — Вбра, Правда, Законы
 Лякуйте! — съ нами, съ нами Богъ!
 Не потрясутся ваши троны:
 Коварства сломимъ гордый рогъ: —
 Европа! отряси сомнѣнья,
 Возстань изъ тьмы порабощенья:
 Протекъ часъ гибели твоей. —
 Россѣ держитъ равновѣсье Мира,
 И АЛЕКСАНДРОВА Порфира;
 Какъ небо, свѣтитъ надъ землей:

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ДЕКАБРЬ 1805.

№ 24.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Геройская рѣшительность Негра.

Не задолго до нашего прибытія въ Бразилію — говоритъ Англійскій Поручикъ Г. Тюкей въ описаніи своего путешествія — въ Маѣ мѣсяцѣ 1803 года, одинъ Негръ сдѣлалъ такой поступокъ, которой послѣдствіемъ ужасъ въ каждомъ читателѣ. Перомое неспособно въ точности изобразить сіе происшествіе: однакожь я поступилъ бы несправедливо, если бѣ умолчалъ о немъ.

Всякой владѣлецъ закономъ обязывается давать свободу своему невольнику, какъ скоро сей послѣдній въ состояніи заплашитъ за себя извѣстную денежную сумму: вснѣ единственная выгода, кою-

рою здѣсь можетъ хвалиться униженной классъ человѣческаго рода.

Г-нъ Д., богатой владѣлецъ плантажей, въ числѣ многихъ невольниковъ имѣлъ одного, по имени Ганно, которой родился въ колоніи, и способностями своими превосходилъ прочихъ поварищей. Ганно, пришедъ въ совершенной возрастъ, влюбился въ Зелиду, молодую невольницу одинакихъ съ нимъ лѣтъ, принадлежавшую тому же владѣльцу. Страсные глаза его въ лицѣ ея находили всѣ прелести, все, что сердцу кажется любезнымъ. Спрасъ ихъ была взаимная; вмѣстѣ съ ними росла, вмѣстѣ укрѣплялась. Ганно мыслилъ и чувствовалъ не рабски; благородная душа его возмущалась, когда приходило ему на мысль, что долженъ будетъ дѣшамъ своимъ передать неволю — единственное наследство, которое по праву родства доставается имъ въ удѣлъ отъ родителей.

Умъ его былъ дѣятеленъ, рѣшительность постоянна. Отправляя ежедневныя дѣла по своей должности, оплечась прилѣжаніемъ и вѣрностію, занимаясь въ свободное время постороннею работою, онъ съ помощію крайней бережливости нашелъ способъ накопить для себя нѣсколько денегъ. Черезъ семь лѣтъ накопленная сумма сдѣлалась достаточною для заплавы, положенной

цѣны за невольницу. Время не уменьшило любви въ Зелидѣ, и взаимная спраспѣ соединила ихъ сердца неразрывнымъ союзомъ. Оплучка Г-на Д., продолжавшаяся два года, препятствовала неперпѣливому Ганно выкупить любезную Зелиду, которая между тѣмъ родила ему сына и дочь. Хошя младенцы по рожденію принадлежали помѣщику; однакожь Ганно не безпокоился, потому что денегъ доспавало для изкупленія малюпокъ.

По возвращеніи Г-на Д., Ганно убѣдительно просилъ у него дозволенія воспользоваться благодѣяніемъ закона, однакожь напередъ зная гнусное корыстолюбіе своего господина, изъ предосторожности увѣрилъ его, что одинъ пріятель обѣщался заплатить деньги. Г-нъ Д. согласился взять выкупъ, и назначилъ день для подписанія оппускной законнымъ порядкомъ.

По наступленіи сего желаннаго дня Ганно полетѣлъ на крыльяхъ надежды въ домъ своего помѣщика, и сердце его препетало отъ радости при одной мысли, что тѣ, отъ которыхъ зависитъ счастье жизни его, немедленно получаютъ свободу. Онъ отдаетъ деньги — ихъ берутъ, какъ собственность Г-на Д., будто бы у него украденную. Ганно, не могшій представишь на

лицо займодавца, на котораго ссылался, был обвинен; помѣщикъ велѣлъ при себѣ наказанъ его, и изощилъ при семъ случаѣ всю свою жестокость.

Окровавленный Ганно возвратился въ невольническую свою хижину, въ которой до тѣхъ поръ любовь и надежда обитали. Нѣжная супруга его кормила грудью маленькую дочь, между тѣмъ какъ сынъ, не могшій еще ходить, сидѣлъ на полу, и забавлялъ мать невиннымъ лепетаньемъ. Ганно, не отвѣчая на вопросы злощливой Зелиды, произнесъ слѣдующее:

„Желая доставить тебѣ свободу, которая для меня дороже была моей собственной, съ первой минуты нашего знакомства я опказывалъ себѣ въ излишествахъ, какія только могъ имѣть по моему состоянію. Для того, въ часы отдохновенія, когда поварищи мои веселились, я работалъ; для того опкладывалъ куски моей кассавы (1); для того продавалъ табакъ мой (2); для того въ жаркіе

(1) Кассава есть хлѣбъ, приготовляемый изъ корня, называемаго маньокъ.

(2) Табакъ и ромъ почитаются лакомствомъ у Негровъ.

дни лѣта и въ зимнюю спужу (*) ходилъ безъ одежды. Такимъ образомъ я достигъ цѣли моихъ желаній, и сего дня заплашилъ Господину выкупъ за твою и дѣшей твоихъ свободу; оспавалось только подписать оппускную, и засвидѣтельствовать ее предъ лицомъ правительства. Но безчеловѣчный взялъ деньги, обвинилъ меня въ воровствѣ, и наказалъ за такой проступокъ, которымъ душа моя гнушается. Спаранія мой купилъ тебѣ вольность оспались безъ успѣха; плоды трудовъ моихъ достались въ добычу пирату; цвѣтъ надежды увялъ навсегда, и чаша бѣдствій исполнилась для злополучнаго Ганно! . . . Еще есть средство, вѣрное, но ужасное, избавишь тебя отъ жестокости мучителя, и отъ безчестія, которымъ угрожаетъ тебѣ гнусное сладострастіе; есть средство избавишь васъ, любезныя дѣши, отъ рукъ чудовища, и предохранишь жизнь вашу отъ неминуемаго бѣдствія.“

(*) Бразилія, начинаясь отъ моря, простирается до вершинъ горъ Кордильерскихъ; чѣмъ ближе къ горамъ, тѣмъ холоднѣе. Въ Рудокопномъ округѣ, въ которомъ растутъ Европейскіе плоды, бывающіе морозы.

Попомъ, выхвативъ ножъ, вонзилъ его въ грудь супруги, и тѣмъ же орудіемъ умеривилъ дѣтей своихъ.

Когда взяли его подъ спражу, онъ съ твердоспїю сказалъ въ судилищѣ: „Я лишилъ жизни супругу и дѣтей моихъ для того, чшобы прекратить несчастное ихъ состоянїе; но пощадилъ самаго себя, чшобы показать свирѣпому ширану, какъ легко избавиться отъ его власпи, и какъ мало душа Негра боится смерти и мученій. Знаю, какія жестокоспи мнѣ должно испытать надъ собою; но боль для меня ничего не значить; смолчите!“ — при семъ словѣ вопкнулъ въ руку свою желѣзный гвоздь, и прошянулъ его насквозь — „желаю смерти, какъ блага единственнаго, которсе соединить меня съ супругою и дѣтьми. Онѣ тамъ, въ странѣ опцевъ нашихъ, приготовили для меня жилище — тамъ, куда не пускатъ жестокосердыхъ Бѣлыхъ.“

Хладнокровные Португальцы чувствительно были тронуты симъ явленіемъ. Невольникъ получилъ свободу; Г-на Д. осудили заплатить большую денежную пѣню, а недостпойной судья, которой бралъ участіе въ подломъ его поступкѣ, лишенъ мѣста.

(Изъ Арх. Мин.)

Павелъ Веронезъ.

Павелъ Веронезъ, послѣ Тицѣена, почитается славнѣйшимъ Живописцемъ Школы Венеціанской. Чрезвычайная легкость въ изобрѣшеніи и исполненіи, особливою способъ изображать великолѣпную одежду, и весьма частыя погрѣшности противъ Лѣпочисленія — вотъ опличительныя черты Павла Веронеза.

Будучи богатъ мыслями, онъ имѣлъ гораздо менѣе ума, нежели воображенія, и мало чувствительности; изобрѣпалъ, одѣвалъ, двигалъ свои фигуры по прихотямъ собственнаго вкуса, и все то казалось ему хорошимъ, что только глаза его одобряли. Въ самомъ дѣлѣ его разположенія и изобрѣпенія живописны, для глазъ весьма пріятны, и не безъ движенія; но умъ не видитъ въ нихъ Поэзіи. Чѣмъ большей исправности требуютъ предметы, тѣмъ менѣе въ нихъ истины. Нельзя страннѣе представить на картинахъ происшествій самыхъ важныхъ, взятыхъ изъ церковной и свѣтской Исторіи. — Чѣмъ болѣе у него фигуръ на сценѣ, тѣмъ онъ кажется важнѣе, какъ сами по себѣ, такъ и по богатству принадлежностей.

Штрихъ его, твердый, быстрый, похожий на Теньеровъ, съ жаромъ и точностію представляетъ Напуру; краски блестящи и ярки, а особливо на шелковыхъ плащяхъ, иногда вышитыхъ золотомъ; его рисовка величава и пріятна, когда онъ имѣлъ передъ глазами хорошіе образцы; жаль только, что по большей части онъ писалъ безъ выбора.

Почти на всѣхъ картинахъ у него изображены Венеціане или восточные жители, которыхъ онъ видалъ въ Венеціи, и которыхъ богатые уборы обращали на себя его вниманіе. Павелъ Веронезъ помѣщалъ фигуры свои въ зданіяхъ особеннаго, смѣлаго Зодчества, которое было въ обыкновеніи въ его время, и которое совсѣмъ не соотвѣтствуетъ изображеннымъ предметамъ. Украшенія, сосуды и прочія принадлежности вѣроятно тогда были въ употребленіи въ Венеціи.

Самыя лучшія произведенія Павла Веронеза теперь у насъ передъ глазами, и мы можемъ съ точностію судить объ его талантѣ. Картина, представляющая *бракъ въ Канѣ Галилейской*, болѣе всѣхъ показываетъ его искусство. Какая пышность въ разположеніи! какая жизнь въ фигурахъ! какое великолѣпіе въ одѣянніи! гдѣ найдете краски болѣе яркія? Какая не-

принужденная легкость въ опдѣлкѣ! Какъ хорошо разборчивый Художникъ умѣлъ воспользоваться сею свѣтлою архитектурою, сими свѣтлыми облаками! какъ на с полъ обширной картинѣ онъ умѣлъ все представить съ точностію! Подумайте, что у него были передъ глазами всѣ предметы, которые изобразилъ такъ искусно! Зритель вступаетъ въ пиршественную храмину, ходитъ вокругъ собесѣдниковъ, садится, и пьетъ съ ними. Сіе чрезвычайное произведеніе, соединяющее въ себѣ болѣе точности, нежели какая нибудь изъ извѣстныхъ большихъ картинъ, можетъ служить образцемъ для Живописцевъ во всѣхъ родахъ; оно тѣмъ кажется удивительнѣе, что всѣ части равно совершенны, и что вездѣ соблюдена строго постепенность въ свѣтѣ и яркости красокъ, приличныхъ каждому предмету, смотря по мѣсту, которое они занимаютъ.

Отдавши дань удивленія прекрасной картинѣ и пособіямъ Искусства, служащимъ для увеселенія глазъ и для подражанія Натурѣ, если спросимъ о содержаніи сей картины, если представимъ себѣ, какъ долженъ былъ Художникъ изобразить ее: тогда все то, что казалось глазамъ согласіемъ, является уму безобразною смѣсью; истина и точность исчезаютъ

Не странно ли видѣшь всю пышность, все богатство Азійское на свадебномъ пиру въ домѣ какого-то жителя небольшого городка Галилейскаго? Гдѣ правдоподобіе? Недостаетъ вина для пиршесивующихъ; въ одну минушу непосижимую силою вода превращается въ вино. Сколько работы для кисти Живописца! Какое удивленіе должно быть написано на лицахъ собесѣдниковъ! Напротивъ того въ картинѣ Павла Веронеза нѣтъ никакого отличія отъ обыкновеннаго пиршества; музыканты спокойно продолжаютъ играть на своихъ орудіяхъ; собраніе слушаетъ ихъ; одни другъ на друга умильно смотрятъ, другіе забавляются маленькою собачкою; чудотворное вино разливаютъ и пьютъ, какъ обыкновенное. Можно ли равнодушно смотрѣть на Спасителя, Препорочную Дѣву и Апостоловъ, пирующихъ съ современниками Павла Веронеза — съ монахами, стихотворцами, музыкантами, съ Королемъ Французскимъ, съ Турецкимъ Султаномъ? Безъ сомнѣнія, онъ думалъ, что для изображенія *брака въ Канѣ Галилейской* ничего болѣе не нужно, какъ одѣть нѣкоторыхъ собесѣдниковъ въ плашье извѣстнаго цвѣща, и голову человека, сидящаго среди собранія, окружить лучами. Онъ поступилъ подобно поршреш-

нымъ Живописцамъ , которые , написавши какую - нибудь Парижскую мѣщанку и подлѣ ея маленькаго сына ея съ крыльями Амура , думаютъ , что изображенное лице имѣетъ всѣ прелести Венеры. Павелъ Веронезъ очень хорошо сдѣлалъ , что не одѣлъ Евреевъ въ національное платье по собственному своему изобрѣщенію ; тогда мы не увидѣли бы сихъ богатыхъ Венеціянъ , которыхъ никто не изобразилъ лучше Веронеза. Сѣманемъ удивляясь красотами картины , не заботясь объ ея содержаніи и о словахъ Горація : *Non erat hic locus*. Впрочемъ , разсудивъ прилѣжно , найдемъ , что оно не его ошибка ; Павелъ Веронезъ сдѣлалъ очень хорошо то , что могъ .

Другіе Живописцы изобразили намъ Древнихъ со всею точностію , какая только можетъ быть извѣстна по описаніямъ Историковъ и памятникамъ , до насъ дошедшимъ ; однакожь портреты сіи не во всемъ сходны , потому что Художники писали ихъ не съ подлинниковъ , но по большей части съ образцовъ , оставшихся въ памяти. Мы съ удовольствіемъ смотримъ на сіи портреты , и восхищаемся , видя , такъ сказать , воскресающихъ людей , которыхъ привыкли удивляться , — видя ихъ такими , какими предша-

вляемъ въ своемъ воображеніи ; но можетъ быть, они не узнали бы себя въ картинахъ новѣйшихъ Живописцевъ ; можетъ быть, Аѳины и Римъ не узнали бы гордыхъ дѣтей своихъ въ портретахъ, сдѣланныхъ Италіянцами и Французами, такъ точно, какъ Софокль, Димосеенъ, Виргилій и Цицеронъ не узнали бы своего языка въ лучшихъ Греческихъ и Латинскихъ сочиненіяхъ, написанныхъ въ наше время. Павелъ Веронезъ, обѣщавшись изобразить древность, представилъ обычаи временъ новѣйшихъ ; подъ старинными именами написалъ новыхъ Венеціянъ. Соглашаюсь, что это погрѣшность ; но сіи Венеціяне болѣе на себя походятъ, нежели Греки, Римляне и вообще всѣ Древніе, изображенные нынѣшними Художниками. И такъ вмѣсто того, чтобы порицать Веронеза за ошибки противъ Хронологіи, попомство будетъ благодарить его : ибо сіи самыя ошибки подали поводъ изобразить гордыхъ, остроумныхъ Венеціянъ, сихъ искусныхъ Художниковъ и опасныхъ Полишиковъ.

Павелъ Веронезъ написалъ нѣсколько картинъ, отличающихся отъ другихъ огнемъ и характеромъ. Онъ не вездѣ нарушалъ приличія такъ, какъ въ планѣ брака въ Канѣ Галилейской ; но вообще всѣ произве-

денія его имѣють одинъ стиль, тѣ же красоты и тѣ же недоспапки — недоспапки счастливые, копорымъ мы обязаны весьма много! Жаль, что симъ именемъ должно называть причину его оригинальности, источникъ необыкновеннаго таланта, копорой спавитъ его на ряду съ пріятнѣйшими древними и новыми Живописцами.

Телассонъ.

III.

Разсужденіе о существахъ организованныхъ.

Въ первомъ отдѣленіи *Разсужденія о существахъ организованныхъ*, Г Деламетери — копорому мы кажемся настоящими гидравлическими машинами, впрочемъ очень хорошо сдѣланными -- принимаетъ на себя рѣшить задачу: *Натура теловѣческая превосходитъ ли натуры другихъ животныхъ?* Не думаю — отвѣчаю самъ себѣ Г. Деламетери: и для доказательства своего мнѣнія причисляетъ насъ къ породѣ урангушанговъ, копорые сперва были наши братья. Небольшая розница какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ образованіи

между ихъ родомъ и нашимъ потчасъ исчезнетъ; стоипъ шолько опустипъ сгибающіе мускулы, опняшъ икры и выпянушъ пальцы. Наконецъ Г. Деламетери ясно и убѣдительно доказываетъ, что поколѣніе людей еспъ переродившееся племя обезьянъ.

Внутреннее и внѣшнее спроеніе нашего шѣла, по увѣренію ученаго Г-на Деламетери, совершенно сходно со спроеніемъ шѣла уранг-упанговъ; важная перемѣна произошла опъ того, что человекъ привыкъ ходипъ на двухъ ногахъ. Голова, которая прежде дѣлала прямой уголъ, шеперь параллельна съ шуловищемъ; ноги не были прямы, какъ нынѣ; мускулы голени, лядвей и ягодицъ получили чрезвычайную крѣпость и величину опъ безпрестанныхъ усилій держашъ шѣло въ положеніи вертикальномъ: опъ того на голеняхъ выросли большія икры, опъ того удивительнымъ образомъ разтолстѣли лядвей и ягодицы. Уранг-упанги также имѣютъ икры и ягодицы, потому что ходяшъ на двухъ ногахъ: сперва и они не отличались ничѣмъ опъ прочихъ обезьянъ.

Далѣе почтеннѣйшій Авторъ изъясняетъ, какимъ образомъ наши руки и пальцы сократились. Что касается до носа,

которой вообще у насъ длиннѣе, нежели у уранг-ушанговъ, то онъ, по увѣренію Г-на Деламенери, *вытянулся* отъ привычки сморкаться.

Умственные и нравственные качества уранг ушанга весьма близко подходятъ къ человѣческимъ. Общества уранг-ушанговъ уже вознеслись до нѣкоторой, довольно высокой степени совершенства; судя по аналогіи, не лѣзя сомнѣваться, что онъ со временемъ будетъ то же, что и общества человѣческія, если только люди не помѣшаютъ ихъ усовершенствованію, и проч. „Человѣкъ суешный и горделивый“ — такъ восклицаетъ Г. Деламенери — „напрасно тщеславишься своими изобрѣтеніями, искусствами, знаніями! Скажи, кто почтеннѣе, простой гражданинъ Римскій, который воздѣлывалъ поле свое, и котораго ограниченный разумъ довольствовался только нужными знаніями для земледѣлія, или кровожадный Силла, свирѣпый Тиверій? . . . Уранг-ушангъ есть простой гражданинъ Римскій, а ты, о человѣкъ, живущій въ обществѣ! ты Силла, ты Тиверій, ты Неронъ! . . . Читай свою исторію, и трепещи!“

Не будучи ни суешнымъ, ни горделивымъ, можно уволить себя отъ хлопотъ выводивъ такую родословную. Впрочемъ

оспаляя каждому на волю думать, какъ угодно, и уважая мнѣніе самаго Автора, не лзя ли упрекнуть его въ томъ, что онъ опнялъ икры у своихъ предковъ? Трудно согласишься, чшобы у спаринныхъ уранг - ушанговъ икры были менѣе, нежели у нынѣшнихъ, и чшобы привычка держать себя прямо была — какъ онъ увѣряетъ — слѣдствіемъ усовершенствованія умственныхъ и нравственныхъ способностей. Какъ бы то ни было, не благоразумнѣе ли, не произнося рѣшительнаго мнѣнія о столь важномъ предметѣ, подождать до тѣхъ поръ, пока уранг - ушангская Академія наукъ — которая по слѣдствію сего усовершенствованія со временемъ непременно учредится — не издастъ дневныхъ своихъ записокъ?

(Изъ Сѣв. Пт.)

IV.

Признаки круженія головъ Французскихъ.

Разсмотрѣніе переменъ въ пишулахъ и привѣтствіяхъ, послѣдовавшихъ съ начала революціи, и должно быть занимательно для каждаго; онъ представля-

юпѣ намѣ живую картину сего Протея ,
 которой безпрестанно являлся въ разныхъ
 видахъ , и которой и нынѣ готовѣ сдѣ-
 лать новое превращеніе. Никакой Улиссъ
 еще не обложилъ его несокрушимыми цѣ-
 пями. Французы теперь ходятъ по огню,
 сокрытому подъ пепломъ , *incedunt per ig-
 nes suppositos cineris doloso*.

Извѣстно , что прежде революціи
 Французы были до крайности учтивы ;
тестъ была у нихъ въ каждой строчкѣ ;
 они почти всегда называли себя *слугами* ,
послушнѣйшими и преданнѣйшими всякаго ,
 къ кому надлежало написать самое корот-
 кое письмо. Вольперъ , впрочемъ слѣдовав-
 шій принятому обычаю , шутилъ надъ
 такою общею *услужливостію* ; ему казалось
 весьма страннымъ , что всякой не только
 хотѣлъ быть *послушнѣйшимъ и покорнѣй-
 шимъ* , но даже хотѣлъ *имѣть тестъ* бытъ
 такимъ ; этого еще мало ! надлежало при-
 бавлять съ *совершенною преданностію и
 поттеніемъ*.

Конституціонное собраніе, внявъ гласу
 мнимой Философіи , сперва уничтожило
Messire (господинъ) и *Monseigneur* (мило-
 шивый государь) , пишла , которыми опла-
 чались большіе манадоры опѣ малыхъ . Это
 былъ первой шагъ къ равенству ; въ подоб-
 ныхъ случаяхъ одна переменна поспѣшно

ведетъ за собою другую , а особливо во Франціи.

Законодательное собраніе приступило къ дальнѣйшимъ распоряженіямъ. Было доказано , что имя *Monieur* (господинъ) происходитъ отъ того же начала , отъ котораго *Messire* и *Monseigneur* , и есть *нарушеніе* гражданства ; что оно отдѣляетъ народъ отъ дворянства , и унижаетъ достопочтенную чернь , которая не имѣетъ другаго имени , кромѣ полученнаго при крещеніи. Такимъ образомъ вмѣсто *Гослодъ* , положено титуловаться *гражданинами* ; а какъ женщины въ подобныхъ случаяхъ подражаютъ мужчинамъ , то и онѣ изъ *госпожъ* (*Madame*) и *дѣвицъ* (*Mademoiselle*) сдѣлались *гражданками*. Письма надписывали уже не *шакому-то гослодину* , не *такой-то госложѣ* , но *гражданину* или *гражданкѣ*. Сила привычки такъ велика , что не рѣдко соединяли вмѣстѣ двѣ противности , то есть надписывали на письмахъ : *Гослодину гражданину такому - то* , и проч.

Послѣ сей переменны не лъзя уже было удержатъ формулы : *лжорнѣйшій и послушнѣйшій слуга* ; Республиканская гордость гнушалась ею. Оставалось для однообразія привести въ порядокъ все прочее ; но какъ не могли на ту пору выдумать

ничего новаго, то и положили взять примѣръ съ древнихъ Римлянъ. Явились письма съ надписями: *такому - то гражданину, Члену такого - то Совѣта*, и проч., или просто *гражданину* N. N. Разница между древними и новыми Римлянами состояла въ томъ, что сіи послѣдніе слово *поздравленіе* ставили подъ письмомъ, и прибавляли къ нему *братство*. *Salut et fraternité, поздравленіе и братство!!* Все шло довольно хорошо; осмѣивались только дрожжи аристокраціи и неравенства въ мѣстоименіяхъ. Относясь къ одному человеку, писали *вы* вмѣсто *ты*; скоро и сіе злоупотребленіе уничтожено. Ученые Патриоты доказывали, что множественное число въ мѣстоименіи изобрѣшено подлостью и пиранствомъ, и что *вы* вошло въ употребленіе при Тиверіѣ и Домиціанѣ. *Ты* — вопль прямо республиканское слово! Брушъ называлъ Цезаря *ты*, Аппианъ называлъ Цицерона такимъ же образомъ. *Ты* вошло въ общее употребленіе, не различая возраста, пола, состоянія; всѣхъ безъ изъятія стали называть *ты*.

Нѣкоторые упрямые Грамматики сперва не соглашались на сію перемѣну, и старались доказать, что употребленіе слова *ты* очень старо, что оно вошло въ составъ и свойство языка, что служило къ изъясненію

не только почтительности, но и приверженности, — что ты собственно выражаетъ сердечной языкъ любви, нѣжности, удивленія, восторга, иногда гнѣва, презрѣнія и другихъ душевныхъ движеній, — что такія измѣненія весьма выгодны для языка, — и что ихъ не должно уничтожать. „Ты! молчи!“ былъ отвѣтъ на возраженія упрямыхъ Грамматиковъ!

Гражданинъ, ты, тебя, поздравленіе и братство утвердились въ слогѣ и въ обычаяхъ. Казалось, уже нечего было къ тому прибавить, и неутомная Демократія не могла выдумать никакихъ новыхъ поправокъ въ письменномъ слогѣ. Но отъ бды рождается позывъ на бду. Одѣтые въ шпаны начали косо поглядывать на безштаныхъ; сіи послѣдніе взяли верхъ, и — что очень естественное — вздумали мстить своимъ неприятелямъ.

Начальники партіи, главные члены Конвента — изъ которыхъ одинъ торжественно называлъ себя *голою душою* — слово *гражданинъ* замѣнили другимъ, несравненно лучшимъ, а именно: *голоколѣнный fans - culotte*, и на письмахъ ко всѣмъ женщинамъ отличали себя симъ шипломъ. Однакожъ Аристократы недовольны были новымъ постановленіемъ, всячески старались избѣгать введенныхъ формулъ и

строго держались прежняго своего обыкновенія. Скоро дано было имъ знать, что симъ шушпшь не надобно; что они должны ясно и рѣшишельно соображаться съ законами, и что за упрямство будущъ наказаны смертію. Опреѣлено увеличить формулу, которая напоминала бы непокорнымъ объ ихъ должности; на всѣхъ письмахъ появились слова: *свобода или смерть*; чѣмъ ужаснѣе слово, тѣмъ охотнѣе всѣми принято. Спраспной любовникъ каждую записку къ своей любезной долженъ былъ начинать словами: *свобода или смерть!* До чего не доводишь сумазбродство! Видѣли письмо съ надписью: *такому - то разбойнику*; попѣ, кого называли симъ почтеннымъ шишломъ, былъ старикъ, содержащійся въ шюрмѣ за то, что имѣлъ слабость сожалѣть о потерянномъ имѣніи. Нѣкоторыя письма начинались словами: *Президентъ такого-то Комитета разбойнику П* и что любопытнѣе всего, на концѣ стояло *salut et fraternité! поздравленіе и братство!* Если разсудить, сколько затрудненій необходимо надлежало произойти отъ перемѣнъ календаря, именъ городовъ, улицъ и пому подобнаго, то не дѣзя не согласишься, что весьма трудно было написать исправное письмо. Надлежало зашвердить дни декады; *примиди,*

дюоди, нониди. Прежде нежели совершенно успроенъ новый календарь, годъ и число на письмахъ выражались множествомъ словъ, на прим. *въ первой день, первой декады, перваго мѣсяца, перваго года вольности,* и такъ далѣе. Надлежало бытъ весьма оспорожнымъ въ надписываніи названій городовъ, куда посылались письма; вмѣсто *Сен-Дени, Сент-Омеръ, Сен-Поль,* надобно было писать просто: *Франсіада, Омеръ* и проч. Слово *Сенъ* (святой) вымарано было во всѣхъ надписяхъ на углахъ улицъ. Любопышно замѣтити, что на улицъ *Сен-Дени* не только уничижили *Сенъ*, но и слогъ *de*, принявъ его за особую частицу; и такъ вмѣсто *Сен-Дени* (Святой Дѣонистій) оспалоъ только *Н.д.* Названіе предмѣстія *Сен-Лоранъ* (Св. Лавренція) изуродовано безъ милосердія, и сокращено въ одинъ слогъ слѣдующимъ образомъ: сперва опняли слогъ *Сенъ*; потомъ, когда одинъ изъ папріотовъ доказалъ, что чины или ранги (*) уже не существуютъ, опняли и конечной слогъ, и изъ *Сен-Лоранъ* сдѣлали *Ло.* И теперь еще на ули-

(*) Rent и Rang выговаривающа почти одинакимъ образомъ; сіе сходство подало поводъ грубымъ невѣждамъ къ смѣшной ошибкѣ.

цахъ Парижскихъ можно видѣть слѣды подобныхъ фигуръ грамматическихъ.

Когда въ 9 й день Термидора буря неистовства утихла, и когда *больные* Французы начали приходить въ чувство, слово *смерть* почти совсѣмъ исчезло и осталось только на театральныхъ занавѣсахъ вмѣстѣ съ *равенствомъ и свободою*; пыканье мало по малу вышло изъ моды; прежнее учтивство начало появляться. Женщины вступили въ права свои и нація получила старинный свой характеръ.

(Изъ Фр. См.)

V.

Разсужденіе о переводахъ.

Я намѣренъ въ короткихъ словахъ сказать о качествахъ хорошаго Переводчика. Совершенно перевода состоятъ въ точномъ сходствѣ съ подлинникомъ, то есть въ переложеніи изъ одного языка на другой сущности содержанія, въ выраженіи тона Авторова, а особливо если дѣло идетъ о переводѣ Поэта или Орашора. Слѣдственно исправный Переводчикъ долженъ хорошо знать тотъ языкъ, съ ко-

тораго переводитъ, и еще лучше тошъ, на которой переводитъ; долженъ имѣть если не споль обширный Геній, по крайней мѣрѣ близкій по свойству къ Генію Автора, котораго переводитъ; наконецъ долженъ со возможнѣйшимъ прилѣжаніемъ стараться хорошо переводить.

Отъ него пребуется, чшобы съ точностію были переложены сущность мыслей и красоты языка; а чшобы засшавить другихъ понимать и чувствовашъ то и другое на своемъ языкѣ, надбно, чшобы самъ Переводчикъ понималъ и чувствовалъ мысли и красоты на иностранномъ. Слѣдсшвенно онъ долженъ знать его очень хорошо; долженъ умѣть знать цѣну словъ, ихъ собственное значеніе, ихъ силу и мягкость; долженъ умѣть ловить самыя легкіе опшѣнки, которые отъ глазъ многихъ людей скрывающіяся, но служатъ украшеніемъ слову.

Какія знанія въ своемъ языкѣ долженъ имѣть Переводчикъ, которой хочешъ выразишь мысли и слогъ подлинника! Смѣло скажу, чшо онъ обязанъ знать его лучше, нежели самъ Сочинитель. Въ жару восторга, мысли обыкновенно выходятъ изъ головы Автора олѣшья приличными словами, подобно Минервѣ, родившейся во всеоружіи изъ мозгу Юпитерова.

Если выраженіе не слѣдуетъ за мыслію, если оно долго медлитъ, тогда Авторъ хватается за другую мысль, которая поспѣе является облеченная приличнымъ выраженіемъ. Онъ власпенъ оставляеть свои идеи, потому что онъ суть его собственности. Напротивъ того Переводчикъ, понявши мысль своего подлинника, непременно долженъ ее выразить; онъ не власпенъ уволить себя отъ сей обязанности — иначе сдѣлается невѣрнымъ; онъ долженъ изощрить всѣ средства, всѣ пособія своего языка, долженъ искать до пѣхъ поръ, пока найдетъ слова и обороты, выражающіе не только мысль Автора, но даже слогъ его, даже силу и пріятность его изложенія. Кипо, не нашедши или не искавши словъ, даетъ вещи неприличное, но *логти* приличное наименование; пошъ не Переводчикъ, а невѣрный копистъ. Вообще, переводъ не точный, но легкій и пріятный въ слогъ, болѣе нравился, нежели вѣрный, но жеспкій. Соглашаюсь, первой можно читать гораздо охотнѣе: но утверждаю, что совершенной переводъ есть пошъ, въ которомъ точность соединена съ пріятностію слога. Надобно, чтобы чтение перевода приносило удовольствіе, и сравненіе его съ подлинникомъ возбуждало удивленіе

И такъ, чтобы соединить сіи двѣ выгоды, какое потребно знаніе въ языкѣ!

Однакожъ совершенное знаніе обоихъ языковъ ни къ чему не послужитъ, если Переводчикъ не чувствуетъ въ себѣ искры Генія Автора; безъ того, переводъ будетъ холоднымъ, бездушнымъ спискомъ. Если онъ переводитъ Автора пламеннаго, то какой огонь нуженъ ему самому, чтобы не охладить своего подлинника! какой восторгъ, какое потребно воображеніе для того, чтобы проникнуть духъ Автора, превратиться въ него, вознеспись вмѣстѣ съ нимъ, не переводитъ уже, но творитъ идеи вмѣстѣ съ Авторомъ, заставитъ его говорить на нашемъ языкѣ, то есть такъ, какъ говорилъ бы онъ самъ, будучи нашимъ одноземцемъ! Опытъ доказываютъ, и я увѣренъ, что только тотъ можетъ хорошо переводить, кто самъ писалъ умѣетъ, и именно въ томъ родѣ, въ какомъ писали Авторы, имъ переводимые (*). Не станемъ

(*) Сказано, что Переводчикъ долженъ имѣть точно такой, или почти такой Геній, какимъ былъ одушевленъ переводимый Авторъ; изъ того можно заключить, что надобно переводить только одного Автора, которой ближе къ Переводчику по Генію. Въ самомъ дѣлѣ искусные Переводчики по

судить Писателя, переводившаго Поэму, или Слово, какъ судимъ Живописца, которой списываетъ картину: правила искусства назначають для кописта размѣръ, и научають, какія употреблять краски; напрошивъ того Геній Переводчика долженъ находить въ своемъ языкѣ тонъ и слогъ, приличные для каждой фразы подлинника.

Зная оба языка, имѣя Геній своего Автора, искусной Переводчикъ все еще не успѣетъ въ своемъ дѣлѣ, если онъ не прилѣженъ. Трудлюбіе необходимо для хорошаго перевода. Кипо занимался сею работою, шотъ увѣренъ, что это весьма справедливо. Изъяснить трудныя мѣста; постигнуть смыслъ истинный или по крайней мѣрѣ правдоподобный, вопреки затрудненіямъ, безпрестанно встрѣчающимся или отъ умолчанія Исторіи, или отъ незнанія обычаевъ, или отъ изпорченности текста, или отъ оборотовъ неупотребительныхъ, или, можетъ быть, отъ погрѣшности самаго Автора, которой не ясно выразился; быть обязаннымъ переложить извѣстную

большей части занимались однимъ Авторомъ, или по крайней мѣрѣ выбирали такіхъ, которые упражнялись въ одномъ родѣ сочиненій, въ родѣ, соответствующемъ ихъ склонности.

мысль, известную красоту; ничего не сказано такого, что не сходно съ тономъ подлинника; соединить самую строгую точность съ натуральною непринужденностью, духъ сочиненія со словами, согласить качества, на примѣръ Поэта или Орашора, по видимому разногласныя; сочетать точность съ гармоніею, простоту съ возвышенностью, силу съ пріятностью; безпрестанно бороться съ несходствомъ въ свойствахъ языковъ; искасть словъ на своемъ языкѣ для выраженія новыхъ мыслей: какихъ трудовъ стоятъ всѣ сіи условія!

Хотя сказанное выше можно примѣнить вообще къ переводамъ; однакожь оно болѣе относится къ переводу Поэтовъ и Орашоровъ. Я всегда былъ и нынѣ увѣренъ, что Поэтовъ должно переводить стихами (*): ибо мѣра есть существен-

(*) Г. Ожеръ писалъ это для Французовъ; намъ съ его мнѣніемъ — впрочемъ весьма справедливымъ — не лзя согласиться до нѣкотораго времени; иначе многія Поэмы долго еще будутъ намъ известны только по наслышкѣ. Лучше читать славнѣйшія творенія въ прозаическомъ, правильномъ переводѣ, нежели не имѣть на своемъ языкѣ никакого.

ная часть Поэзіи, которая почти совсѣмъ исчезаетъ въ прозѣ. Аббатъ Делиль въ предувѣдомленіи къ превосходному своему переводу Георгіикъ Виргиліевыхъ объяснилъ сію истину, и доказалъ ее неоспоримымъ образомъ.

Ожерв.

VI.

Любопытныя извѣстія о Калмыкахъ.

(Изъ Бергманова Путешествія.)

Не надлежитъ думать, будто Калмыки совсѣмъ не знаютъ гражданственной жизни, подобно народамъ козующимъ — разумѣю сіе слово въ самомъ истинномъ знаменованіи. Образъ ихъ правленія, впрочемъ весьма запутаннаго, показываетъ очевидныя признаки просвѣщенія.

Число Калмыковъ, обитающихъ между Волгою и Дономъ простирается до ста тысячъ; они подвластны четырнадцати Улусамъ, или Князьямъ удѣльнымъ. Верховный правитель цѣлаго народа есть Вице - Ханъ, избираемый отъ Двора Россійскаго; его окружаютъ Спарѣйшины прехъ знаменипѣйшихъ племенъ. Прочіе Князья подвластны Вице - Хану, передъ которымъ преклоняютъ правое колѣно, прикасаются

къ рукѣ его, потомъ уже садятся, подобно проспымъ Калмыкамъ.

Надъ жилищемъ Вице - Хана развѣвается знамя. Пятьдесятъ человекъ стражи охраняютъ его особу, пекутся о доставленіи ему пищи и одежды. Для его содержанія собирается ежегодная подашь со всего народа, кромѣ Духовенства.

Народъ Калмыцкій раздѣляется на три класса: на Дворянство, Духовенство и чернь. Дворянство состоитъ изъ двухъ разныхъ отдѣленій, то есть изъ Нойоновъ и Сайсанговъ. Первые имѣютъ почти верховную власть надъ ордами, имъ принадлежащими; ихъ можно почти пасть знаменистыми данниками, которые только по наружности подчинены верховному правителю. Сайсаны находятся въ совершенномъ подданствѣ у Нойоновъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ въ богатствѣ не уступаютъ симъ послѣднимъ. Они имѣютъ въ своихъ повелѣніяхъ старшинъ, которые управляютъ часпми, состоящими изъ двенадцати шалашей. Такимъ образомъ у Калмыковъ видимъ ленное правленіе, которое нынѣ у насъ во всеобщемъ презрѣніи. Можетъ быть, просвѣщенный разумъ буденъ спыдигься своего заблужденія: но младенчествоующіе народы по большей части живутъ подъ леннымъ правленіемъ до шѣхъ

порѣ, пока не узнаютъ другаго, совершеннѣйшаго. Духовенство раздѣляется на четыре класса. Жрецы первосепенные, пользуясь отличнѣмъ уваженіемъ, имѣютъ участие въ свѣтской власти.

Нигдѣ чернь не бываетъ въ такомъ презрѣніи, какъ у Калмыковъ. Дворянинъ никакъ не согласится пить изъ одного сосуда съ простолюдиномъ; также не войдетъ въ его кибитку, выключая самой крайней необходимости. Простой Калмыкъ не можетъ сѣсть на матрацъ, принадлежащемъ Дворянину; ниже самое достоинство жреца не заглаживается на немъ пятна первобытнаго.

Калмыцкіе законы, а особливо уголовныя, приводящъ намъ на память нѣхъ дикихъ народовъ, которые некогда опустошили Европу. Преступленія по большей части наказываются пѣнею, смотря болѣе по званію виновнаго, нежели по важности самаго проступка, на примѣръ: Князь, ударившій простолюдина, долженъ заплатить сорокъ пять шпукъ рогатой скотины, если побои тяжелы, а если легки, то только девять; человекъ низкаго сословія въ первомъ случаѣ платитъ девять, въ послѣднемъ пять. Дерганіе за бороду удовлетворяется лошадью и овцою. Раны на рукѣ, по свидѣльству Г-на Монпе-

скіе , измѣряются подобно геометрическимъ фигурамъ. За описѣченіе большаго нальца плашняшъ семнадцать штукъ рогатой скотины , за средній — девять , за перспневый — пять , за мизинецъ — три. Кажется , законы милоспивѣе къ женскому полу. Женатый чужеложникъ плашняшъ за вину свою пять штукъ рогатой скотины ; женщина въ подобномъ случаѣ даетъ только четыре. Какая порука за супружескую вѣрность , а особливо въ дошншпчныхъ семействахъ !

Но болѣе всего опасно для благоправія , что девятнадцатью шпукми рогатого скопа можно загладишь вину насильства. Законы , кажется , строже всего наказываютъ воровъ ; у нихъ отнимають снада , бьютъ ихъ и пашнають. Впрочемъ сіи законы , болѣе странные , нежели строгіе , исполняются не со всею точностию.

Допросы и пышки не извѣспны Калмыкамъ ; между шѣмъ , какъ народы просвѣщенные долгое время платили дань сію варварству и невѣжеству. У Калмыковъ рѣдко угрожаетъ опасность общеспивенному спокойствию ; убійства случаются только въ первомъ жару гнѣва.

Собеспивенность охраняется у нихъ обычаями , кошорыхъ законы не опредѣляютъ , и кошорые сообразны съ положеніемъ

земли, ими обитаемой. Каждому извѣстно, какъ трудно ѣздить одному въ степь обширныхъ пустыняхъ. Калмыки недоспашокъ почти замѣняютъ слѣдующимъ образомъ: не только Курьеры, но и Князей посылаемые, но Россійскіе Офицеры, и даже всякой ѣдущій съ паспортъ отъ Князя можетъ взять первую лошадь, которая попадется ему на глаза, и ѣхать на ней до ближайшаго селенія, но если верста пятьдесятъ, а иногда и сто. Хозяинъ лошади долженъ ѣхать въ слѣдъ за путешественникомъ, часно не будучи увѣреннымъ, что охотень свою собственную.

Образъ жизни Калмыковъ напоминаетъ первобытныя общества человѣческія, и въ то же время служилъ крипикою на мнимое ихъ усовершенствованіе. Бѣдные и богатые питаются молокомъ и мясомъ домашнихъ животныхъ. Шлаши ихъ посроены изъ коьевъ и кожъ овечьихъ. Одежда состоитъ изъ невыдѣланныхъ кожъ звѣриныхъ. Калмыки спокойно пользуются настоящимъ, и мало заботятся о будущемъ. Дѣятельная жизнь, свѣжій и чистый воздухъ, укрѣпляютъ ихъ здоровье.

Снада ихъ, предметъ особеннаго попеченія и единственный источникъ богатства, состоитъ изъ верблюдовъ, лошадей,

воловъ , козъ и овецъ. Сїи животныя, находясь всегда подъ открытымъ небомъ , не знаютъ ни сараевъ , ни запаснаго корму ; могутъ бояться только долгой зимы , которая иногда препятствуетъ ихъ размноженію. Верблюды составляютъ для Калмыковъ неоцѣненное сокровище. Безъ нихъ не лзя было бы ни предпринимать путешествій , ни доставать съѣстныхъ припасовъ ; сіе животное , сильное , терпѣливое и малымъ довольствующееся — въ нужномъ случаѣ оно насыщается древесною корою и тростникомъ — болѣе другихъ сноситъ холодъ. Верблюдъ бываетъ страшенъ только весною , когда изъ послушнаго дѣлается неукротимымъ. Бѣда несчастному сопернику , которой , будучи менѣе сильнымъ , дерзаетъ спорить съ нимъ объ одномъ предметѣ общаго желанія. Самка можетъ почестъся образцемъ материнской нѣжности. Г. Бергманъ говоритъ , что , лишась дѣтей , она нѣсколько дней стонетъ , и даже иногда роняетъ слезы.

Скажемъ нѣсколько словъ о лошадяхъ Калмыцкихъ. Г. Бергманъ , великой охотникъ до чрезвычайности , утверждаетъ , что между всадникомъ и конемъ примѣнно разительное сходство въ характерахъ , и что о многихъ народахъ можно сказать по же самое ; Турецкія , на примѣръ , ло-

шади жарки, быстры и суровы, но скоро ушомляющіяся и имѣющіе нужду въ долговременномъ отдохновеніи; лошади Россійскія бодры, отважны, сильны; пробѣжавши нѣсколько тысячъ верстъ, отдыхающіе не много, и опять готовы въ дорогу; лошади Нѣмецкія сильны, неупомимы, возятъ большія пятоспи, но всегда идутъ медленнымъ шагомъ. И такъ въ начертаніи Авшора видимъ характеры трехъ народовъ; однакожъ трудно было бы къ лошадямъ Калмыцкимъ принаровить всѣ черты, которыми описываетъ онъ самыхъ Калмыковъ.

По его увѣренію, чувства у Калмыковъ весьма тонки, а особливо чувство зрѣнія, которымъ они превосходятъ всѣхъ народовъ, и ясно видятъ предметы какъ близкіе, такъ и отдаленные. Ничто не укроется отъ ихъ взоровъ, въ какомъ бы ни было разстояніи. Козаки Уральскіе, по большей части промышляющіе рыболовствомъ, ищутъ рыбаковъ Калмыцкихъ, и по ихъ совѣту смѣло бросаютъ неводъ, будучи твердо увѣрены въ удачной ловлѣ. У Калмыцкихъ паспуховъ глазъ такъ долго помнитъ замѣченные признаки, что, взглянувъ на стадо, тотчасъ они узнаютъ, сколько и какой недоснаетъ скопины.

Почти каждой Калмыкъ одаренъ чрезвычайною памятью. Среди обширныхъ равнинъ, гдѣ нѣтъ ни селеній, ни большнхъ дорогъ, ни деревъ, ни кустарниковъ, и гдѣ обыкновенные путешественники безпрестанно заблуждались бы, Калмыки замѣчаютъ едва видимые слѣды, и берутъ ихъ за точку направленія! Они, услышавъ одинъ разъ сказанное, никогда не забываютъ. Память ихъ безъ малѣйшаго труда удерживаетъ множество народныхъ пѣсенъ и длинные отрывки изъ книгъ священ-ныхъ.

Ихъ воображеніе, живое и плодовитое, удобно воспламеняется отъ вымысловъ пѣсннческихъ и отъ чтенія книгъ священ-ныхъ. Авторъ всячески старается дока-зать, хотя и не легко можно ему повѣрить въ это, что Калмыки одарены великою проницательностью и остроуміемъ. Г. Бергманъ приписываетъ имъ даже краснорѣчїе — дѣло тѣмъ болѣе удивительное, что наружность Калмыка не показываетъ ни малой къ тому способности. Въ са-момъ дѣлѣ, прибавляетъ Авторъ, кто бы могъ надѣяться въ необразованномъ тяжеломъ языкѣ, въ охрыпломъ голосѣ, въ безобразной фигурѣ найши — вишійснво? Однакожъ онъ часто находилъ людей красно-рѣчивыхъ въ семъ народѣ, сшоль мало

просвѣщенномъ ; видѣлъ не одинъ разъ , какъ Калмыкъ падалъ на колѣна , поднималъ въ верхъ длинные рукава , плескалъ руками , и послѣ шакого , весьма мало обѣщающаго приспуа , безъ приготовленія и оспановки произносилъ рѣчь , копорая продолжаясь чепверпъ часа , въ копорой содержались необыкновенныя мысли , и при копорой соблюдены были приличныя шѣлодвиженія .

Проницательность ихъ видна въ скорости и точности , съ какими обнимающъ умомъ своимъ дѣла самыя запутанныя . Калмыки весьма легко научаются языкамъ даже шѣхъ народовъ , копорыхъ землю посѣщаютъ на короткое время . Имѣющіе какія-нибудь связи и сношенія съ Россіянами довольно хорошо говорящъ на ихъ языкѣ . Будучи грубыми невѣждами въ вещахъ самыхъ обыкновенныхъ , они съ помощію только природнаго разсудка имѣютъ способность смѣшивать въ разговорѣ людей просвѣщеннѣйшихъ . Мало найдется между образованными народами такихъ , копорые были бы проворнѣе въ искусствѣ употреблять скрытныя средства къ доспигенію цѣли своихъ намѣреній .

Не смотря на то , иѣтъ народа — и это гораздо вѣроятнѣе — копорой былъ бы суевѣрнѣе Калмыковъ . Извѣстный классъ

жрецовъ единственно занимается назначеніемъ дней счастливыхъ и несчастныхъ. Сіи жрецы суть орудія какихъ - то большихъ книгъ, изъ которыхъ научаются прорицать будущее. Годъ, день и часъ рожденія налагаютъ на родившагося извѣстныя обязанности, или подвергаютъ его извѣстнымъ опасностямъ. Родившійся въ томъ - то году непременно долженъ жениться въ томъ, а не въ другомъ. Отъ часа рожденія зависитъ часъ похоронъ. Калмыки имѣютъ пицъ счастливаго и несчастнаго предвѣщанія. Журавли и нѣкоторыя другіе почищаются святыми; убивать ихъ весьма грѣшно, потому что голова ихъ какъ - то походитъ на голову жрецовъ.

Калмыки запрещаютъ себѣ дѣла, сами по себѣ ничего незначающія; съестъ на порогѣ есть у нихъ ужасное беззаконіе. Не дозволяется ходить по золѣ или держать ноги подлѣ огня; ибо огонь почитается Божествомъ, а очагъ его святилищемъ. Осенью и зимою курить табакъ значитъ опваживаться на величайшее преступленіе, которое непременно нагоняетъ бури и мятели. Кто закуритъ трубку лоскушкомъ бумаги, тотъ неминуемо умретъ, и проч.

Довольно о суевѣрїи Калмыковъ ; прибавимъ только , что оно господствуетъ надъ всѣми классами народа , и — что всего сильнѣе — больше надъ Дворянствомъ , нежели надъ чернью. Тому причиною , по мнѣнїю Автора , есть , что Дворяне прилѣжно читаютъ книги , наполненныя вздоромъ , и что простой народъ , не имѣя времени заниматься , знаетъ о нихъ только по наслышкѣ , и вѣритъ только тому , что до него доходитъ.

Однакожъ Религїя Калмыковъ , впрочемъ грубая , весьма выгодно дѣйствуетъ на ихъ нравы. Вообще , они имѣютъ непреодолимое отвращенїе отъ пролитїя крови животныхъ , совсѣмъ недостоинныхъ соспраданїя , и въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ на силу рѣшаются умерщвлять ихъ. Напротивъ того , по неблагоприятїю , копорымъ не однихъ Калмыковъ упрекать можно , за ничто почитаютъ спраданїе полезнѣйшихъ животныхъ ; такии образомъ кротость соединена у нихъ съ жестокостїю.

Подобная противуположность показывается въ другихъ чертахъ ихъ характера. Иногда можно ихъ высказать образцами воздержности , иногда — распущенства. Оба пола съ одной стороны достойны вниманїя по своей скромности ; съ другой — кажется , они забавляются болшавостью

и пустословіемъ. Пребывающая въ глубокомъ снѣ народная ихъ гордость иногда пробуждается и показываетъ въ себѣ силу, достойную и въхъ народовъ, у которыхъ любовь къ просвѣщенію есть спрассъ господствующая. Можно бы также сказать, что Калмыки несклонны ни къ гнѣву, ни къ корыслолюбію; однакожъ нѣкоторыя ихъ поступки доказываютъ, что иногда они бываютъ и корыслолюбивы и разъяренны до бѣшенства.

Не лзя не приписывать имъ гостепрїимства, которое охотно изъясляютъ и по видимому безъ корыслолюбивыхъ намѣреній; однакожъ не надлежитъ думать, чтобы они въ самомъ дѣлѣ не имѣли никакихъ видовъ. Напрямъ того каждое ихъ движеніе, каждой шагъ дѣлается съ умысломъ и для выгоды, близкой или отдаленной; въ этомъ они не уступаютъ никакому народу въ свѣтѣ. Честь безъ корысли у нихъ ничего не значитъ, также какъ спыдъ безъ боли для нихъ не спрашенъ: почему одна только спросъ законовъ въ соспояніи удержатъ ихъ въ порядкѣ. Калмыкъ ползаетъ передъ знатнымъ человекомъ или такимъ, отъ котораго надѣется имѣть выгоды; но грубъ до крайности въ обхожденіи съ нѣмъ, въ комъ не имѣетъ нужды. Князья и богатые люди

вообще суровы и безспыдны въ вымогательствахъ , когда имѣютъ дѣло съ иностранцами , копорые ихъ бѣднѣе ; менѣе зажиточные въ подобныхъ случаяхъ слѣдуютъ примѣру первыхъ. Нѣкоторыя свойства служатъ къ чести сего народа , копорой по многимъ причинамъ надлежитъ почитать еще младенчествующимъ. Калмыки безпрестанно веселы ; услужливы въ бездѣлкахъ ; любящъ дѣшей чрезвычайно ; нигдѣ мужья споль спрашно не привязаны къ женамъ своимъ , когда онѣ многоплодны. Впрочемъ , Г. Бергманъ увѣряетъ , что спрашныя описанія путешественниковъ о семъ народѣ , на копорой онъ смотрѣлъ вблизи очень долго , во всемъ справедливы.

Нѣтъ нужды сказывать , что науки не сдѣлали большихъ успѣховъ между Калмыками. У нихъ Медицина находится въ непосредственномъ вѣдомствѣ самаго Божества. Въ лѣченіи переломленныхъ костей и вообще въ скопскомъ врачеваніи довольно свѣдуши. Что касается до ихъ Лѣкарей — копорые почерпаютъ знанія свои въ огромныхъ книгахъ , съ непринужденною важностию шупаютъ бѣеніе жилы приспально всмаприваются въ урину , и шѣмъ заславляющъ отлично уважатъ се-

бѣ — по способы ихъ врачеванія весьма еще ограничены; по крайней мѣрѣ, слѣдуя внушенію благоразумія, они не расточаютъ лекарствъ, и ищутъ дѣицу самымъ спасительнымъ средствомъ. До сихъ поръ они не могли предотвратить распространенія оспы, кошора, по причинѣ твердости кожи, менѣе прилипчива у Калмыковъ, нежели у другихъ народовъ. Лѣкари ихъ другую болѣзнь, не такъ невинную, но не менѣе пагубную, врачуютъ особливымъ способомъ, котораго наши Европейскіе Медики никогда не смѣли употребить. Г. Бергманъ увѣряетъ, что видѣлъ одного Калмыка, котораго по утрамъ и по вечерамъ принималъ по одиннадцати гранъ купоросу, и въ четыре дни совершенно вылѣчился.

О лѣтописяхъ Калмыковъ надлежало бы говорить обширно, слѣдовательно выпустить эти предѣлы, назначенные для краткаго извлеченія. Мы упомянемъ только о нѣкоторыхъ подробностяхъ. У Калмыковъ часы дневные и ночные бываютъ болѣе и менѣе, смотря по годовому времени. Они считаютъ время свое не днями, но ночами, подобно древнимъ Галламъ и Германцамъ, какъ свидѣтельствуютъ Юлій Цезарь и Тацитъ. Годы у нихъ лунные,

не солнечные; для сохраненія соопивѣн-
 ственности, къ прѣмь годамъ прибавля-
 юшъ одинъ мѣсяцъ. Каждой годъ двенад-
 цатилѣтняго ихъ круга, каждой мѣсяцъ,
 каждой день и каждой часъ имѣетъ особ-
 ливое названіе какого-нибудь звѣря. За-
 пущанной способъ счисленія времени и
 его раздѣленіе показываютъ не великіе
 успѣхи въ наукахъ, но дають видѣть по
 крайней мѣрѣ быспропу въ изчисленія и
 немаловажную примѣчательность.

Каждый догадается, что при суевѣр-
 ныхъ обычаяхъ и грубомъ невѣжествѣ,
 Аспрологія должна быть у Калмыковъ въ
 немаломъ уваженіи. Въ самомъ дѣлѣ у
 нихъ ничего не предпринимаеся безъ совѣ-
 тованія съ Аспрологомъ, кшпорой спра-
 вляеся со старыми книгами, состоящи-
 ми изъ гѣроглифическихъ пущяковъ, на-
 черпаннхъ предками.

На такой степени находятся знанія у
 Калмыковъ въ началѣ девятнадцатаго
 столѣшя.

(Изъ Польск. Журн.)

VII.

ЭПИГРАММА.

Прославился хозяйствомъ Титъ,
 Убытку въ домѣ онъ не терпитъ никакова,
 И ѣсть, и пьеть, и говоритъ,
 Всегда на счетъ другаго.

*

Какой учпивецъ сталъ Дамонъ!
 Что за диковинка? Теперь въ опсшавкѣ онъ.
 В. П. — нб.

VIII.

С М Ъ С Ъ.

Въ Гловесѣ, близъ Апеири въ Ирландіи, недавно послѣ недолговременной болѣзни умеръ старикъ Діонисій Куроби на 117 мѣ году отъ рожденія. До послѣдней минуты жизни своей онъ сохранилъ всѣ чувства, и до послѣднихъ двухъ дней передъ своею смертью не зналъ никакой болѣзни, кромѣ зубной. За три недѣли передъ концемъ своимъ, онъ ходилъ пѣшкомъ изъ Гловеса въ Гальвай, и въ тотъ же день возвратился домой, прошедши 26 миль Англійскихъ, или около 35 верстъ Россійскихъ. Самую мѣлкую печаль чи-

шалъ безъ очковъ, какъ человекъ въ цвѣ-
 шущихъ лѣтахъ. Умъ имѣлъ превосход-
 ный; безпрестанно упражнялся въ земле-
 дѣліи, и опытносшю своею сдѣлалъ поль-
 зу самому себѣ и своему попомсшву. За
 семдесятъ лѣтъ передъ симъ ввелъ въ
 употребленіе въ околоскѣ своемъ особенной
 родъ прекраснаго картофеля, называемаго
 черноземнымъ. Семь разъ вступалъ въ
 брачныя обязательства, и въ послѣдній
 разъ женился на 95 году. Отъ сихъ бра-
 ковъ имѣлъ 48 дѣтей, 255 внучатъ, 944
 правнучатъ и 25 праправнучатъ, изъ ко-
 торыхъ старшему отъ роду четыре
 года. Младшій сынъ его отъ послѣдняго
 супружесшва имѣетъ теперь 18 лѣтъ.

*

Люцернское правительсшво въ Швей-
 царіи 15 го Октябрю обнародовало повелѣ-
 ніе, которымъ запрещаются танцы вся-
 каго рода, подъ опасеніемъ взысканія. Хо-
 зяинъ дома, въ которомъ случится на-
 рушеніе сего узаконенія, заплатитъ пѣни
 40 франковъ, а каждая танцующая особа
 по 10 франковъ. Запрещеніе само по себѣ
 странно; но побудительныя причины къ
 тому еще страннѣе. Вотъ онѣ: 1) нынѣш-
 нія крипическія обстоятельсшва; 2) часъ
 отъ часу возрастающая дороговизна на
 всѣ нужныя вещи; и 3) большой недо-

статокъ въ наличныхъ деньгахъ. — Бѣдные музыканты! вы не танцовали, а плашите болѣе всѣхъ!

*

Нынѣ прививаніе коровой оспы сдѣлалось почти общимъ въ Европѣ. Остава-лось найлучшее средство сберегать отъ поврежденія чрезъ долгое время сей ядъ, спасительной для человѣчества; иначе не мѣсто было пересылать его въ мѣста отдаленныя. Докторъ Карлъ Эдуардъ Оберъ описалъ простой и легкой способъ не только сохранять матерію коровой оспы чрезъ весьма долгое время, но и пересылать ее въ отдаленнѣйшіе края, не опасаясь порчи. Сей способъ основывается на слѣдующемъ замѣчаніи: Упомянутая матерія обыкновенно приписана отъ дѣйствія теплоты; сберегите ее отъ теплоты, и она долго не повредится. Для того надобно стараться обложить матерію такимъ шло-ломъ, которое съ трудомъ пропускаетъ сквозь себя теплоту. А какъ извѣстно, что уголь есть самой неудобной проводникъ для теплотворнаго вещества, то Докторъ совѣтуетъ склянки съ матеріею коровой оспы обкладывать углемъ. Опыты подтвердили, что матерія, сбереженная такимъ образомъ, черезъ два года не поше-

рjala своей силы и всегда производила желаемое дѣйствіе.

*

Англичанинъ Райшъ, въ книгѣ своей о нынѣшнемъ соспояніи воздухоплавательнаго искусства, раздѣляетъ исторію шаровъ аэроспатическихъ на два періода. Первой начинается отъ опыта, сдѣланнаго Португальскимъ монахомъ Гусманомъ, копорой тому уже около ста лѣтъ пустилъ на воздухъ бумажной шаръ, поднявшійся вверхъ на 200 футовъ; другою эпохою полагаенъ учрежденіе въ Мёдонѣ аэроспатическаго училища, копорое между прочимъ сдѣлало шаръ, употребленный попомъ для наблюденія движеній и разположенія соединенной арміи во время сраженія при Флёрю. Стараніямъ упомянушаго училища мы одолжены соспавомъ непроницаемаго лаку, копорымъ покрывается шаръ, наполняемый водороднымъ газомъ. Но главнѣйшее усовершенствованіе всей машины, а именно возможность управлять ею, до сихъ поръ остаенся неизвѣстнымъ. Воздухоплаватель, гонимый вѣтромъ, сидя въ своей лодочкѣ, каждую минушу долженъ опасаться ударенія объ дерева, дома и другія зданія. И такъ не чему дивишься, что весьма немногіе Испы-

пашели Натуры имѣютъ охоту предпри-
нимать воздушныя путешествія.

*

Въ Парижскомъ Асенеѣ съ Ноябрь мѣ-
сяца начался учебной годѣ. Слѣдующіе
Профессоры будутъ преподавать на лекці-
яхъ Науки: *Біотъ* — Опытную Физикку;
Фуркромъ — Химію, *Сю* — Анатомію,
Кювье — Натуральную Исторію, *Виже* —
Литтературу, *Женгене* — Ученую Исто-
рію новѣйшихъ временъ, *Миленъ* —
Исторію искусствъ у Древнихъ, *Сикаръ* —
всеобщую Грамматику, *Робертсъ* Англій-
скій языкъ, *Болдони* — Италіянскій.
Для Нѣмецкаго языка нѣтъ кафедры въ
Асенеѣ, не смотря на то, что во многихъ
провинціяхъ, принадлежащихъ Франціи, сей
языкъ есть отечественный.

*

Замѣчено, что большой орелъ пере-
летаетъ въ минуу 5626 фунтовъ, то
есть около 80 верстъ въ одинъ часъ. Ген-
рикъ II Король Французскій любилъ со-
колиную охоту; одинъ соколъ улетѣлъ
изъ Фонтенебло и черезъ 24 часа очутил-
ся на островѣ Мальнѣ; слѣдственно въ
столь короткое время онъ успѣлъ пере-
летѣть болѣе 1800 верстъ. — Рыба самая
быстрая не можетъ переплыть въ день бо-
лѣе одной мили (lieu); по сей причинѣ мно-

гѣе Напуралисты сомнѣваются въ справедливости ежегоднаго путешествія сельдей изъ Ледовитаго Океана въ Южный. — Улитка едва въ 55 дни можетъ переползти одну милю. — Лошади на рысалищахъ перебѣгали 82 фута въ одну секунду; слѣдственно бѣгъ ихъ былъ скорѣе сильнаго вѣтра. Юмблестоніянъ (имя лошади) нѣсколько разъ перебѣгалъ въ 8 минутъ 4 Англинскія мили, то есть около 5000 шаговъ. — Упомянувъ о животныхъ, любопытно замѣтить, съ какою поспѣшностію люди могутъ бѣгать. Древніе *и м е р о д р о м ы* (гонцы) бѣгали по цѣлому дню безъ усталости. Филонидъ, гонецъ Александра Великаго, перебѣгалъ въ 9 часовъ 1200 стадій. Гонецъ Веймарской Герцогини, Богемецъ Фоке, въ 21 часъ принесъ въ Карлсбадъ весьма важныя письма, и черезъ сполько же времени возвратился въ Веймаръ. Отъ одного мѣста до другаго считающъ 38 миль; слѣдственно Фоке въ 24 часа перебѣжалъ 76 миль.

(Изъ Сѣв. Пт.)

ПОЛИТИКА.

I.

*Нота Прусскаго Государственнаго и
Кабинетнаго Министра Барона Гарден-
берга, срутенная Французскому Мар-
шалу Дюроку и Посланнику
Лафоресту.*

Король поручилъ мнѣ сообщить слѣду-
ющее Г-ну Маршалу Дюроку и Г-ну
Лафоресту, чрезвычайному и полномочному
Посланнику Е. В. Императора Францу-
зовъ. Его Величество не знаетъ, чему бо-
лѣе удивляться, насильствамъ ли, кото-
рыя войско Французское опважилось
сдѣлать въ Его владѣнїяхъ, или непонят-
нымъ доводамъ, которыми теперь хотятъ
оправдать сдѣланныя насильства. Пруссїя
объявила себя неутральною; храня вѣрно
даже до нынѣшняго времени обязанности,
на себя возложенныя, обязанности, полез-
нѣйшія для Франціи, Его Величество рѣ-
шился на такія пожертвованїя, которыя
могли быть опасными для важнѣйшихъ
собственныхъ его выгодъ. Какуюжъ по-
лучили награду споль посюянное право-

душіе, сіи отношенія, столь драгоцѣнныя для Франціи? Его Величество, будучи справедливо увѣренъ въ достоинствѣ своего могущества и сана, съ чувствомъ, котораго не могъ скрыть, прочиталъ оправдательную грамоту, врученную ему въ Кабинетѣ Французскимъ Посольствомъ. Въ сей грамотѣ ссылаются на примѣръ послѣдней войны и на сходство обстоятельствъ; — какъ будто исключенія, сдѣланныя въ тогдашнее время, не были основаны на трактатахъ, которые уничтожены при заключеніи мира! какъ будто Императоръ помнилъ о сихъ трактатахъ, когда занялъ Ганноверъ, — Курфиршество, по силѣ тѣхъ же трактатовъ съ давняго времени состоявшее подъ покровительствомъ Пруссіи. Въ грамотѣ извиняются тѣмъ, что не знали о нашихъ намѣреніяхъ — какъ будто сіи намѣренія не обнаруживались на самомъ дѣлѣ! — какъ будто обстоятельство могутъ переменить сами собою безъ предварительныхъ сношеній между Державами! — какъ будто торжественныя объявленія чиновъ провинціи и Министровъ Его Величества при Курфирствѣ Баварскомъ были не ясны, — и какъ будто я самъ, имѣя карту въ рукѣ, давно не представлялъ Его Пре-ву, Г-ну Маршалу Дюроку и Г-ну Лафоре-

спу о невозможности дозволить переходъ войскамъ черезъ Марграфсва! Не я ли самъ показывалъ дорогу сообщенія, кою Баварія по договорамъ имѣла право одна пользоваться, и переводить черезъ нее свои войска? Въ грамотѣ дають замѣнить, что въ подобныхъ случаяхъ надлежитъ изъясняться опредѣлительно и точно; — какъ будто тому надлежитъ изъясняться, кто спокойно хранилъ правила вѣрности, а не тому, кто намѣренъ ихъ нарушить! Наконецъ выдуманы прозвѣстия, совсѣмъ не бывалыя, почерпнутыя изъ ложныхъ извѣстій; обвиняя Австрійцевъ въ ошибкахъ, въ которыхъ они совсѣмъ невинны, заставляютъ Его Величество подумать о томъ, что поступки ихъ ни мало не сходны съ поведеніемъ Французскаго войска, въ отношеніи къ Пруссіи.

Король, разсматривая поведеніе ихъ и другихъ, могъ бы вывести весьма важныя заключенія о намѣреніяхъ Наполеона; но Онъ отъ того увольняетъ себя, и думаетъ только, что Е. В. вѣроятно имѣлъ причины считать обязательства между имъ и Пруссіею ничего не значущими при нынѣшнихъ обстоятельствевахъ. Король не пощадилъ бы съ своей стороны никакихъ пожертвованій для исполненія сво-

ихъ обязанностей ; но съ нынѣшняго времени почиаетъ себя отъ нихъ свободнымъ.

Король, находясь въ положеніи, въ которомъ болѣе всего надлежитъ думать о собственной безопасности и общей справедливости, останется при тѣхъ же правилахъ, которыми донынѣ одушевлялся.

Онъ ничего столько не будетъ желать, какъ видѣть Европу участвующею въ тишинѣ, которую спарается доставить своему народу; Онъ почтетъ первую для себя должностію всѣми силами споспѣшествовать возстановленію мира, твердаго и прочнаго, посвятивъ всѣ свои усилія и *дѣятельное* посредство для окончанія сего великаго дѣла.

Но видя со всѣхъ сторонъ препятствія въ своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ, Онъ не можетъ еще принять никакихъ мѣръ, кромѣ тѣхъ, которыя клонятся къ охраненію безопасности своего народа. Теперь, не вступая въ обязательства, не пріемля поручительствъ, Онъ находитъ себя принужденнымъ войска свои привести въ состояніе защищать Государство.

Прошу Его Пре-во, Г-на Маршала Дюрока и Г-на Лафореста вручить сіе объ-

ясненіе Е. И. В. Имѣю честь бысть съ отличнѣйшимъ почтеніемъ.

Берлинъ. Подписано : Гарденбергъ.

14 Октябрю 1805.

(Изъ Сѣв. Пг.)

II.

Неутралитетъ Швейцаріи.

Швейцарія пользуется неутралитетомъ, по силѣ договоровъ. Вѣнскій Дворъ, къ которому Полковникъ Глуцъ былъ посланъ въ качествѣ Депутата, согласился на упомянутый неутралитетъ, съ такимъ однакожъ условіемъ, если Франція сдѣлаетъ то же. Въ слѣдствіе чего прежній Ландамманъ Аффри ѣздилъ къ Наполеону въ Спразбургъ, и получилъ отъ него благосклонное соизволеніе. Теперь зависящъ отъ обстоятельствъ войны, останутся ли Швейцарія при вождѣлѣнномъ своемъ неутралитетѣ.

Въ Солопурнѣ собранъ былъ Сеймъ для совѣщанія о принятіи нужныхъ мѣръ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Единодушно определено собрать войско для занятія границъ Швейцаріи. Сіе войско состоитъ изъ 15000 человекъ.

Не было уже такого единодушія на Сеймѣ, когда дѣло дошло до избранія Генерала, которому надлежало ввѣрить войско. Французскій Посланникъ Віаль предложилъ упомянутаго Г-на Аффри. Противная партія стороны Австрійской хотѣла, чтобы извѣстный Генераль Брахманъ начальствовалъ надъ войскомъ. Большинство голосовъ рѣшило безъ пристрастія. Шестнадцатью голосами противъ девяти определено прежняго Ландаммана Ваппенвилля сдѣлать главнымъ начальникомъ надъ всѣми соединенными войсками Гельвеціи. Въ 26 й день Сентября онъ присягнулъ на Сеймѣ, и отправился въ Цюрихъ, въ главную кварпиру, гдѣ собрались войска Кантоновъ, и потомъ выведены для занятія границы въ разныхъ пунктахъ.

Сеймъ издалъ прокламацію о неутралишетѣ, слѣдующаго содержанія:

„Мы, Ландамманъ Швейцаріи и уполномоченные Посланники девятнадцати союзныхъ Кантоновъ Швейцарскихъ. Бывъ собраны на чрезвычайной Сеймѣ въ Солотурнѣ, и на первомъ засѣданіи внимательно разсмотрѣвъ внутреннее положеніе Швейцаріи и ея отношенія ко внѣшнимъ высокимъ Державамъ, Мы опъ имени девятнадцати соединенныхъ Кантоновъ

шоржеспвенно обьявляемъ , что по случаю печальной вѣрояпности обѣ имѣющей начашься войнѣ между великими Державами , которыхъ владѣнїя почти окружаютъ Швейцарїю , Сеймъ — управляемый духомъ Швейцарской вѣрности въ тщательномъ храненїи отношенїй и дружескихъ связей съ сосѣдспвенными Государспвами посредспвомъ мирныхъ и почтительныхъ разположенїй ко всѣмъ Державамъ — по зрѣломъ разсужденїи о томъ , что для благоденспвїя Швейцарскаго народа нуженъ миръ , справедливая пощада со стороны Государспвѣ и ненарушимая безопасность , почиаетъ для себя священнѣйшею должностїю , въ случаѣ отккрытїя войны , остатъся при совершенномъ неутралишетѣ , копорой и наблюдать безпристрастно и по чистой совѣспи прошивъ каждой изъ высокихъ Державъ воющихъ и ихъ союзниковъ. Для сохраненїя сего неутралишета и для обезпеченїя порядка во областяхъ Швейцарїи , Сеймъ опредѣлилъ заняшь Швейцарскїя границы союзными войсками , и защищать оружіемъ безопасность владѣнїй. Сеймъ — судя по обьявленїямъ обоихъ Дворовъ Императорскихъ , по благосклонному учаснїю , копорое они принимаютъ въ судьбѣ Швейцарїи , что особливо показано во время нынѣш-

нихъ военныхъ приготовленій — надѣется и ожидаетъ отъ справедливости обоихъ Монарховъ, что Они сей неупралишатъ народа мирнаго и независимаго ни въ какомъ обстоятельствѣ войны не почтутъ для себя оскорбительнымъ, и отдадутъ повелѣнія начальникамъ своихъ войскъ не касаться областей Швейцаріи, а и того болѣе не занимать въ ней позицій, и не проходить черезъ ея владѣнія. Солопурнѣ. 24 Сентября 1805.“

Подписалъ: *Ландамманъ Швейцаріи,
Петръ Глущъ Рухти.*

Главноначальствующій надъ войсками Генералъ, по прибытіи въ Цирихъ, издалъ слѣдующую прокламацію:

„Мы Рудольфъ Ваппенвиль, Генералъ соединенныхъ войскъ, всѣмъ Г-мъ Офицерамъ, унтеръ - Офицерамъ и солдатамъ корпуса неупральной Конфедераціи. Вы подняли оружіе, по требованію опечества для недопущенія чужестранныхъ войскъ къ нашимъ границамъ, и для охраненія всѣми вашими силами спокойства и тишины, низпосланныхъ къ намъ отъ Провидѣнія, послѣ толкихъ смятеній. Вотъ для чего вы назначены! Союзные Кантоны Гельвеціи не желаютъ войны, хотятъ жить въ мирѣ со всѣми своими сосѣдами, не оскорблять никого и не позволять, что-

бы другіе ихъ оскорбляли; и такъ не слушайте рѣчей, произносимыхъ людьми злонамѣренными и невѣждами. Положитесь во всемъ на своихъ начальниковъ; пребудыте вѣрными знаменамъ, передъ которыми вы клялись; исполняйте охотно и въ точности повелѣнія начальниковъ; довольствуйтесь жалованьемъ и дачею, которыя получаете въ соответствии законовъ, и не опваживайтесь дѣлать никакихъ самовольныхъ пререваній. Живите мирно между собою и со всѣми гражданами невооруженными. Хотя ваша вѣра, вашъ языкъ, ваши обычаи различны; однакожь не забывайте, что вы дѣти одного опечеснва, что вы всегда были и хотите быть Швейцарами, и что вы всѣ вмѣстѣ одну дѣль — сохраненіе доспоинства и независимости нашего опечеснва. Бывъ одушевленъ симъ священнымъ чувствомъ, по опредѣленію Сейма я принялъ на себя званіе вашего начальника. Я предварительно увѣренъ, что во всѣхъ случаяхъ вы поспараетесь довѣренностію и хорошимъ поведеніемъ облегчать тяжкое бремя моихъ обязанностей. Съ искреннею признательностію буду принимать каждой опытъ вашей ко мнѣ преданности, и всѣми силами поощусь ее заслуживать. Однакожь признаю нужнымъ рѣшишельно

объявить, что для сохраненія строгато порядка, котораго отечество пребуемъ отъ насъ и ожидаетъ, я каждой разъ буду изслѣдывать проступки и наказывать за непослушаніе, за безчинство, за прошивузаконныя требованія, за умышленныя оскорбленія. Друзья и товарищи! теперь время и случай показать, что Швейцары достойны своего имени, что мы не лишились духа нашихъ предковъ, и что слѣдующая испина глубоко врѣзана въ нашемъ сердцѣ: „въ союзѣ братскомъ состоитъ наше могущество, въ соединеніи — сила наша.“ Если вы одушевлены сими чувствами, то Богъ опцевъ нашихъ укрѣпитъ вашу руку на ополченіе; Онъ охранитъ васъ, и Его благословеніе пребудетъ съ вами. Ваши дѣти и потомки вкусятъ плоды вашего мужества и вѣрности.“ Дана въ главной квартирѣ въ Цирихѣ, 28 Сентября 1805.

(Изъ Нѣм. Журн.)

III.

Прокламація отъ Римскаго Императора къ народу.

Пребываю спокойнымъ и непоколебимымъ среди 25 милліоновъ чловѣкъ, сердцу мо-

ему и Дому любезныхъ. Имѣю право на любовь ихъ, ибо желаю имъ счастья. Имѣю право на ихъ пособія; ибо что они сдѣлаютъ для престола, то сдѣлаютъ для самихъ себя, для своихъ семействъ, для своихъ потомковъ, для своего спокойства и счастья — сдѣлаютъ для сохраненія всего того, что для нихъ священо и любезно. Австрійская Монархія мужественно спаслась отъ бѣдствій, угрожавшихъ ей въ минувшія сполѣтія. Еще не побѣждена внутренняя сила ея; еще въ сердцахъ людей честныхъ и благородныхъ, за спокойство которыхъ и благоденствіе веду нынѣшнюю войну, пылаетъ старинная ревность, готовая на всѣ усилія и пожертвованія для спасенія того, что должно спасать, то есть: престола, независимости, чести и счастья народнаго. Отъ сей ревности, отъ любви къ отечеству моихъ подданныхъ съ полною довѣренностью ожидаю всего добраго и великаго, а особливо единодушія; ожидаю поспояннаго, быстраго, рѣшительнаго и общаго споспѣшествованія во всемъ томъ, что будетъ повелѣно сдѣлать для удержанія наглаго непріятеля отъ вторженія въ предѣлы Государства до тѣхъ поръ, пока сильныя вспомогательныя войска — Великимъ моимъ Союзникомъ, ИМПЕРАТОРОМЪ Всерос-

сїйскимъ, и другими Государями назначенныя сражашься за вольность Европы, за безопасность троновъ и народовъ — не начнутъ своихъ дѣйствій. Счастіе не всегда отдаляется отъ справедливаго дѣла; согласіе начальствующихъ Особъ, мужество народа и увѣренность его въ своемъ достоинствѣ, скоро заставятъ забыть о первыхъ неудачахъ. Миръ снова процвѣтетъ, и вѣрные мои подданные въ моемъ усердіи и признательности, въ собственномъ своемъ счастіи найдутъ достойную награду за всѣ пожертвованія, коихъ требую для собственнаго ихъ благополучія. Въ Вѣнѣ 1805 года.

(Изъ Варш. Газ.)

IV.

Прокламація Эрцгерцога Иоанна къ Тирольцамъ.

Добрые и вѣрные Тирольцы! чувство умиленія проникло душу мою, когда, находясь среди васъ, я нашелъ старинную привязанность и вѣрность къ законному вашему Государю въ томъ напряженіи, коимъ подтверждаются добродѣтели подданныхъ, полученныя вами въ наслѣд-

ство отъ знаменитыхъ предковъ, незабвенныхъ въ Лѣтописяхъ Тироля. Вы оказали ихъ въ прежнія войны готовностію своею соспавити земское войско; оказали ихъ и въ нынѣшнее время поспѣшнымъ вооруженіемъ себя для защиты отечества, кою рой пребуемъ отъ васъ Монархъ, пекущійся о благѣ общемъ. Сіе признаніе есть свидѣтельство моей благодарности за ваше усердіе и преданность, изъявленныя вами предъ Монархомъ, для собственнаго вашего благоденствія. Я долженъ васъ теперь оспавити, но надѣюсь, что опять увижу васъ довольными и счастливыми. Я увѣренъ, что и въ продолженіе моего отсутствія не переспанете всѣми силами спаритесь оправдати надежды вашего Монарха; это одно есть важное средство поддержати Религію вашу и Конституцію, защитити отечество отъ насилій непріятельскихъ, и обезпечити благоденствіе дѣтей вашихъ и потомковъ. Къ тому откромъ вамъ дорогу во первыхъ довѣренность къ правительству, потомъ строгое повиновеніе начальникамъ, которыя, сообразно съ волею Отца вашего, единственно спараются о вашемъ счастьи, наконецъ непреодолимое мужество и неуспрашимость въ опасностяхъ. Да напечатлѣются глубоко слова мои въ сердцахъ

вашихъ! Когда вѣчное Провидѣніе, устрояющее все во благое, низпошлетъ къ намъ миръ и спокойствіе; въ то время увѣри-тесь, что при семъ вѣщаніи моемъ я думалъ о вашемъ и дѣтей вашихъ сча-стіи, которое побудительною было при-чиною посольства моего къ вамъ и глав-нѣйшею цѣлію вселюбивѣйшаго нашего Государя.

Подписано: *Эрцгерцогъ Іоаннъ.*
(Изъ Варш. Газ.)

V.

Объявленіе жителямъ Вѣны.

Всемилостивѣйшій Императоръ и Король нашъ издалъ числосердечную прокламацію къ любезному своему народу. Средства, которыя Монархъ повелѣлъ употребить для сохраненія вѣрныхъ подданныхъ Австрійскихъ въ безопасности, порядкѣ и независимости, описаны въ объявленіи отъ Графа Угарна, перваго Канцлера. Его Императорское и Королевское Величество симъ пріобрѣтаемъ новое право на любовь и благодарность каждаго изъ своихъ подданныхъ, и съ полною увѣренностію ожи-

дають новихъ доказательствъ привязанности, послушанія и ревностнаго споспѣшествованія отъ народа, не одинъ уже разъ изъявившаго свою приверженность къ Монарху, непрестанно пекущемуся о благѣ общемъ. — Надворный Коммиссаръ взываетъ къ благородному и мѣщанскому юношеству, чпобы они, выполняя общія обязанности, присоединились къ гражданской милиціи для охраненія порядка и безопасности въ споличномъ городѣ и его предмѣстїяхъ въ продолженіе нынѣшнихъ обстоятельствъ, и для отправленія службы гарнизонной. Онъ взываетъ къ жителямъ всѣхъ сослояній, чпобы по иребованію Магистрата охотно явились для умноженія аррїеръ-гардіи полковъ Нижне-Австрійскихъ, и симъ способомъ прїобрѣли бы права на признательность опечеснва. — Всѣмъ иностранцамъ предписывается въ теченіе шести дней выѣхать изъ Вѣны, а черезъ десять — изъ Нижней Австріи, подъ опасеніемъ тюремнаго заключенія. Къ числу иностранцевъ принадлежатъ и тѣ, которые хотя родились въ наслѣдственныхъ провинціяхъ, но живутъ въ Вѣнѣ безъ должности и не занимаюпся никакимъ ремесломъ. По именному высочайшему повелѣнію исключаются изъ того подданные: Россійскіе, Прусскіе, Ан-

гліійскіе , Шведскіе , Датскіе , Саксонскіе и Гессенскіе. — Всѣ лошади и телеги, по случаю наступающихъ обспоятельствъ, должны бытъ употреблены на службу государственную ; безъ письменнаго дозволенія опіъ Главнаго Директора Полиціи не дозволяется вывозитъ за городской валъ ни одной телеги , равнымъ образомъ выводитъ лошади, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія. Въ Вѣнѣ 28 Октябрю 1805.

Подписано : Францискъ Графъ Саурау ,
Надворный Коммиссаръ.

(Изъ Варш. Газ.)

VI.

Отвѣтъ Эрцгерцога Палатина Венгерскаго на рѣчь Римскаго Императора, произнесенную къ Чинамъ Венгерскимъ на Сеймѣ въ Пресбургѣ.

Радостныя восклицанія и веселіе , написанное на лицахъ знаменитыхъ вельможъ и Пословъ благороднаго и великаго народа Венгерскаго , собранныхъ въ сей Паламъ, и съ глубокимъ благоговѣніемъ предстоящихъ преспоу Вашего Императорскаго Величества показывающъ, какимъ живымъ

чувствомъ проникнуты сердца ихъ. Такъ! чувствуемъ, Всемилосливѣйшій Государь, всю важность твоего Слова, видимъ любовь твою отеческую. Познаемъ, сколь велика довѣренность, которую къ намъ имѣешь въ настоящихъ обстоятельствахъ, и никогда не заслужимъ упрека въ томъ, что мы были ея недостойны; будемъ стараться всѣми силами совершенно оправдать твою надежду. — Однакожь въ Рѣчи Вашего Императорскаго Королевскаго Величества есть нечто такое, что поселяетъ боязнь въ душахъ нашихъ: Ваше Величество хотите за насъ подвергать опасностямъ войны освященную свою Особу. Народъ Венгерскій съ давнихъ временъ свое благоденствие почитаетъ въ счастіи своего Монарха. Умоляемъ и заклиняемъ Ваше Величество не подвергать себя никакой опасности, и хранить драгоценную жизнь свою для счастія народовъ. Не будемъ терять времени въ бесполезныхъ совѣщаніяхъ, и едѣлаемся достойными милости Монаршей.

(Изъ Варш. Газ.)

VII.

Рескриптъ Курфюрста Виртембергскаго.

Мы Фридерикъ II и проч. Сообразно съ волею Императора Французовъ, войска, находящіяся въ нашихъ обласпяхъ, или только переходящія черезъ нихъ, должны наблюдать строгую дисциплину и вести себя сообразно дружескимъ связямъ, между Императоромъ и нами существующимъ. Вопреки упомянутымъ отношеніямъ, вопреки чести и порядку, малые отдѣленія и чиновники военнаго Коммиссаріата дозволили себѣ дѣлать вымогательства и насилія во владѣніяхъ нашихъ, которыя до сихъ поръ по возможности своей всѣмъ потребнымъ снабжали Французское войско, и много способствовали успѣхамъ его дѣйствій. Съ прискорбіемъ почти ежедневно получали мы со всѣхъ мѣстъ донесенія и жалобы на притѣсненія отъ Французовъ. Чиновники наши терпятъ обиды за то, что по должности своей прошиваясь насильственнымъ пребываніямъ; у подданныхъ нашихъ, которые съ Французскими солдатами дѣлятся послѣднимъ кускомъ хлѣба, отнимаютъ деньги, одежду и скотину, а иногда поднимаютъ противъ нихъ оружіе, такъ что

не одинъ уже изъ нихъ отъ полученныхъ ранъ лишился жизни (*). Чиновники военнаго Коммиссаріата дозволяютъ себѣ дѣлать чрезвычайныя требованія отъ жителей, и отнятыя вещи продаютъ постороннимъ людямъ за границею на наличныя деньги; они мѣшаютъ нашимъ Коммиссарамъ заготовлять припасы для корпусовъ, проходящихъ черезъ Курфиршество, и грабятъ все, что заготовлено. Такіе поступки не только приводятъ до отчаянія любезныхъ нашихъ подданныхъ, которые и безъ того уже терпятъ во всемъ недосягаемость, но отнимаютъ у нихъ возможность впредь доставлять нужные припасы для Французскихъ войскъ, которыя пройдутъ будущъ. Въ сихъ обспоятельствахъ отеческое попеченіе о вѣрныхъ нашихъ подданныхъ и обязанность способствовать успѣхамъ войскъ Французскихъ принуждаютъ насъ положить конецъ такому насильству. Почему повелѣваемъ всемъ нашимъ Чиновникамъ какъ солдатамъ, такъ и Коммиссаровъ Французскихъ, дѣлающихъ безчинства, немедленно брать подъ спражу и отсылать къ ихъ началь-

(*) Какіе союзники! какой урокъ для Государей, вступающихъ въ связи съ Наполеономъ!

спву. Отдѣленія же нашихъ войскъ, близъ стоящихъ, имѣютъ обязанность въ скорости подавать нужную помощь по сему предмету. Данъ въ Шпуптгардѣ. Ноября 1 дня 1805.

(Изъ Варш. Газ.)

VIII.

Договоръ между Королемъ Неаполитанскимъ и Наполеономъ Бонапарте.

Статья I. Король Неаполитанскій обѣщается въ продолженіе нынѣшней войны между Франціею съ одной стороны, и Англіею, Австріею Россіею и прочими Державами съ другой, оставаться неупральноймъ. Онъ обязывается всякое нападеніе на права и повинности неупральнойства отражать оружіемъ и всѣми возможными способами.

Статья II. Король Неаполитанскій не дозволитъ, какому бы то ни было, военному корпусу, принадлежащему воюющимъ Державамъ, выходить на твердую землю въ своихъ областяхъ, и обязывается наблюдать строжайшій неупральнойствъ какъ на сушѣ, такъ и на водахъ.

Статья III. Кромѣ того Король обязывается не препоручать начальства надъ

своими войсками и крѣпостями ни Россійскимъ, ни Австрійскимъ, ни другимъ какимъ либо воюющихъ Державъ Офицерамъ; Французскіе эмигранты принадлежатъ къ сему же изъяснію.

Статья IV. Король Неаполитанскій обязывается не впускать въ свои гавани эскадръ, принадлежащихъ воюющимъ Государствамъ.

Статья V. Е. В. Императоръ Французовъ, полагаясь на выше означенныя обѣщанія и обязательства, соглашается вывести войска свои изъ Неаполитанскаго Королевства, что и долженствуетъ быть исполнено спустя мѣсяць послѣ размѣнаратификацій сего договора. Въ то время крѣпости и военные посты обратно будутъ сданы Офицерамъ Короля Неаполитанскаго въ такомъ состояніи, въ какомъ нынѣ находятся. Сверхъ того Императоръ Французовъ обязывается признавать Королевство обѣихъ Сицилій неутральнымъ во все продолженіе войны настоящей.

Ратификаціи сего договора въ самомъ короткомъ времени должны быть размѣнены въ Неаполь. Писанъ въ Парижѣ, 21 Сентября 1805 года

Подписали :

Маркизъ де Галло.

Талейранъ.

(Изъ Гамбур. Полиш. Вѣд.)

Письмо изъ Лондона.

Наша побѣда надъ непріятелемъ куплена дорогою цѣною; — человѣку предопредѣлено получать значныя выгоды не иначе, какъ по преперпѣннѣи безпокойствъ, трудовъ, опасностей. Довольно, если *таша добра* перешагиваетъ; не справедливо было бы желать, чтобъ зло не имѣло никакой тяжести.

Голодъ и несогласія наконецъ вывели изъ терпѣннѣя Французовъ, находившихся въ Кадиксѣ. Соединенному флоту Французско - Испанскому удалось ускользнуть, когда онъ плылъ въ западную Индію; ему опять удалось ускользнуть, когда возвратился въ Кадикскую гавань; турманы зацципили его отъ гибели 22 числа Іюля. Такая удача подала поводъ Адмираламъ, совершенно положиться на свое искусство *лрятаться*. Бонапарте рвался отъ досады, видя, что большая часть кораблей его и мапросовъ должны быть въ заперпи чрезъ все продолженіе войны. Тѣ и другіе крайне были ему нужны на Средиземномъ морѣ, для высадки войскъ въ Италіи и для возпрепятствованія дѣйствованію Россіянамъ и Англичанамъ. Ему лучше хотѣлось бы Гравину и всѣхъ

Испанскихъ мореходцевъ имѣть въ какой нибудь Французской приспани, нежели видѣть своего Адмирала Вильнева со множествомъ кораблей и матросовъ запертымъ въ Испанской приспани. Онъ обманывалъ себя пустою надеждою, что случай поможетъ ему загладить стыдъ свой, навлеченный бесполезными морскими приготовлениями и угрозами завоевать Англію. И такъ призналъ нужнымъ дать рѣшительныя повелѣнія. Въ 19 й день Октября Вильневъ и Гравина со всѣмъ соединеннымъ флотомъ вышли изъ Кадикса и направили путь свой къ Гибралтарскому проливу. Лордъ Нельсонъ, съ 27 линейными кораблями, стоялъ весьма близко подлѣ пролива, слѣдственно могъ не пропустить непріятеля. Тутъ Вильневъ и Гравина увидѣли, что *непрелѣнно надлежало драться*, и выстроились прошивъ Трафальгарскаго мыса такимъ образомъ, что расположеніе кораблей ихъ находилось въ порядкѣ, копорой, такъ сказать, удвоивалъ число оныхъ.

Двадцатаго числа Лордъ Нельсонъ сообщилъ свой планъ нападенія Адмираламъ и Капитанамъ флота. Ему хотѣлось предупредить замѣшательство, которое могло произойти отъ множества сигналовъ, и ударить въ непріятеля

двойною линією. По утру 21 числа флотъ сталъ въ боевой порядокъ по его плану. Лордъ Нельсонъ, будучи на кораблѣ Виктори, занялъ мѣсто напередѣ одной колонны, а Адмиралъ Коллингвудъ передъ другою. Въ полдень Главноначалъспивующій флотомъ пробился сквозь переднюю линію подлѣ десятаго корабля, а Г. Коллингвудъ — сквозь заднюю подлѣ двѣнадцатаго. Прочіе корабли слѣдовали за передовыми подлѣ самыхъ непріятельскихъ пушекъ; началось сраженіе.

Казалось, что самое начало Англичанъ рѣшило судьбу цѣлаго дня. Французы и Испанцы сражались какъ люди не совсѣмъ недостойные драться съ Англичанами. Лордъ Нельсонъ прибавилъ къ послѣднему своему приказу слова: „Англія надѣется, что каждый исполнитъ свою должность.“ Сердца всѣхъ пронулись такою возвышенною простотою. Каждой солдатъ, каждой мапрось казался Нельсономъ. Непріятельскіе корабли окружили Рояль - Соверень, на которомъ Герой Коллингвудъ находился. Но друга Нельсонова это не устрашило. Его корабль потерялъ мачту; болѣе 400 человекъ около его убито и ранено; не смотря на то, онъ одержалъ верхъ надъ разъяреннымъ непріятелемъ. Черезъ два или три часа послѣ

начатія сраженія, Лордъ Нельсонъ, коимъ-
рой съ хладнокровіемъ и мужествомъ
сверхъестественнымъ подвергалъ жизнь
свою всѣмъ опасностямъ, былъ смертельно
раненъ въ лѣвую сторону груди ружейнымъ
выстрѣломъ, послѣдовавшимъ съ корабля
Сантиссима Тринидада. Нельсонъ упалъ
на руки одного Офицера, подлѣ него спо-
явшаго, и въ ту же минуточку по-
слалъ послѣднее свое прощаніе Коллин-
гвуду. Онъ дожидъ до радостной минуточки;
услышалъ, что надежды его свершились,
что его планъ нападенія имѣлъ желаемой
успѣхъ, и что пятнадцать линейныхъ
кораблей Французскихъ и Испанскихъ до-
спались Англичанамъ — услышалъ, и въ
упоеніи славы и блаженства испустилъ
послѣднее дыханіе.

Не смотря на столь важную потерю,
храбрый Капитанъ его корабля и солдаты
продолжали исполнять свою должность:
Сантиссима Тринидада, четырехъ-палуб-
ной о 136 пушкахъ корабль — величайшій
въ мѣръ — спустилъ флагъ свой. Прежде
четыре часовъ послѣ полудня уже было
взято двадцать линейныхъ кораблей,
Испанскихъ и Французскихъ. Адмиралъ
Гравина съ остаткомъ соединеннаго флота
побѣжалъ къ Кадиксу. Три Адмирала,
одинъ Генералъ и множество Офицеровъ

доспались въ руки побѣдителей. День сей споялъ непріятелю по крайней мѣрѣ 20000 человекъ.

Однакожъ и побѣдоносный флотъ потерпѣлъ отъ сраженія и отъ бури ущербъ, довольно чувствительной. Его положеніе было самое опасное между ошмѣлями Трафальгарскими. По счастію вѣтеръ ночью переменился, и корабли успѣли отъ береговъ удалиться.

23 го Числа вѣтръ усилился. Гравина сдѣлалъ видъ, будто хочетъ напасть на флотъ Англійскій и отнять у него добычу. Немногого труда спояло заставить его отказать отъ сего покушенія. Чтобы взятые корабли не доспались обратно непріятелю, нѣкоторые изъ нихъ надлежало потопить. Ахиллъ, Французскій корабль о 74 хъ пушкахъ, взлетѣлъ на воздухъ отъ неосторожности людей, на немъ находившихся. Пленныя Адмиралы и Генералъ посланы въ Англію, и, какъ слышно, прибыли уже въ Портсмутъ. Прочіе пленники также скоро будутъ къ намъ привезены, но совсѣмъ не для того, чтобы заставить ихъ безпрестанно терпѣть ругательства, обиды и безчестіе, на которыя Бонапарте осуждаетъ своихъ военнопленныхъ.

(Изъ Лонд. Газ.)

Извѣстія и замѣчанія.

Вопшъ условія, на которыхъ Бонапарте соглашается заключить перемиріе съ Римскимъ Императоромъ : „Войскамъ союзниковъ возвратиться въ свое отечество ; вооруженіе Венгерцовъ прекратить и уничтожить ; Герцогство Венеціянское и Тироль должны быть уступлены Французамъ до окончательнаго мира.“ Это напоминаетъ извѣстную басню о волкѣ, кою рой овцамъ предлагалъ почти такія же условія. Г. Бонапарте выбралъ для сего весьма удобное время, а именно когда Англичане посылаютъ войска свои на твердую землю, когда Россійскіе и Шведскіе корпусы со всевозможною поспѣшностію идутъ къ мѣстамъ своего назначенія, когда Прусскія, Саксонскія и Гессенскія войска находящіяся въ движеніи, наконецъ когда получены извѣстія объ изстребленіи соединеннаго флота. — Крипическія обстоятельства Австріи принудили Эрцгерцога Карла отступить изъ Италіи. Сіе отступление почитается образцовымъ въ военномъ искусствѣ. Извѣстно, что онъ, оставивъ сильной гарнизонъ въ Венеціи, повелъ войско свое къ Лайбаху, и идетъ, какъ кажется, въ Венгрію. — Французы

заняли Вѣну. — Армія, которую Эрцгерцогъ Фердинандъ собираетъ въ Богеміи, спановишся день око дня многочисленнѣе. Кромѣ полковъ регулярныхъ, присоединенныхъ къ его корпусу, онъ собралъ болѣе 15000 человекъ, разбѣжавшихся послѣ сраженій и спасшихся отъ плѣна; всѣ они спали подъ его знаменами. Если прибавить къ сему числу еще тѣхъ, которые прежде въ Богеміи присоединились къ Эрцгерцогу Фердинанду, то скоро увидимъ его предводителемъ многолюднаго ополченія.

Римскій Императоръ возложилъ на Генерала Голенищева - Купузова большой Крестъ Маріи Терезіи въ воздаяніе незабвенныхъ его заслугъ при Кремсѣ. По реляціи, напечатанной въ нашихъ Вѣдомостяхъ о сраженіи при упомянутомъ городѣ, объявлено только число Франгузовъ, *взятыхъ въ плѣнъ* побѣдителями. Въ Нѣмецкихъ газетахъ пишутъ, что непріятель потерялъ при семъ случаѣ *убитыми* болѣе 6000 человекъ.

Конецъ ХХІV Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Н О Я Б Р Ъ. № 21.

	Стран.
I. Юлій - Романъ.	3
II. Объ источникѣ Воклюзскомъ и жизни Петрарковой.	9
III. Анекдотъ изъ Шведской Исторіи.	17
IV. Дань удивленія великимъ лю- дямъ.	21
V. Нѣчто о зданіяхъ Готическихъ.	26
VI. Извѣстіе о Тиртеѣ.	28
VII. Тиртеевы Оды.	29
VIII. Письмо къ Издателю.	40
IX. Смѣсь.	46
X. Историческія извѣстія о нынѣш- немъ состояніи торговли и мореплаванія по Черному морю.	54
XI. Извѣстія и замѣчанія.	70

Н О Я Б Р Ъ. № 22.

I. Нурмагала.	81
II. О путешествіи Джона Баррова въ Китай.	121
III. Цыганская пляска.	134
IV. Осенняя прогулка.	135
V. Историческія извѣстія о нынѣш- немъ состояніи торговли и	

Мореплаванія по Черному морю. (Окончаніе.)	-	-	144
VI. Дневная записка о вступленіи Французской главной армии въ Германію.	-	-	151
VII. Извѣстія и замѣчанія:	-	-	154

Д Е К А Б Р Ъ. № 23.

I. Разговоръ между Александромъ Великимъ и Карломъ XII.	-	-	161
II. Альбанъ.	-	-	173
III. Выписка изъ Баррова Путешествія въ Китай.	-	-	179
IV. Осень.	-	-	189
V. Двѣ Рѣчи, произнесенныя Роменскаго повѣта Маршаломъ Г-мъ Полетикою, по случаю Дворянскихъ выборовъ въ нынѣшнемъ году.	-	-	191
VI. Нѣчто о прежнихъ и нынѣшнихъ костюмахъ и декораціяхъ Парижскихъ театровъ.	-	-	194
VII. Примѣры расточительности.	-	-	201
VIII. Объ Американскихъ женщинахъ.	-	-	203
IX. Выписка изъ Импровизатѣра.	-	-	207
X. Смѣсь.	-	-	209
XI. Къ незнакомой Благотворительницѣ.	-	-	216
XII. Хищенія Наполеоны.	-	-	217
XIII. Извѣстія и замѣчанія.	-	-	233
XIV. Стихи на побѣду Русскихъ надъ Французами при Кремсѣ.	-	-	238

I.	Геройская рѣшительность Негра.	241
II.	Павель Веронезъ	147
III.	Разсужденіе о существахъ орга- низованныхъ.	253
IV.	Признаки круженія головъ Фран- цузскихъ.	256
V.	Разсужденіе о переводахъ.	263
VI.	Любопытныя извѣстія о Калмъ- жакъ.	269
VII.	Эпиграммы.	284
VIII.	Смѣсь.	284
IX.	Нота Прускаго Государственнаго и Кабинетнаго Министра Бя- рона Гарденберга, врученная Французскому Маршалу Дю- рокю и Посланнику Лафоресту.	290
X.	Неутралитетъ Швейцаринъ.	294
XI.	Прокламація отъ Римскаго Им- ператора къ народу.	299
XII.	Прокламація Эрцгерцога Иоханна къ Тирольцамъ.	301
XIII.	Объявленіе жителямъ Вѣны.	303
XIV.	Отвѣтъ Эрцгерцога Палатина Венгерскаго на рѣчь Римскаго Императора, произнесенную въ Чинамъ Венгерскимъ на Сеймѣ въ Презбургѣ.	303
XV.	Рескриптъ Курфюрста Виртем- бергскаго.	307
XVI.	Договоръ между Королемъ Неа- политанскимъ и Наполеономъ Вонапарте.	309
XVII.	Письмо изъ Лондона.	311
XVIII.	Извѣстія и замѣчанія.	316